

УРАЛЬСКИЙ
снегоним
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

1 (679) январь, 2014

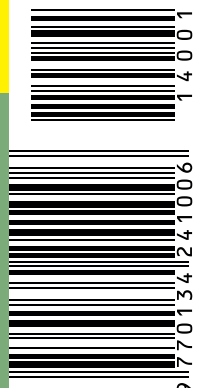
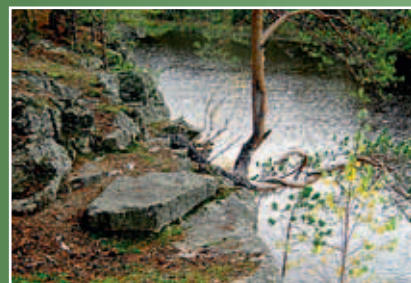

Пути уральские

ВИХЛЯЮЩИЙ РУБЛЬ

МЕСТО ПАЛАТКИ

ЧУДСКАЯ КРЕПОСТЦА

Январь 2014

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, Е. Киселев

Литературный консультант – Е. Киселев

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на обложке – Е. Шубница. Национальный парк «Югыд Ва», Приполярный Урал

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
• Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
• Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан
• Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
• Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
• Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №1 (679), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №1. Отпечатано в типографии АМБ, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59. Телефон: +7 (343) 251-65-91. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 20.12.2013 года. Заказ №

Встречный ветер

Версия

И.КУЗНЕЦОВ
Забытое
Лукоморье?..... 24

Экспедиция

А.КОШКИН
Современные
находки на месте
палатки
дятловцев..... 26

Версия

В.ЯКИМЕНКО
Золатарев держал
в руке записную
книжку..... 32

Добрые попутчики

Интурмаркет –
начало сезона
туристских
выставок 38

Путешествия

М.РУКАВИЧНИКОВА
Где-то в уральской
глубинке 40

Экспедиция

Е.ШУБНИЦИНА
Балбанью –
река идолов..... 44

Река времени

Тропой поиска

В.БРЕДНЕВ
Три пещеры –
обитель древней
цивилизации 3

Верхотурские
были-небыли

Ю.ГОРБУНОВ
Неромкур 6

Дальнее-близкое

А.КУЗЬМИН
Датчанин
в Сибири 11

Клуб собирателей

В.ПОПОВ
Параллельные
курсы и «вдовья
женка» Марфа
Кичигина 16

Тропой поиска

Ю.ДЕМЧЕНКО
Дом, построенный
на песке 20

Журнал в журнале

Три пещеры — обитель древней цивилизации

В районе села Большое Баландино Сосновского района Челябинской области археолог Владимир Иванович Юрин в прибрежном гротовом комплексе отыскал артефакты сразу нескольких исторических эпох.

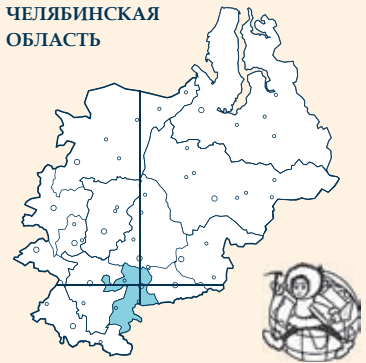
К открытиям береговых городищ, сделанных еще в середине прошлого века, добавилось еще одно, более значимое — пещерный комплекс. Береговые городища трудно было назвать достопримечательностью, — так как чего-то особенного, зримого и значительного в этих археологических памятниках нет. Единственное, что привлекало туда туристов, так это неописуемая природа каньона, в котором течет река Миасс. Челябинцы, привыкшие видеть реку широкой, ленивой и мелководной, зарастающей камышом и даже покрывающуюся в черте города тиной, удивляются, насколько бурной и своен-

равной становится она, зажата с двух сторон базальтовыми скалами, в которых, кстати сказать, и проложила свое русло.

Владимир Иванович примчался в Баландино как обычно, неожиданно-негаданно, подобно шторму. В общем, он и есть шторм. При его появлении масса людей почти мгновенно вовлекается в задуманное мероприятие. Сентябрьским днем 2013 года Юрин привез с собой сотрудника лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук из города Екатеринбурга Анатолия Ивано-

► Школьники из археологического кружка Трубненской средней школы ведут просев грунта

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Бреднев

Краевед. Окончил Челябинский пединститут, работал учителем в школе, сотрудником районной газеты. Редактор детского областного издания «Апельсинка».

◀ Каньон реки Миасс в районе Трех пещер, близ поселка Большое Баландино

▼ Археологи А.И.Улитко и В.И.Юрин ведут описание объекта

вича Улитко и журналиста из Челябинска Владислава Писанова. Я должен был стать проводником к месту будущих раскопок. Это при том, что в наличие артефактов древних времен, как и в утверждение, что гроты являются древними природными образованиями, я верил с трудом. Большинство пожилых жителей поселка Большое Баландино рассказывают легенды, связанные с цыганскими таборами послевоенной поры да искателями золотоносных жил, и ни с чем более гроты не связывают. Кстати, у местных жителей этот памятник природы называется просто — Три пещеры.

Но Владимир Иванович Юрин неумолим. Сидя на переднем сидении журналистского джипа, он критикует мою недалекость и непопулярность.

— В позапрошлом году со школьниками мне удалось при вскрытии грунта в пещере и его высевании найти бронзовый пинцет. Таких пинцетов найдено всего несколько штук. Предмет относится к четвертому-пятому веку, то есть артефакту не менее полутора тысячелетий. Принадлежать он мог либо очень знатной женщине, либо шаману-врачевателю. В пещере есть захоронение. Я в этом уверен. А весь комплекс мог быть либо стоянкой, либо святилищем. Последнее более вероятно, так как есть погребение.

Проехав какое-то расстояние по лесной дороге и преодолев несколько песчано-глинистых ям, наполненных водой, мы вынуждены оставить автомобиль. Далее, взвалив на себя рюкзаки с инструментами, идем пешком. Чуть в сторону от дороги — и наш

обычный лес становится непролазной тайгой. Советую археологам смотреть под ноги, чтобы гадючку ненароком не задавить. Ученые равнодушны, а вот журналист, оказавшийся в одежде, не соответствующей путешествию, под ноги посматривает, но редко. Больше смотрит в видеоискатель фотоаппарата. Места красивые. И если не знать, что река после города Челябинска не совсем чистая — виды можно охарактеризовать одним словом, которое и произносит Владислав Писанов: «Швейцария!».

На следующий день начинается эпопея с раскопками. По заведенному обычаю Владимир Иванович приглашает на работы группы школьников из кружков археологии. Главными копателями и проводниками становятся несколько мальчишек из местной школы. Они помогают собирать грунт, выносить его из раскопа, высеивать или промывать на специальных ситах. С каждой подозрительной комочкой, щепочкой, камушком бегут либо к Анатолию Ивановичу, либо к Юрину. Я не в счет, потому что в науке археологии, по понятиям юных поисковиков, смысло мало, почти ничего.

Не напрашиваюсь. Занимаюсь своим делом, веду негласный дневник экспедиции и каждый день готовлю ужин. Вечера получают длинные: во-первых, поисковики долго и подробно рассказывают, что им удалось найти за восемь часов работы, во-вторых, корректируют планы на завтрашний день. Хотя что там корректировать: копай да копай. Но у «академиков» свои причуды. Я же делюсь с ними тем, что успел услышать от своих односельчан. Нужно

отметить, что деревенские люди к каждому пришлому человеку, что-то ищущему, сейчас относятся очень настроенно. В каждом подозревают злобного буржуа из города, решившего обогатиться за счет простоватых жителей деревни. Поэтому на мои уверения в том, что данные люди не опасны и всего лишь ведут раскопки древнего могильника, местные выдвигают свою версию. По их словам получается, что «эти двое» могут быть сыновьями ко-

лонистов. Так в краеведческой копилке появляются отрывочные сведения о существовании колонии для малолетних преступников, которая была расположена ниже по течению реки. Старожилы припоминают, что в деревне часто появлялись расконвоированные, с которыми были связаны какие-то криминальные случаи. И тут же всплывает несколько рассказов о побегах заключенных. Об их смертях. О том, что и могилка, которую копают «ученые», из той же страшноватой эпохи конвоиров, лагерей и побегов.

Конечно, на вечерних совещаниях при упоминании Юрина о сенсационном открытии новых фактов в древней истории края я не могу удержаться, чтобы не подначить археолога и не вставить, что сенсацией было бы отыскание золотого клада от колонистов. Естественно, подвергаюсь анафеме.

Второй квадрат раскопа приносит огромный сбор. Разрозненные кусочки глиняного горшка. Меня подмывает сказать, что цыганы кринку разбили, но Юрин уверен — керамика древняя. Она лежит в основании погребальной ямы. Следом на сито попадает наконецчик стрелы. Его относят к эпохе монголо-татарского нашествия. Еще весомее находка Анатолия Ивановича

лет назад. Жила вместе с мамонтами и шерстистыми носорогами, — наперебой рассказывают мальчишки. — В нашем раскопе обнаружен только череп лошади. Мы можем сделать выводы, что он принесен человеком и уложен около могильной ямы как ритуальный знак. Тогда возникает версия, что данное место, Три пещеры, было посещено на протяжении огромного количества времени. И мы имеем набор артефактов разных эпох.

Окончательно рушится бытовавшее среди аборигенов мнение о том, что «Три пещеры» — неудачная попытка поиска золотоносных жил с приездом геолога. По данным краеведов и челябинских историков края, в конце XIX — начале XX века по руслу реки Миасс от Челябинска и ниже по течению, включая прибрежные зоны, велись старательские разработки песчаного и кварцевого золота. Но гроты — это природные образования, с периодом рождения в несколько сотен тысячелетий.

Это подтвердил приехавший на раскопки географ, минералог-любитель, автор нескольких книг о минералах Урала и сборника открыток о Челябинском метеорите Сергей Васильевич Колисниченко.

то костей, горловины горшка, которая никак не соотносилась с ранее найденными черепками, и куска какого-то крючка, откованного лет двести назад, имеющего хорошо различимую зубрину, отчеканенную на горячем металле.

Не просто так на берегу Миасса возник мой поселок, скорее всего, первопоселенцы приняли во внимание наличие особого места, о котором аборигены того далекого времени (середины XVIII века) не забывали. В начале девяностых прошлого века в наших местах летом бродили уфологи, отыскивая не то «места силы», не то пытаясь захватить НЛО. В те времена всеобщего безденежья местным было не до летающих тарелок и не до аномальных мест, как, впрочем, и сейчас.

Но открытие существует. Погребальная яма, четко прорисованная на глиняном ложе, оказалась пуста, хотя признаков разорения вокруг не замечено. Археологи повезли с собой собранные материалы, чтобы изучить их и дать оценку. А к знаменитым благодаря газетам и телевидению Трех пещерам потянулись люди. Заглядывали местные, ходили, хмыкали, заползали в гроты, ковыряли их стенки, пытаясь отыскать истинные причины рас-

► Учащиеся школы села Большое Баландино ведут выемку грунта

Улитко. При промывке очередной порции грунта на сите оказываются огромные желтые кости. Школьники в восторге. Для них пока все равно, что это. Главное — находка. Зримая. Ее можно подержать в руках, покрутить, посмотреть на свет, понюхать. И через несколько часов со знанием дела переказать полученную от ученого информацию мне.

— Это передние резцы плейстоценовой лошади. Обитала 12 тысяч

— Безоговорочно, мы видим природное разрушение палеовулканических пород под действием природных факторов на протяжении миллионов лет. Эти гротовые образования очень древние, пережившие и землетрясения, и наводнения, и оледенения. Большая часть разрушений произошла под воздействием климатических условий, — сделал вывод Сергей Васильевич.

А я стал свидетелем находки каменного наконечника стрелы, еще каких-

копок. Потом зачистили «дикие» туристы. В выходные дни на берегу реки, на древних скалах горят костры, жарятся шашлыки, происходят фотосессии. А ночью, когда становится холодно и жутковато, в промежутках между рассказами о том о сем люди двадцать первого века ждут встречи с инопланетянами, духами леса, снежными людьми или энергетическими потоками, которые приходят из космоса в определенные точки нашей планеты Земля. **У**

Двое любящих и Бог

Серия очерков «Верхотурские были-небыли» в документально-художественном жанре повествует об историко-культурных памятниках Верхотурья — древнейшего города и духовного центра Урала. Первым по времени памятником старины была сухопутная Бабиновская дорога, которая привела русичей на Камень и положила начало Верхотурью. Об этом памятнике шла речь в серии очерков «Дева-птица» (см. «УС» 2013, №№ 1–8). Новая серия «Двое любящих и Бог» в том же документально-художественном повествовании представляет историю другого замечательного памятника Верхотурья — Свято-Троицкого собора и Верхотурского кремля.

Неромкур

Жил чудской народ на севере нашей Европы. Лесной, неприхотливый. Жил в согласии с природой — лесом и его обитателями. Не возносился перед ними, но и не заискивал. А владел языком и разными промыслами — охотой, рыбной добычей, гончарным, косяным, деревянным задельем.

Ростом были эти чудины, что мужчины, что женщины, под стать лесу — великанами. Но от природы не брали ничего лишнего — только то, что надобилось им для жизни. Мясо для еды, шкуру для одежды, кость для разного бытового рукодельного обихода. Чудины не умели убивать, а только добывать. Как трава, дерево, зверь и птица добывают себе потребное для жизни. Откуда взялись-пошли, из какой Гипербореи?..

Окружающая вселенская стихия являлась чудинам несколькими взаимосвязанными пространствами. Верхнее населяли духи света и рождения; нижнее наоборот — тьмы и смерти. А человеку и всему живому срединного мира была дана изначальная возможность перевоплощения. Родившийся мог умереть, погибнуть, но мог и возродиться к новой жизни. Мир духов, зверей и людей был общей средой обитания. В таком едином общежитии чудины обретали душевный лад, не делали трагедии из смерти, а вчерашнего врага-добычу легко и естественно обращали в друга.

Не умея убивать, они умели и любили творить. Всякое ремесло: гончарное ли, швейное или косяное — являло в их руках образы, фантазии окружающего мира. Если ладил чудин из глины или дерева нужный ему оби-

ходный предмет, то в этой глине или дереве как бы оживотворяло ли добытого накануне глухаря, то ли рысь, чьей добычей едва не стал его сородич. Способность делотворчества отличала чудинов от прочих лесных обитателей и покровительственно возвышала их над ними. Живой и рукотворный мир окружал этих лесных великанов.

Рос между чудинами и маленький Неромка. Ну как маленький? Меньше взрослого великана. Поэтому лучше будет сказать — юный. Всему учился, все постигал, а смотрел, хоть и мальчуган, как бы выше прочих. Если какой промысел усвоил, сразу ему нетерпелось его изошрить. Чего только из глины и дерева не наострил мастерить! У всех кринка, а у Неромки, глядь, кувшин, да с такой еще узорной ручкой. У прочих чудинов лук как лук, а у него на каждую добычу — особый. За тем же, сказать, сохатым с тетеревиным луком не пойдет.

А еще замечали чудины у Неромки этукую всехность. Что ни сработает — все на общую чудскую потребу. А особенно по-тихому любил удивить. Украсит, сказать, соседское жило деревянной невидалью и радуется в сторонке, как чудины языками цокают и головами качают. Для себя одного ничего Неромка не держал.

Между тем, стали теснить чудинов пришлые люди. И ладно бы теснить. Лесные великаны становились легкими жертвами их насилия и жестокости. Пришлецы не были дикарями или людоедами. Убивали не за надобностью или защищаясь, а из привычки убивать на себя не похожих и присваивать захваченное. Безответность чудинов толь-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Редактор отдела истории и краеведения в журнале «Уральский следопыт». После окончания УрГУ работал в редакциях уральских газет, журнале «Урал». Был инициатором создания и первым руководителем всероссийской общественной организации «Содружество павленковских библиотек». Автор книги об издателе-просветителе Ф.Ф.Павленкове и многих научно-популярных статей о нем, серии очерков о женщинах великокняжеской Руси, нескольких книжек публицистики, составитель словаря «Писательницы России». Его очерки и рассказы печатались в «Уральском следопыте», «Урале» и другой уральской периодике.

ко распяла их жестокость. И стал редеть чуждой народ.

Беда выделила из чудинов Неромку, который сразу вырос в их глазах и стал зваться Неромкуром. Он собрал в племя оставшихся земляков и повел их на восход солнца, встающего из-за каменной гряды. Идти и плыть приходилось неизвестными реками и нехоженой тайгой. Только сила и умение чудинов да неуемная вера их вожака помогли преодолеть великие трудности пути. А каменная грива, которую они сумели перевалить, на долгое время стала щитом их безопасности. Место для стойбища выбрали на высокой береговой скале, защищенной руслами двух рек.

Как только обрели чудины лад и улеглась их тревога, Неромкур снова стал Неромкой, незаметным и неприхотливым великаном. Горнолесная округа подарила ему новый промысел — меднолитейный. Бродил как-то по каменным россыпям, припоздился и решил заночевать. Привычно добыл огонь и прямо на камнях раздул костер. Утром, когда от березовых и осиновых сучьев осталась только потухшая зола, вдруг разглядел среди серых камней гладкие капельки под цвет сосновой коры. Поднял — а они горячие. Собрал их, а также и все по цвету похожие камешки и начал их так и этак огнем пытать, пока капельки не приняли форму его каменной посудинки. Плавильня у Неромки затеялась с каменной печкой. А со временем он и других чудинов к медному делу приохотил. Медный камень они обращали в предметы домашнего обихода и орудия добычи.

В эту пору объявилась среди чудинов необычная девица. Никто не знал, откуда она взялась, но всем казалось, что была она среди них всегда и всегда же звалась Турой. Почему, сказать, всегда? А умела Тура то и дело менять свой облик. Покажется то птицей, то напомнит ликом белочку, то стерлядкой и зовется... Привычные, знакомые чудином лики. Но стоило кому к ней приглядеться, остановить момент — никакой белочки-стерлядки как не бывало. Тура и Тура, только в глазах притаилась нездешность.

Тура к Неромке и Неромка к Туре мало сказать, что льнули — по одному да врозь и не видели их чудины. Весь добытый металл изводил теперь Неромка на причудливые образы-личины, более, сказать, долговечие, чем дерево, кость или глина. Похожих одна на другую не было среди личин. Вот человек с лосиной головой и крыльями... Неведомая птица тоже с чело-

► Чудины были великанами

▲ Всадница на лосе-коне

веческим ликом... Медведь или росомаха с крыльями и птичьим хвостом... Утка, наделенная головой лося... Свою ненаглядную Туру Неромка всю личинами убрал. И чудинов своим задельем заразил. Металл, который прочие человеки тратили для производства орудий насилия, чудины одухотворяли образами окружающего мира.

Неумная фантазия чудинов запечатлела в металле их вечную жизнь в согласии с природой, жизнь, в которой нет места жестокости. Чудины — литейщики и ваятели — преодолели немоту природы и поднявшись над ней своей жизнотворной фантазией, остались ее детьми. Неспособность убивать была тому порукой.

Чудское поселение на прибрежном камне-скале оживило необитаемую прежде тайгу. Великаны множились, строили на берегах рек свои стойбища, жилища и мастерские. Реки, горы, урочища обрели у них имена. На деревьях и скалах чудины оставляли свои письмена, знаки и рисунки. Все вместе эти чудские писанцы явили им подробнейшую карту округи, иллюстрированный путеводитель, книгу, наполненную самой разной информацией в образах и знаках. Жизнь тайги перестала без-

молвствовать, обрела первые страницы истории.

Но и здесь, за Камнем, достали их вооруженные пришельцы, поставившие свой разум на службу насилию. Все более сужалась их петля вокруг чудских стойбищ. Не умея и не желая защищаться, великаны гибли, становясь легкой добычей пришлых людей, хищных и жестоких. Чудские стойбища обращались в нежить.

И опять Неромка — уже взрослый великан — обрел имя Неромкура. Чудины смотрели на него с надеждой. Только их неприступная крепость, окруженная двумя реками и рвом, еще не давалась пришлецам.

Тревогой наполнилось стойбище чудинов. Что ни день теряли они охотника, не вернувшегося с промысла. Кормились редко забредавшими на их скалу животными и случайно залетевшей птицей. Неромкур без усталости мастерил хитроумные луки, силки и ловушки, но и они все чаще оказывались беспредельными и пустыми. На реку чудины опасливо спускались по ночам, чтобы с факелом и острой добыть немного рыбы, набрать воды.

Только Тура по-прежнему не ведала печали. Звеня медными личинами, носилась она по округе без усталости

и страха. То и дело меняя облик, оказывалась то на вершине сосны, опасно склонившейся над речным обрывом, то ящеркой ускользала в чашу леса, то вдруг пугала чудинов фигурой ставшей на дыбы медведицы. В иные дни навсего исчезала она из стойбища, и тогда Неромкур не находил себе места, заделье валилось у него из рук. Все реже чудины видели их вместе.

А однажды Тура вернулась в стойбище не скоро. Ее левая рука выше локтя была обмотана листьями папоротника и перевязана тонким корнем кедра. Под листьями запекалась кровь. Выслушав краем уха горькие упреки Неромкура, Тура вдруг замерла и долго-долго смотрела на него нездешними глазами.

— Ты давно не дарил мне личины, Неромка, — сказала Тура.

— Но ты ведь забыла ко мне дорогу, — ответил он.

— К тебе так много дорог и кроме моей. Ты должен выбрать, Неромка, — меня или стойбище. Мы уйдем — двоих пришлым людям не взять. Мы найдем другое место и начнем новое племя — племя новых людей...

Тура все ближе подходила к Неромкуру и с каждым шагом менялся ее облик.

— Выбирай, Неромка... — слышал он то ли голос птицы, то ли далекий рев неведомого зверя. Тура была все ближе, а голос слышался издалека и замирал вдали: — Выбира-а-а-ай...

Было раннее утро. Красный солнечный круг только-только показался из-за горизонта, и умывались в его лучах лишь верхушки сосен на высокой

▲ Родители с ребенком стоят на ящере

скале. Но уже просыпалось тревожное стойбище. Там криком занялся младенец, затеялся спор... Голосами и звуками наполнился лес, вернув и Неромкура к его повседневным заботам. Он стряхнул наваждение и встретил рядом темные, как остаток ночи, глаза

▲ Костюм женщины из больше-земельских ненцев

Туры. Она уже знала, что Неромка ответит не ей, а проснувшемуся вокруг них стойбищу.

— Тогда прощай, Неромка, — сказала Тура и стала, пятясь, отступать в сторону речного обрыва, опять бесконечно меняя лики. Пятилась медленно, играя и позванивая личинами. Но вот она уже у самого края, держится за ветку сосны, повисшей над обрывом.

— Стой, — сначала прошептал, а потом закричал Неромкур и бросился к ней. — Сто-ой!

Но Тура уже отпустила ветку и шагнула вниз. Неромкур видел, как у самой воды вдруг замедлилось ее падение, расправились широкие крылья, и большая черная птица, едва не касаясь воды, взмыла и понеслась над рекой по ее течению.

А чудским великанам надо было жить: охотиться, кормить и растить детей. Вылазки за пределы крепостцы становились все опаснее и невозможнее. Убивать самим или погибнуть — таков был выбор племени. Неромкур и все чудины выбрали нижний мир. Под приглядом Неромкура оставшиеся в живых чудины соорудили углубленный навес-погребение на невысоких столбах с жердяной крышей, покрыли его несколькими слоями земляного наста. Собравшись в этом погребении, они принялись подрубать столбы и обрушивать крышу на себя. Последним был удар великана Неромкура...

◀ Скала Неромкур (Неромкарр) вблизи Верхотурья, где в давние времена стояла «чудская крепостца». Позднее русские поселенцы по некоему созвучию имен переименовали «Неромкур» в «Ерему», и бытовало в народной памяти чудское стойбище «Еремин город». Ныне — Камень Кликун.

Чудины ушли в нижний мир деловито и неспешно. Знали, что вернуться. Что придет пора, а с ней придут другие люди, умеющие слышать, любить и понимать окружающий мир. Они найдут медные личины великана Неромкура, прочитают таежно-речную чудскую карту, обновят охотничьи тропы и рыбные места, поднимут здесь новые свои жилища. Их голоса, их жизнь разбудят чудинов и возвратят их лесу, реке, дневному светилу и ночным мерцающим его детям. Ведь мир и жизнь бесконечны, из них можно уйти, а потом вернуться. 📖

◀ Отбор пробы на конкурс
маслоделов

Датчанин в Сибири

(История о том, как торговые фирмы Дании наладили экспорт курганского масла в Европу)

В числе первых экономическую экспансию Западной Сибири начали датские фирмы. Мать императора Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, была из датской королевской семьи, в России ее любили, а ее предприимчивые соотечественники если и не рассчитывали на ее покровительство, то могли купаться в лучах ее славы.

«Сибико»

В 1896 году в Кургане открыл свое представительство торговый дом «Г.И. Паллизен и Ко», занимавшийся скупкой масла для экспортной торговли. Взамен он продавал сепараторы и полный комплект оборудования для маслозаводов. Кредит погашался маслом, что было выгодно обеим сторонам.

Бок о бок с ним шла фирма «Е.Ф. Эсман», с 1904 года она получила название «Сибирская компания», сокращенно — «Сибико». В ее рекламном проспекте значилось: «Многолетний опыт делами своей специальности поставил <фирму> «Сибирская компания» в положение продавать непосредственно сибирское экспортное масло в руки потребительских обществ и розничных лавок в Германии, Англии, Дании, Европейской России и вообще везде, где только требуется сливочное масло; поэтому «Сибирская компания» может всегда платить за хорошее масло самые высокие цены, существующие

на рынке. По желанию заказчиков «Сибирская компания» всегда указывает на пороки качества масла устно и письменно и по возможности дает советы, как их устранить». Взамен масла датчане предлагали уборочные машины «Милуоки», плуги «Гена» и «Сакка», лобогрейки, молотилки, веялки и прочий сельхозинвентарь, необходимый в крестьянском хозяйстве. Заодно вели в Кургане закупки казеина и яиц, предлагая по оптовым ценам чай и сахар, крупу и сельдь, табак, спички и керосин. Контора и склад находились в центре города, напротив масленого рынка.

Первым управляющим филиалом фирмы Е.Ф. Эсмана в Кургане был Карстен Корх. Он жил здесь с 1897 по 1902 год, после чего перебрался в Омск, возглавил там новый филиал фирмы Эйсмана. В 1904-м вернулся в Данию, чтобы открыть собственное дело по маслоимпорту, но пожалел об отъезде и вновь приехал в Сибирь. Работал на «Сибико», на этот раз в Бар-

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Анатолий Кузьмин

Журналист, краевед. Окончил исторический факультет Курганского гос. университета. Обозреватель газеты «Курган и курганцы». Автор книг: «Есть в Варгашах завод...», «Борьба — это судьба». Очерки из истории Курганской области собраны в книгах: «Огонь столетий» и «Курган. 1812».

▲ Карстен Корх с курганскими друзьями и партнерами по бизнесу. Фото из экспозиции национального музея в Копенгагене

науле. В 1916 году вновь уехал на родину и уже навсегда.

Был он человеком умным и прозорливым. В начале века одна из датских фирм открыла в Сибири молочно-товарную ферму. Ее примеру захотел последовать и Карл Ганзен, главный директор «Сибико». Карстен Корх написал ему в Копенгаген: «Не надо. Лучше оставить скотоводство сибирякам. Они разбираются в нем лучше нас. Это рискованное и сложное дело». И оказался прав. Скот на ферме заболел, и почти все коровы погибли. Сам же Карстен Корх посодействовал сельским жителям: для улучшения скота местной породы привез из Дании бычка.

Раз появился спрос на масло, сибирские крестьяне не замедлили с предложением. В 1897 г. в Сибири был 51 маслозавод, в 1900 г. — 275, в 1906 г. — 1474, а в 1913 г. — 4093. Из них почти половина — кооперативные предприятия. Среди членов Курганского отделения Московского общества сельского хозяйства — организации, упорно внедрявшие новые технологии, — значатся переименованные на русский лад Отто Эду-

ардович Ганзен, Карл Христианович Ганзен, Константин Петрович Корх, Фома Фомич Сегельке.

Принцесса на горошине

Но зачем же понадобилось датским фирмам закупать масло на окраине Европы? Разве им не хватало своего?

На этот вопрос отвечает посетивший Данию главный инструктор молочного хозяйства Тобольской губернии Владистав Феофилович Сокульский. В статье «Из путевых заметок» в 1901 году он писал об увиденном с нескрываемой завистью: «Въезжая в маленькое культурное государство Данию, вы не увидите тех громаднейших пространств сибирских степей, изредка оживляемых большими деревнями и селами. Русскому путешественнику сразу бросается в глаза отсутствие больших деревень и сел. Хорошие шоссейные дороги соединяют разбросанные повсюду маленькие фермерские хозяйства. Редко встречаются небольшие поселки на месте прежних сел, состоящие из двух-трех ферм, школы, приходской кирки и ресторана. Каждая ферма, построенная в центре своего поля, имеет очень чистенький наружный вид. Кирпичный дом в 5–6 комнат, теплые кирпичные скотный двор, свиарник и птичник с цементированными полами и водопроводами, красиво

покрытые соломой под щетку или черепицей, говорят за то, что владельцам их очень и очень живется недурно.

Преимущественно песчано-суглинистые и песчаные поля свои фермер засеивает разными кормовыми травами. Хозяйство датского крестьянина состоит соразмерно его фермы из 3–10 чудных, породистых коров, двух-четырех сильных лошадей, 50 свиней и множества разной птицы. Искусственно удобряемые поля дают обильный урожай кормовых трав. Пастьба молочного скота производится на привязи на травосеянном поле. Когда скот объедает свое пастбище, то его перевязывают в другое место, а объеденную и утоптанную скотом траву скашивают. Благодаря влажности климата, недели через две на скошенном месте снова вырастает хорошая трава, и снова на это место привязывают для пастьбы скот. И таким образом на маленьком клочке земли фермер прокармливает весь свой скот. Молоко главным образом сдается на артельные заводы.

Маслодельные артельные заводы с паровыми двигателями, электрическим освещением и искусственными холодильниками стоят до 40 тысяч рублей и отличаются своей превосходной чистотой.

Выделываемое на этих заводах сливочное масло завоевало себе на между-

народном рынке первенствующее место. Сливочное масло на международный рынок доставлялось через посредство экспортных контор и союза. Союз работал хорошо, но в 1909 году в союзе оказалось около 11 млн крон (на наши деньги около 71 миллиона рублей) растраты, за что директор союза был отдан под суд, а союз потерпел большие убытки. На хорошо оборудованные артельные свинобойни доставляется масса свиней, туши которых в хорошо обработанном виде экспортируются в Лондон, в Лондон же экспортируется живьем разводимая в большом количестве датчанами разная птица. Отправляя все свои продукты в Лондон, датчане питаются сами продуктами, вывозимыми из России и из других стран, которые по доброкачественности своей далеко уступают их продуктам и стоят далеко дешевле. Большая доходность сельского хозяйства дает возможность датским крестьянам обставлять свою жизнь очень роскошно. Прекрасная меблировка комнат, пианино, фисгармония, музыкальные инструменты для детей напоминают хорошо обставленную усадьбу нашего помещика. Такой роскоши нашему русскому мужичку и не снилось.

Обучение сельскому хозяйству в Дании идет еще с дошкольного возраста. Мальчик учится запрягать игрушечную лошадь в игрушечную жнейку и сенокосилку. Это хотя и мелочи, но мелочи очень характерные. В Дании крестьяне не знают недородов и не питаются отрубями и разными суррогатами хлеба, как у нас в голодные года.

Земля там является настоящей кормилицей крестьянина. Сам крестьянин заставляет ее родить. На хороших шоссейных дорогах, о которых мы говорили, на пути от одной фермы к другой стоят почтовые ящики и заведена сель-

ская почта. Почта передает всю корреспонденцию один раз в день, так что фермер может ежедневно получать и читать газеты и следить, что делается в их стране и во всем мире. Кроме этого, каждая ферма соединена между собою и городом телефоном, и крестьяне самых отдаленных уголков Дании чувствуют себя связанными со всем образованным миром. Хорошо и разумно устраивают свою жизнь датчане. Бедных у них почти что нет. Целый день без усталости работают, и лень у них считается самым большим пороком. Труд же у них ценится высоко. И это-то главным образом привело датчан к хорошей материальной обстановке их жизни.

Главная сила земледельческого населения в Дании — в развитии среди него товарищеского начала, которое проникло во все отрасли сельского хозяйства. Одних только сельскохозяйственных союзов в Дании насчитывается более 120, которые объединяют очень большое количество разных обществ и артелей...».

Таким образом, утверждение, что английская королева ела на завтрак сибирское масло — не более чем красивый миф. Даже при хороших железнодорожных перевозках курганское масло поступало в Западную Европу не раньше, чем через месяц. За этот срок оно утрачивало главное качество — свежесть. Но для бисквитных заведений в Дании, а затем во Франции, Германии, Англии годилось вполне, они закупали его в огромных количествах. Нравилось оно и лондонской буржуазии, поскольку было несоленым и имело приятный натуральный букет. Любопытно, что в рабочих кварталах предпочитали вкус и высокое качество соленого датского масла, хотя оно было самым дорогим.

Ганзены и масло

Карл Альфред Христиан Ганзен родился 27 октября 1865 года в городе Наксков. Впервые приехал в Рос-

сию в 1894 году. Он был одним из девяти датских маслоделов, поступивших на русскую службу, чтобы спасти вологодское масло от тех серьезных проблем, которые возникли у него в связи с начинающимся экспортом. Затем Карл поступил в торговый дом, основанный Гансом Иессеном Паллизоном в 1865 году в Петербурге. Первый сибирский филиал был создан в Кургане в 1896 году, и Ганзен некоторое время возглавлял его.

Рождественский сочельник 1901 года Карл Ганзен и его жена встретили в Кургане вместе с семьей другого Ганзена, Отго, и его жены Якобы. Позднее гостя вспоминала: «Рождественский сочельник мы провели у стариков Ганзен, ... на столе были гусь и жаркое из индейки, нет, сначала рождественский десерт из вареного риса, снежки и, наконец, яблочный пирог, так что хозяйка в самом деле расстаралась, чтобы поразить публику. У них была очаровательная маленькая елочка, вокруг которой мы все танцевали и пели».

В 1904 году Торговый дом Паллизена обанкротился, и его филиал в Кургане был закрыт. Карл перешел на работу в курганский филиал «Сибико». В мае 1913 года компания «Сибико» открыла в Тюмени завод по производству маслодельческих принадлежностей с персоналом в 120–150 человек. Карлу Ганзену предложили возглавить предприятие. Это было предложение, от которого не отказываются. Вероятно, тогда он думал, что его труды — всерьез и надолго.

В 1933 году Карл написал воспоминания о пережитом. По моей просьбе их перевела на русский язык большой знаток истории Зауралья, библиотечкарь Инге Марие Ларсен. Вот что рассказал Карл Ганзен: «Россия — огромная страна с огромными богатствами. Все — благодаря земле и труду человеческих рук. В Копенгагене еще живут двое людей, которые видели большую выставку 1896 года в Нижнем Новгороде, где я впервые встретился с директором Йерлом Ганзеном. Там можно было найти драгоценнейшие товары от полотна высочайшего качества до самого изящного шелка, высокочеловеческие кожи, обувь для господ, меха лучшего в мире качества, машины, железнодорожные вагоны. Выставка занимала около 30 гектаров и была снабжена трамвайной линией. Я пробыл на выставке одиннадцать недель после трех лет работы в России на маслозаводах и в сельскохозяйственных школах, на больших фермах и в деревнях у крестьян.

▼ «Дом иностранных монополий» в Кургане. Начало XX в.

▲ Карл Ганзен

В конце 1896 года я переехал в богатую Сибирь, чтобы принять участие в развитии маслоделия и сельского хозяйства. Это было нелегкое дело, и часто случались неприятности и невзгоды в деревнях, где я вместе с русским маслоделом пытался наладить примитивное маслоделие у какого-нибудь купца. Немалое число людей заинтересовалось маслоделением, но многие были и против нас и особенно против сепараторов. Говорили, что коровы теряют телят, что телята рождаются без кожи. Дошло до того, что крестьяне бросили цилиндр от сепаратора в колодезь. Однажды наши недоброжелатели сняли колесо с моей телеги и привязали кучера к дереву. Но дело все-таки шло вперед. Я ко всему относился спокойно, терпеливо и решительно.

Никто никогда не обидел меня, повсюду были добрые и культурные люди, которые охотно помогали. Хлеба, яиц, мяса, цыплят было у нас всегда достаточно, нас всегда снабжали свежими продуктами. Осенью мы забивали птицу, охлаждали ее до 0,1–0,2 градуса и складывали в ящики с сухим снегом на всю зиму. Сухой снег, легкий как пушок, никогда не становился ледяным. Таким образом, всю зиму продукты не портились, а оставались свежими.

У крестьян всегда вдоволь было запасов продовольствия, покупали они только чай и сахар. Кроватей у них не было. Спали на полу на тол-

стых войлочных одеялах. Я всегда брал с собой в дорогу такие одеяла и матрац из верблюжьей шерсти. Перед сном крестьяне никогда не раздевались совсем, спали в нижнем белье.

Мы не только показывали крестьянам, как делать масло. Но и помогли им с развитием скотоводства, чтобы коровы давали побольше молока, учили, как пользоваться плугами и другими машинами. С самого начала мы распространяли письменные инструкции — тысячами.

Мы построили две большие маслодельни с инвентарем из Дании, обе — на конной тяге. Построили также три станции с ручными сепараторами в деревнях, чтобы снимать сливки и оставлять крестьянам снятое молоко. В маслодельнях мы производили летом 1898 года больше ста бочек масла в неделю — масла высшего качества. В Кургане у нас также была фабрика, где собирали бочки. В 1904 году моя фирма («Братья Плом») закрылась после смерти одного из директоров, Хельмера Мерка.

Я стал работать заведующим у «Сибирской компании» в Кургане. Это были годы большого подъема экспорта. Никто не может вообразить, насколько огромен был у нас сбыт масла, не только в Кургане, но и в других местах. Директор фирмы Йерл Ганзен точно понимал, что надо делать, и умел предвидеть, отчего фирма стала очень большой, и крестьяне были очень довольны, как и те кооперативные маслодельни, которым мы помогали работать и у которых покупали масло. Фирма приобрела широкую известность. К ней питали доверие не только производители молока, но и русское государство, городское начальство.

В 1909 году наш Курганский филиал покупал 82600 бочек масла. Потребление современного масла росло в России по 10 процентов каждый год...

Потом началась эта несчастная война, которая затормозила развитие, но она не сломала нас. Война — это не страшно для России, это мое убеждение. Если бы не установился коммунизм, то Россия стала бы одной из богатейших стран в мире, но коммунизм все у нас отобрал, не только деньги и драгоценности, а даже собственную одежду».

Дорога домой

7 августа 1919 года Красная Армия взяла Тюмень. Продолжая воспоминания, Карл Ганзен рассказывал: «10 августа 1919 года. Здесь стало очень грустно, печально. Почти все магазины и лавки закрыты, люди молчаливы, худы и бедны. Все очень тревожно. Сегодня убили судовладельца Плотникова, жестоко обошлись с его женой и двумя дочерьми. Одна из дочерей выпрыгнула в окно и погибла. (Жену и другую дочку я встретил потом в июле 1920 года в Йокогаме.)

Мирная Тюмень превратилась в сплошной ад, тысячи людей уже убиты, народ молчит.

В одно из воскресений ко мне пришел комиссар с тремя солдатами и сделал обыск. Ничего не нашли, и комиссар захотел взять самую ценную из моих вещей — серебряный самовар. Я настаивал, что без приказа главного комиссара это сделать нельзя. Никакого приказа не появилось. А несколько дней спустя ко мне пришел бывший полицейский и сообщил, что меня приговорили к смертной казни, он принес мой паспорт, чтобы я мог уехать в другой город.

Я упаковал чемодан и отправился в Петроград. Обычно поездка длилась трое с половиной суток, но эта, самая трудная в моей жизни, растянулась на десять дней. Столько страдающих людей я не видел никогда в жизни.

Я попал в купе первого класса для двоих. Моим попутчиком оказался студент из Томска, пожелавший воссоединиться со своими близкими в Петрограде, — симпатичный, плохо одетый юноша. Мой багаж состо-

◀ Владислав Сокульский

▶ Маслодельный завод в с. Митино Курганского уезда. Начало XX в.

ял главным образом из продуктов питания. При мне были три черных буханки хлеба, 35 фунтов муки, 9 фунтов шоколада, ветчина, которую я сам солил и коптил, сахар, чай, самовар и маленькая сумка с кофейным печенем, которая в свое время так понравилась директору Ганзену и его жене.

Приехали в Екатеринбург. Поезд был совершенно переполнен пассажирами: молодые, старые, дети, одна старушка лежала в коридоре и плакала, у другой украли весь багаж. Все постоянно божилось, ругались и тысячу раз вспоминали дьявола. Те, кто стоял в коридоре, обессилели от усталости, голода и страха. Молодая женщина с ребенком трех-четырёх лет была на грани смерти от утомления и голода. Мы со студентом дали им место у нас в купе на верхней полке, сами разместились на нижней.

В Кунгуре мы увидели повешенных ногами вверх на холме трех собак и трех священников — для устрашения всех нас. Через два часа приехали в Пермь, где нам дали два чайника с кипятком, к нашей большой радости. Молодая женщина непрерывно плакала, а ребенок доверился нам, мы дали девочке воды с шоколадом. Ее мама ничего не хотела и только после уговоров выпила чашку чая и съела одно печенье. Под вечер обе заснули, при этом девочка звала дядю, она была для нас радостью и ободрением.

Через восемь дней мы достигли Вологды. Целая команда солдат обыскивала поезд. Мне приказали отдать все, что у меня было. Я спокойно отказался. Пришел командир, он понял, что я датский подданный, о котором могло беспокоиться представительство в Петрограде. Меня и остальных

оставили в покое. Машиниста, у которого нашли полмешка муки, застрелили на месте у нас на глазах.

Наконец мы приехали в Петроград, попрощались с попутчиками. Я нашел маленькую гостиницу. Скоро появилась милиция, но все мои вещи оставили при мне. Потом ко мне прибежали служащие гостиницы, просили тарелку муки, кусок хлеба и т.д. На Невском я случайно увидел сына судовладельца Андерсена. Он стоял перед магазином, смотрел на витрину, где лежали котлетки, приготовленные, может быть, из человеческого мяса или крыс: каждую ночь в городе убивали людей, их тела можно было увидеть лежащими на улице утром.

Я пошел в датское консульство, чтобы получить въездной паспорт. Мне не хотели его дать, потому что у меня не было разрешения от советских властей на выезд за границу. Так нас удерживали одиннадцать дней. Встретиться с консулом лично было невозможно, продуктов у меня больше не было, а хлеба через консульство мы достать не могли. Маленький Андерсен плакал и говорил, что нам лучше умереть сразу. Я не падал духом и настаивал на том, чтобы поговорить с консулом Скавениусом. В очередной раз получив отказ, я взбесился и пригрозил, что на следующее утро взорву дверь в его частную квартиру. Теперь меня стали бояться, именно тогда появилась датская барышня Ганзен, племянница Отто Ганзена, взяла меня за руку и обещала нам с Андерсеном паспорта на следующее утро.

На следующее утро в девять мы сидели на крыльце консульства, к десяти нам выдали паспорта. С багажом, без сахара и хлеба мы отправились на Финляндский вокзал. В три часа

поезд достиг границы, где нас основательно обыскивали. Я вынужден был отдать последние сто рублей, которые оставались у меня в кошельке. По ту сторону границы мы увидели чистых и здоровых людей, продукты питания в лавках. На станции находилось около трехсот женщин с детьми, которых местные власти намеревались отправить в Россию. Их мужья были убиты или арестованы в Финляндии. Маленькому Андерсену и мне дали по чашке молока и куску хлеба, мы поехали дальше до Выборга. Тут нам налили по тарелке супа, и мы почувствовали себя сытыми».

Домой Карл Ганзен приплыл на пароме. Но уже в следующем году, несмотря на пережитой ужас, он попытался приехать в Западную Сибирь, однако это ему не удалось. Любопытно, что и в 1920-е годы Карл Ганзен пытался возобновить прежние связи Дании с Россией. 6 июля 1924 года, заблаговременно получив в Риге паспорт, он вновь приехал в Россию, на этот раз — в Советскую. В Кургане обзавелся видом на жительство, пытался заняться тем делом, которое хорошо знал — организацией молочных заводов, видимо, полагая, что масло политического вкуса не имеет. Служил инспектором по маслоделию в контроле Курганского акционерного общества «Хлебопродукт». К тому времени «Сибирская компания» получила разрешение советского правительства на экспорт масла. Карл Ганзен остановился сначала на Советской, 91, затем в переулке Троцкого (ныне улица Пичугина) в номерах Баранцева. Здесь он жил по крайней мере до 1926 года. Увы, экспорт наладить не удалось. Ничего не оставалось, как вернуться на родину и сесть за мемуары. **УС**

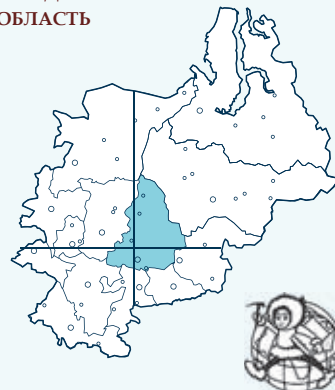

Параллельные курсы рубля и «вдовья женка» Марфа Кичигина

Иллюстрации
предоставлены
автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Недавно ребяташки показали мне интересную монету.

На одной стороне в пять строк по старой орфографии

отчеканена надпись: «2 копейки серебром 1840 Е М»

(Екатеринб. монетный двор), а на другой — монограмма «Н I»

(Николай I). Ребята заинтересовались, почему такая надпись —

«серебром», хотя на самом деле она медная. Да, монета

медная — покрыта позеленевшей патиной. А вот чтобы понять

секрет надписи, надо углубиться в недалекое прошлое.

На Руси металлические деньги собственной чеканки появились в конце X века, а со второй половины XIV-го чеканились систематически. Металлические деньги имеют ряд преимуществ, но есть и один недостаток — при больших суммах они имеют солидный вес. Особенно это заметно при торговых операциях и предпринимательстве — перевозка больших сумм денег создает и большие проблемы — расстояние, транспорт, охрана и т.д. И, естественно, возник вопрос облегчения веса денег. Эта проблема тоже была решена: в Китае давно изобрели бумагу, и там же в IX веке нашей эры появились первые бумажные деньги.

В Европе бумажные деньги стали известны только через пять веков благодаря венецианцу Марко Поло, кото-

рый описал их изготовление и привез из Китая образцы. Надо заметить, что Марко Поло был советником великого хана Хубилая — правителя Монголии и Китая.

Первые бумажные денежные знаки в Европе появились в 1716 году во Франции.

В России они вошли в обращение в 1769 году при императрице Екатерине II. Эти денежные знаки назывались ассигнациями. Выпуск (эмиссию) новых денег производили в Петербурге и Москве ассигнационные банки, деньги были достоинством в 25, 50, 75 и 100 рублей. А в 1786 году к ним добавились пяти- и десятирублевые ассигнации.

Печатались они на белой бумаге, «нарочно для того сделанной». Ее глав-

Василий Попов

Василий Попов живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского следопыта».

ной особенностью были «внутренние прописи» — сложные водяные знаки.

На лицевой стороне печаталась легенда (условный знак, пояснение): «Объявителю сей Государственной ассигнации платит ассигнационный банк двадцать пять рублей ходячей монетой 1769 года» (Ходячая монета — монета государственной чеканки из меди и серебра. — Прим. авт.).

Каждая купюра снабжалась подписями двух сенаторов, главного директора правления банков и директора местного банка, которые «учинялись» от руки черными чернилами. Обратная сторона была чистой.

Ассигнации прочно вошли в российскую денежную систему. Они устранили трудности в передвижении крупных капиталов, дали новый толчок развитию торговли и предпринимательства.

Но в жизни не все так хорошо получается, как хотелось бы. Когда начинали расти государственные расходы на те или иные нужды, особенно на военные (войны с Турцией, Францией и т.д.), то выпуск ассигнаций резко увеличивался. Рост эмиссии ассигнаций вызывал их обесценение сравнительно с серебряными монетами. В 1796 году ассигнационный рубль равнялся 68 копейкам серебром, в 1812-м — трети серебряного рубля. Дошло до того, что один бумажный рубль приравнялся к 28 серебряным копейкам. Через некоторое время

обмен ассигнаций на серебро, а затем и на медь был прекращен.

Итак, российский рубль пошел по двум параллельным направлениям: прямой серебряной и выходящей ассигнационной.

В практической жизни это создавало немало неудобств — при расчетах нужно было стоимость той или иной вещи выразить в рублях серебром и в рублях ассигнациями — каковы они на данный момент времени. Неудобства эти напрямую касались всех слоев российского общества дворян, крупных предпринимателей, мелких торговцев и простолюдинов.

У меня хранится подлинный документ времен крепостного права. Он имеет прямое отношение к Верх-Нейвинскому чугуноплавильному и железодельному заводу, который в 2012 году отметил 250-летний юбилей.

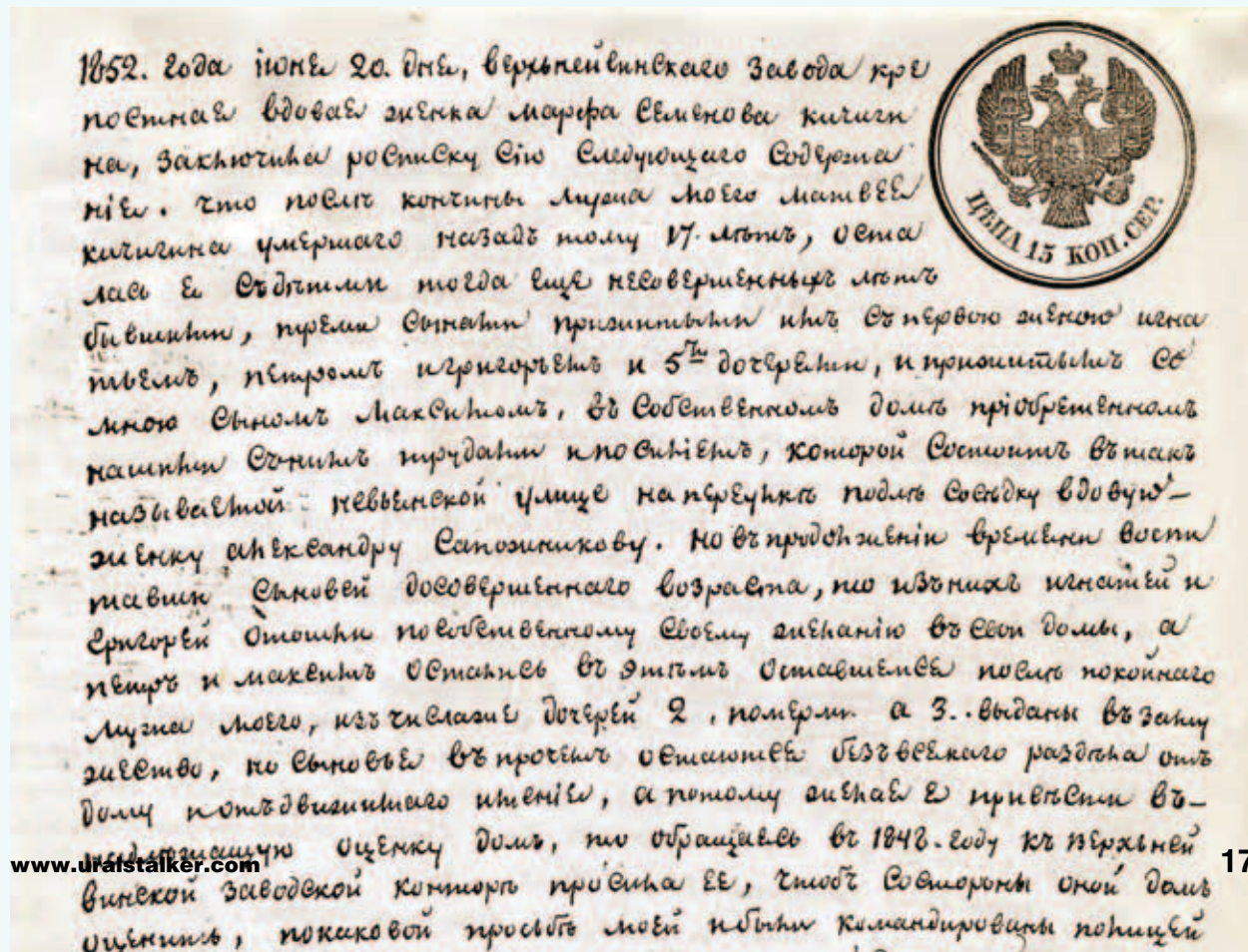
Оказывается, в те далекие времена заводская контора занималась не только чисто производственными вопросами, но и решала сутубо «мирские» дела. В частности, по разделу семейного имущества, как движимого, так и недвижимого.

Документ под названием «Росписка» оформлен на гербовой бумаге размером 44x35 см, согнутой пополам. На таких бумагах с изображением государственного герба писались всевозможные договоры и оформлялись сделки. Всю площадь ее листа занимают водяные знаки (филигрань). Централь-

ное место отведено двуглавному орлу со всеми регалиями, а по бокам дата: «1848». В тексте документа упор делается на серебряный рубль и параллельно идет оценка имущества в ассигнациях.

В нашем нынешнем алфавите кое-каких букв той поры нет или пишутся они совсем иначе. Орфография, пунктуация и т.д. кардинально изменились. Если перевести с прежнего русского языка на русский нынешний, то текст документа выглядит так: «1852 года июня 20 дня, верхнейвинского завода крепостная вдовья женка Марфа Семенова Кичигина заключила росписку сило следующего содержания, что после кончины мужа моего Матвея Кичигина, умершего назад тому 17 лет, осталась я с детьми тогда еще несовершеннолетних лет бывшими, тремя сынами прижитыми им с первою женою, Игнагием, Петром и Григорьем, и 5-ти дочерьми, и прижитым со мною сыном Максимом, в собственном доме, приобретенном нашими с ним трудами, который состоит в так называемой Невьянской улице на переулке подле соседкой вдовую — женкой Александрой Сапожниковой.

Но в продолжение времени воспитавши сыновей до совершенного возраста, то из них Игнагием и Григорьем отошли по собственному своему желанию в свои дома, а Петр и Максим остались в этом оставшемся после покойного мужа моего, из числа же дочерей 2 померли, а 3 выданы в замуже-

▲▶ Улица Верх-Нейвинская
тогда и сегодня

ство, но сыновья в прочем остаются без всякого раздела от дому и от движимаго имения, а потому желая привести в надлежащую оценку дом, я, обращаясь в 1848 году к Верхнейвинской заводской конторе, просила ее, чтоб со стороны оной дом оценить, по каковой просьбе моей и были командированы полицейский служитель Петр Попов, плотинной Дементий Агапов и из жителей честнаго и добраго поведения Борис Макурин, Егор Постыляков и Осип Бакулин, которые и оценили <дом> со всем в нем устроившем в сто двадцать восемь рублей пятьдесят семь коп. сереб. или на ассигнации в 450 руб., а из движимаго имения чего осталось по кончине мужа моего, оценено было брагом его Иваном Кичигином, у которого осталась и опись, но это имение как из одежных вещей, так и из посуды в продолжении 17-ти лет уже одно изношено, а другое по обветшалости истреблено. Кроме двух суконных сертуков и одного халата, которые и теперь имеются сохранны, эти же вещи безпристрастно стоят двенадцати рублей восьмидесяти пяти и пять седьмых копейки сер. или ассиг. 45 руб., да им же покойным мужем моим при конце жизни его благословил он собственно мне синего цвета сукно, 5 арш. по 5 руб. каждой на семь рублей четырнадцать и две седьмых копейки сереб. или на ассиг. 25 руб., но это сукно насильственным образом отобрал от меня сын мой Петр, сошил из него сертук, его продал и деньги употребил в свою пользу. Следовательно, я этой моей собственности лишаюсь, ныне же основываясь

я на законном порядке, разсудила учинить раздел согласно 10-го тома Свода Законов, от недвижимаго имения, как изображено в 967-й статье, сыновьям по равной части, а себе седмую часть, а от движимаго имения им тоже по равной части, а себе четвертую часть, по которым причитается детям на четыре лица от дому по двадцати семи рублей пятьдесят пять копеек сереб. или на ассиг. по 96 р. 42 ½ к. каждому, а мне восемнадцать рублей тридцать семь копеек сер. или на ассиг. 64 руб. 29 ½ коп. От движимаго же имения им по два рубли сорок одной копейке сереб. или на ассиг. 8 руб. 43 ½ коп. и мне три руб-

ли двадцать одна и три седьмых копейки или на ассиг. 11 р. 25 к. Следовательно, и составитя от раздела этого всего детям по двадцати девяти рублей девяносто шесть копеек сер. или ассиг. 104 руб. 86 коп. каждому. И мне двадцать один рубль пятьдесят восемь три седьмых копейки сереб. или ассиг. 75 р. 54 ½ к. В число этого количества, принадлежащаго детям, Игнатей уже от меня получил двадцать пять рублей сереб. или ассиг. 87 р. 50 к. Еще остается дополучить 17 руб. 36 к. на асс., но как эти деньги, так и принадлежащие по разделу Григорью 104 р. 86 к. и мне 75 р. 54 ½ к. ассиг. должны заплатить Петр и Мак-

сим безотговорчно, потому что они остаются в доме полными хозяевами, и дом должен быть в вечном и непоколебимом их владении. Однако же Петр обязан заплатить мне и за отобранное им сукно 25 руб. на ассиг. неотлагательно, согласно того же вышеозначенного 10-го тома Свода Законов 969 статьи — каковую мою росписку доводя до сведения верхневинской заводской конторы, покорнейше прошу кем следует засвидетельствовать, внести оную в учрежденную на предмет подобных явок книгу и объявить детям моим с подпискою на сем, как в служании, так и платеже последними денег неотлагательно. Платеж коих я располагаю собственно мне, чтоб Петр за сукно 25 руб. на ассиг. заплатил ныне же, а принадлежащие по наследству он и так сим выплатил бы сполна в продолжении 2-х годов. С тем однако ж, чтоб как в платеже денег, так и проживании до кончины моей в этом же доме, отнюд не делая никаких и малейших противностей.

В каком моем заключении росписки сей подписуюсь.

К сей росписке вместо вдовой жены Марфы Кичигиной по личной ее просьбе служитель Григорий Кропотухин руку приложил».

Из приведенного текста видно, что писарь не сильно дружил с грамотой. Более грамотным был «служитель Григорий Кропотухин», который собственноручно завершил данный документ.

Неудобства одновременного существования двух денежных единиц: ассигнационного и серебряного рубля — становилось все более очевидным. Денежную систему необходимо было менять. В 1840 году в результате денежной реформы ассигнационный рубль был упразднен, а серебряный снова стал основной денежной единицей России. Однако реформа предполагала постепенную замену ассигнаций. Они выпускались ежегодно еще до 1843 года включительно. И окончательно были изъяты из обращения 1 января 1849 года. Вместо ассиг-

наций в денежном обращении появились новые бумажные денежные знаки — кредитные билеты.

Теперь вернемся к двухкопеечной медной монете 1840 года. Масса этой монеты — 20,48 г. Серебряная монета наименьшего номинала (5 копеек) этого же периода имеет массу 1,04 г. Таким образом, путем несложного подсчета выясняем, что в медной двухкопеечной монете в 20,48 г приходится 0,416 г монетного серебра.

Медные монеты с 1839 по 1848 гг. имели номиналы: ¼, ½, 1, 2 и 3 «копейки серебром». При проведении денежной реформы привязанные ранее к ассигнационному рублю медные монеты вновь получили жесткий курс обмена с серебром. Для обозначения этого нового, не привязанного к старым ассигнациям, курса медных монет

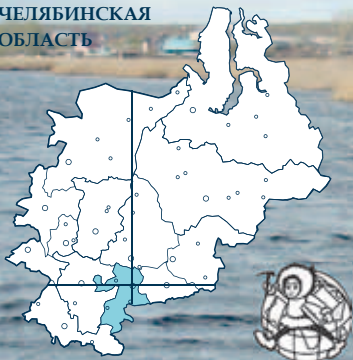

на них и появилась надпись под номиналом — «серебром».

Так закончились параллельные курсы российского рубля. Они имели место не только в царской России, но и в России советской. Но об этом в следующий раз. **У**

Дом, построенный на песке

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Что общего между Уфой и селом Еманжелинка, что в Челябинской области? И там и здесь есть улица имени поэта Сергея Чекмарева. Жизнь порой закручивает истории гораздо более замысловатые, чем в кино или книгах. Случилось, что события восьмидесятилетней давности связали этим именем Москву, башкирские степи и захолустную Еманжелинку.

О поэте, комсомольце, московском студенте Сергее Ивановиче Чекмареве в Еманжелинке не забывали никогда, хотя побывал он здесь всего лишь дважды, в 1931 и 1932 годах. Улицу, где он жил, назвали его именем, а в 70-е годы школьники собрали в альбом выдержки из его дневников, воспоминания старожилов, газетные заметки. Однако время шло, появля-

лись другие герои, имя Чекмарева стало привычным и уже не вызвало особого интереса. Но ситуацию изменил энтузиаст. В Еманжелинку приехал житель Челябинска Виктор Александрович Бабкин, приехал с предложением — отметить годовщину гибели поэта.

Именно в этот день, 11 мая 1933 года, при довольно странных обстоятельствах молодой поэт Сер-

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

гей Чекмарев утонул в реке Большая Сурень недалеко от деревни Ибряево. Он и его попутчица переправлялись вброд на телеге, но женщина потом не смогла объяснить, как именно Сергей оказался в воде, а когда нашли тело, легкие покойного оставались чистыми, то есть он не захлебнулся. И хотя сейчас в районном центре Исянгулова есть парк, названный в честь поэта, и установлен бюст Чекмарева, никто точно не знает, где его могила.

Способность писать талантливые стихи — мистический дар. Не случайно многие из великих поэтов словно бы предвидели свою смерть. Сергей Чекмарев великим не стал, не успел. Но подобное предсказание есть и у него:

*Ты думаешь: «Письма в реке утонули,
А наше суровое время не терпит.
Его погубили кулацкие тули,
Его засосали уральские степи.*

*И снова молчанье под белую крышей,
Лишь кони проносятся
ночью безвестной.
И что закричал он —
никто не услышал,
И где похоронен он — неизвестно».*

Можно спорить о политических взглядах Сергея Чекмарева, но то, что двадцатый век лишился одного из самых многообещающих поэтов, по-моему, сомнению не подлежит. Не так много стихов успел он написать к своим 23-м годам, но они запоминаются. Бродила недавно по сайту «Стихи.ру» и с удивлением наткнулась на цитату из «Дома, построенного на песке». Имя поэта, правда, не указано, однако строки ведь на слуху.

*Я от взгляда ее краснею,
Лобуюсь жилкою на виске,
Но наша дружба сердечная с нею —
Дом, построенный на песке.*

*Она целует меня, балуясь,
Я уеду, она — в Москве.
Что все мечты мои, все поцелуи?
Дом, построенный на песке.*

*Но как-то я удивился очень,
Прочитав в календарном листке:
«Как раз бывает особенно прочен
Дом, построенный на песке».*

*Снег колочий падает с веток...
Может, и правда, конец тоске?
И будет сиять таким чудным светом
Дом, построенный на песке?!*

Трудно судить о характере человека, которого никогда не видел. Но, похоже, был Чекмарев максималистом. Уж если любить, то прощать девушке все недостатки, даже отсутствие ответного чувства. Если работать, то только для блага людей. Если верить в идею, то без всяких сомнений.

Идеалист, максималист... Нет, все-таки не хочется вешать ярлыки. Человеком он был явно неординарным. Одаренный исключительными математическими способностями, Чекмарев не смог поступить в Московское высшее техническое училище: не подошел по происхождению, отец — зубной техник. Так что вместо математики — мясо-молочный институт... Впрочем, выбор был вполне осознанным: стране остро не хватало сельскохозяйственных кадров, Сергей же своим долгом считал быть не там, где интересней, а там, где нужнее.

Так же обстояло дело и с командировкой в Уральскую область, когда пятеро недоучившихся студентов

На этом самом Вокзале, точнее в том месте, где он смыкался с улицей Береговой, Сергей Чекмарев и квартировал. Теперь это одна улица, которая носит имя поэта. В селе уже не осталось людей, лично знавших Чекмарева. Но мне еще посчастливилось говорить с Елизаветой Георгиевной Палкиной (Коновой). Ее отец, последний церковный сторож, азартно ругал каких-то московских комсомольцев, агитировавших против религии и призывавших вступать в колхоз. Имен он не называл, или Елизавета Георгиевна их забыла.

Но не так уж важна Еманжелинка, чтобы делегации москвичей приезжали сюда постоянно. Со слов церковного сторожа Елизавета Георгиевна указала примерное место, где жили активисты. Под описание подходят два дома: №№ 34 и 40 по улице имени поэта. Огородами они выходят к реке. Известно, что однажды именно туда пришлось бежать Сергею, спасаясь от «благодарных» крестьян. Однако дома сменили столько владельцев, что теперешние хозя-

▲ Большой Сурень

отправились в глубинку агитировать за колхозы. Эта командировка, в конце концов, и привела Сергея в Еманжелинку. Он писал в своем дневнике: «Коллективизацию в Еманжелинке долго не могли сдвинуть с двадцати восьми процентов. Многие середняки уже были в колхозе, а беднота шла туго. Крайняя улица, так называемый Вокзал, населенная сплошь беднотой, в колхоз не вступала».

▲ Еткульские казаки 20-30 гг. XX века

▲► Дома на ул. Чекмарева.
В одном из них жил поэт

ева не знают даже, кто такой Чекмарев, не говоря уже о том, где он снимал флигель.

А друзей и врагов Чекмарев приобретал одинаково быстро. В Еманжелинке он добился, чтобы из колхоза были «вычищены» Яков Чернышов и еще четыре кулака. «Вокзал» зашумел, заволновался. Одна за другой его хаты стали прицепляться к колхозному поезду. Счастливого пути! Кулак был побежден», — записал Сергей в своем дневнике. Победа обернулась для него выстрелами из-за угла и камнем в окно, а колхоз лишился умелого хозяина и агронома-самоучки Чернышова, о котором старики всегда вспоминали только хорошее.

Впрочем, для молодежи, во все времена особенно отзывчивой к новшествам, Сергей Чекмарев стал настоящим кумиром. Сохранились воспоминания Павла Ивановича Гусельникова, уроженца села Варламова. Он долгое время жил в Еманжелинке и в 30-е годы был секретарем местной комсомольской ячейки. Приведу их так, как они публиковались в местной газете: «Я часто думаю о том, чем иной раз может стать для человека встреча, происшедшая в юности. Словно бы и не случилось ничего в тот день.

Ну, встретились, поговорили, а смотришь, что-то переменялось в твоей жизни и в тебе самом. Иногда понимаешь это сразу, иногда — через много лет. И счастлив тот, кто хранит добрую, благодарную память о такой встрече...

Так случилось у меня с Сергеем Чекмаревым. И хотя мы и не знали

друг друга с детства, но встреча с ним врезалась в мою память на всю жизнь.

Перед началом «второй большевистской весны» (второй год коллективизации) Чекмарев с группой девушек из Еткульской ШКМ выехал по колхозам Еманжелинского района. Работа культбригады осложнялась большими трудностями, нужно было на чем-то добираться из колхоза в колхоз, устраивать на квартиры синеблузников. В то время я работал в селе Красном на мельнице частного. Меня вызвали в райком комсомола. Секретарь райкома Гриша Богуш направил меня в состав культбригады, которой руководил Сергей Чекмарев. Гриша посоветовал мне не возвращаться домой, а сразу направиться к Чекмареву. Я тут же из райкома комсомола пошел в деревню Ерофеевку близ села Еманжелинки. Когда пришел в Ерофеев-

ку (колхоз «Октябрь»), агитбригада уже прибыла из соседней деревни Батурилка, и мы приступили к сбору материала. К вечеру выпустили свежий номер стенной газеты, написали и разучили частушки, составили программу «живой театрализованной газеты».

В конторе в тот же вечер при свете керосинки состоялось выступление наших синеблузников. Звенели задорные комсомольские песни, частушки, в которых пели о передовиках-колхозниках и критиковали лодырей. Колхозники одобрительно аплодировали нам.

Ерофеевку мы покинули утром следующего дня. Нам, как правило, выделяли лошадь и какого-нибудь подростка возницей. Мы клали на повозку свои чемоданы, а сами

вслед друг за другом тянулись за водой.

Так гастролировала наша бригада второй большевистской весной через Коркино, Тимофеевку, Шумаки, а из Шумаков — в Еманжелинку, Ключи, Красное и Коелгу.

За время поездки по колхозам Еманжелинского района мы с Сергеем так сдружились, что полюбили друг друга как братья. Во время отдыха мы подолгу мечтали, оба жили для будущего, горячо верили в него и приближали его конкретным участием в строительстве новой жизни, своей работой, своим трудом. Наше поколение не стремилось тогда к легкой жизни, мы шли туда, куда звала нас партия, мы верили в светлое будущее, в коммунизм».

В коммунизм Сергей Чекмарев верил так истово, как в иные времена верили в Бога. Стоит прочесть его дневники, его письма к младшему брату Анатолию, чтобы понять: Сергей большевистские лозунги не декламировал — он по ним жил. Рассказывая о Чекмареве на литературном вечере, В. Бабкин, изучивший биографию поэта от и до, заметил, что, если бы не трагическая гибель в 1933-м, Сергей в любом случае едва ли пережил бы 1937-й. Слишком серьезно он относился к чести и честности.

Есть у него замечательное стихотворение «Размышления на станции Карталь». Оно автобиографично, как и все его произведения, и написано после такого вот случая. Сергея должны были призвать в армию, но он не прошел медкомиссию, забраковали по зрению. От работы его уже освободили, и вот он, совершенно свободный, стоит у железной дороги и смотрит на московский поезд:

*Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?*

И он остался.

Страна потеряла талантливого поэта, даже не подозревая об этом. Чекмарев, требовательный к себе еще больше, чем к другим, решил первую половину жизни писать в стол, оттачивать мастерство. Что второй половины не случится, он не знал...

В Еткульском районе Челябинской области осталось немало «чекмаревских» мест. Это Еманжелинка, где вместе с Пятиной, студенткой

совпартшколы, в 1932 году он организовал самое первое празднование Первого мая. Комсомольцы провели митинг прямо на пашне и вручили лучшей колхозной бригаде переходящее красное знамя. Это Еткуль, где он вел курсы полеводов и откуда так не хотел уезжать. Назарово, в котором его угощали «генеральским обедом». Генеральским, потому что приехал он туда поздно и обедать сели только в пять часов. А еще была Коелга, где он по весенней распутице ходил в пимах, вызывая смех у прохожих, Потапово, Бектыш, Белоусово... Да мало ли где еще проезжала молодежная агитбригада!

В советские годы память о Сергее Чекмареве старались сохранить, делая, конечно, акцент на его партийных убеждениях. В районе каждую

осень проводили чекмаревскую страду, вручали лучшим молодым механизаторам приз имени Сергея Чекмарева. В школах регулярно устраивали классные часы, посвященные жизни поэта-комсомольца. В Еманжелинском школьном музее есть стенд с портретом Сергея, оставшийся с тех лет.

Но в лихих девяностых Чекмарев как-то не прижился. Хорошо, что теперь он возвращается снова со всеми своими противоречиями, с очень личными и проникновенными строками. Вот уже и на «Стихах.ru» появилась у него собственная страничка, и действует чекмаревский музей в одной из школ башкирского города Сибай, и решено, к моей радости, каждый год в его честь проводить в Еманжелинке литературные встречи. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

◀ Сергей Чекмарев

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Забытое Лукоморье?

Северная территория Лукоморья, известная путешественникам и многим картографам в средние века, удивительным образом оказалась забытой в современное время.

Некогда знаменитое Лукоморье — местность около морской излучины Обской губы на севере России — приобрело значение сказочной страны благодаря великому произведению Александра Сергеевича Пушкина:

*«У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...»*

О каком Лукоморье писал поэт? О северной или какой-либо другой морской излучине? Теперь сложно найти истину. Мог ли знать Александр Сергеевич о существовании Лукоморья в Сибири? Конечно, мог, потому что его дальний предок — Евстафий Михайлович Пушкин, первый владелец поместья в Болдино XVI века (где поэт проводил немалую часть времени) — служил в Тобольске воеводой. Другой родственник А. С. Пушкина — Борис Пушкин — служил воеводой в Мангазее. Знаменитый А. П. Ганнибал по предписанию ездил в Тобольск для построения крепости... Откуда же взялись знаменитые строки «У лукоморья дуб зеленый?». Ответ на этот вопрос можно найти в тетради поэта, который записывал народные сказки:

«Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке — наконец море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благовости меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — Господь благослови тебя, дитятка. — Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачеха хочет его поймать, он никак не дается. Гости корабельщики рассказыва-

ют царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. «Ах, — говорит царь, — поеду посмотреть это чудо». — Что за чудо, — говорит мачеха, — вот что чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет. — Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб».

А. С. Пушкин. Записки сказок. (Тетрадь № 2368).

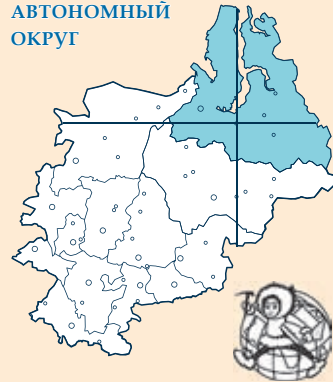
*«... Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...»*

Образ избушки на «курьих ножках» в Ямало-Ненецком автономном округе встречается в поселениях народов ханты, где традиционно устанавливают лабазы на срубленных деревьях следующим образом: находят четыре лиственницы, расположенные таким образом, чтобы образовывался квадрат — основание для постройки и срубают их, оставляя столбы около двух метров высотой или выше. Далее строят лабаз, который служит для хранения продуктов и защиты их от животных и весенних паводков. Для входа в лабаз используется небольшая дверь, к которой можно влезть по приставной лестнице. Данные строения широко распространены с древних времен среди народа ханты, живущих вдоль р. Обь, Полуй, Куноват и др. «Курьи ножки» напоминают торчащие корневища оснований столбов. Лабазы бывают на четырех столбах и на двух.

В Музее истории и археологии г. Надым хранится деревянная фигурка в виде избушки на ножках, обнаруженная при археологических раскопках Надымского городища около Обской губы (территория Лукоморья, согласно европейским средневековым картам).

В 1877 году в приложении к 30-му тому Императорской академии наук

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

Русское географическое общество представляет: отделение в Ямало-Ненецком автономном округе

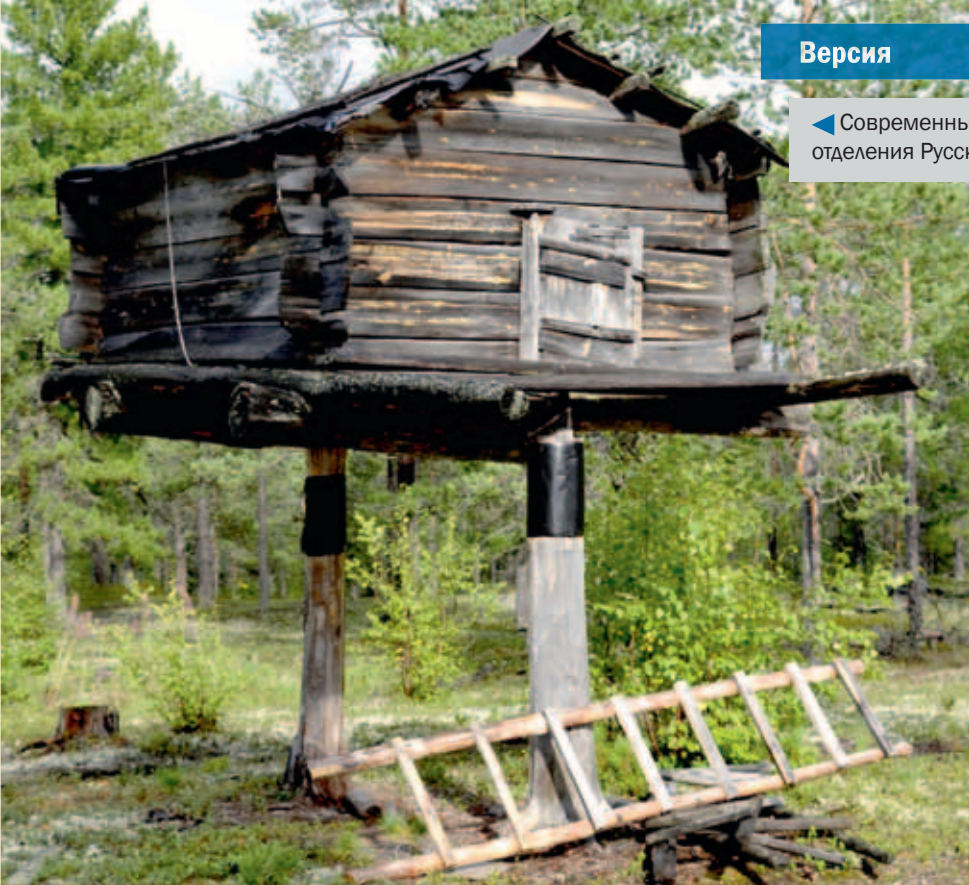

Игорь Кузнецов

Ученый секретарь регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» в Ямало-Ненецком автономном округе. Организатор и участник многих экстремальных экспедиций по Крайнему Северу. Совместно с Игорем Шароватовым содал экспедиционную команду «Северный путь», которая уже несколько лет занимается исследованиями труднодоступных мест Ямало-Ненецкого автономного округа. Изучает историю Севера по архивным материалам России и других стран.

▼ А. С. Пушкин

◀ Современный лабаз. Фото экспедиции 2013 г. отделения Русского географического общества в ЯНАО

◀ Деревянная фигурка избушки на ножках, найденная археологами при раскопках Надымского городища около Обской губы. Музей истории и археологии г. Надыма.

были напечатаны «Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби» по поручению Императорской Академии наук И. С. Полякова. Путешественник в седьмом разделе своих трудов пишет:

«... требовать от Обдорска большего нельзя; он занимает самую характерную часть полуночной страны, известной с глубокой древности под именем Лукомория. Здесь именно находятся упоминаемые в Нестеровской летописи горы «суть горы, зайдуче луку моря, им же высота яко до небесе». О той же местности, имеющие следующие древние известия: «На восточной стране, за Югорской землею, над морем живут люди, самоеды зовомы, молонгозей, я ядь их мясо оленье, да рыба... Да есть у них лекари, у которова чело века внутри нездраво, и они брюхо режут, да нутро вынимают, да очищают, и паки заживляют...». Во всех этих известиях о Лукомории, о «самояди на полуночных странах» не трудно доискаться до многих весьма верных и ценных фактов; что же касается до формы, в которой они вошли в предания, то она несомненно заключает в себе много образного, фигурального... точно так же, если в известиях о существу-

ющей еще до сих пор каменной самоеди, слово «лекарь» заменить словом «шаман», действиям которого еще и теперь приписывается так много чудесного, тогда также все будет понятно. Своеобразная действительность дала еще больше простора для вымысла простому народу, в сказках которого Лукоморье явилось вполне страной чудес. Во время моего пребывания в Обдорске мне не раз приходили на память слова Пушкина «У Лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...». Во всем этом произведении один только дуб зеленый смущал меня, чтобы признать в сказочном Лукоморьи нынешний Обдорск или древнюю Обдорию. Но народная фантазия, любящая впадать в анахронизмы, легко смешивающая лица и события, тем охотнее могла променять приземистую, скромную полярную березу на гордый и величественный дуб; что же касается до златой цепи, то ее давно стараются разыскать многие из сибирских капиталистов в недрах близкого отсюда Урала... И так, если бы была охота продолжать дальнейшую параллель, то относительно Обдорска и его окрестностей можно было бы вполне согласиться со словами поэта: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Доказательства этому приведет любой приверженец коммерческой тайны, способный лично натворить каких угодно чудес».

Более позднее упоминание названия территории «Лукоморье» принадлежит Ивану Семеновичу Шема-

новскому — русскому церковному деятелю, историку, этнографу, основателю первого музея в ЯНАО. Он в своих записях (опубликованных в Православном вестнике 1907 г.) о поездке из с. Хэ в Обдорск (современный г. Салехард) пишет: «Был чудный полярный вечер, когда я выезжал на проходных оленях из селения Хэ в опозитивированное древней новгородской летописью Лукоморье — Обдорск. Висевшая над землею луна освещала своим нежным светом величавую Обскую губу. Затвердевшая от частых крепких ветров белоснежная пелена ее искрилась мириадами иссиня-белых фосфорических огоньков. Чистый воздух нехолодной ночи был так прозрачен, что можно было видеть далеко. Впереди меня и справа горизонт сливался с серо-синим небом, на котором едва виднелись маленькие северные звезды; вдаль справа едва обозначились слабые очертания горного берега, представлявшего какую-то неопределенную массу снега и льда... Кругом было таинственно тихо».

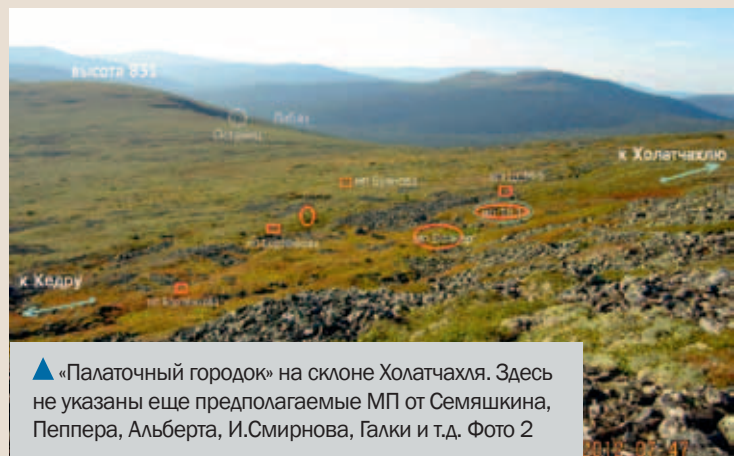
К сожалению, сейчас мы уже не сможем найти на карте название «Лукоморье», но оно осталось в истории, осталась местность на территории России, с которой связано продолжение нашей жизни. Региональным отделением «Русское географическое общество» в Ямало-Ненецком округе был инициирован и сейчас работает проект «Лукоморье». Географы, краеведы, коренные народы Крайнего Севера, историки и сотрудники музеев, экспедиционные поисковые команды объединились вместе для изучения и сохранения истории Западной Сибири. Жизнь Лукоморья продолжается, каждый год раскрываются все новые свидетельства активной жизни людей с древних времен до наших дней на земле около морской излучины — Обской губы. **УС**

▼ Фрагмент карты из Атласа Герхарда Меркатора 1595 г. с указанием месторасположения Лукоморья

Современные находки

Так уж исторически сложилось, что место последнего приюта группы Дятлова оказалось утерянным. В свое время его никак не зафиксировали: ни координатами, ни памятным знаком, ни какой-либо меткой. Осталось лишь несколько фотографий 1959 года с изображением места палатки (далее — МП). Между тем, расположение главного символа трагедии, отправной ее точки — безусловно, могло повлиять и на ход ее развития. Это касается и характера рельефа склона, и линии маршрута «Лабаз — Отортен», и траектории исхода туристов к кедру.

▲ «Палаточный городок» на склоне Холатчахля. Здесь не указаны еще предполагаемые МП от Семяшкина, Пеппера, Альберта, И.Смирнова, Галки и т.д. Фото 2

Вступление

Современные поиски МП начались в 2008 г. с изысканий ведущих исследователей дятловской трагедии (далее — ДТ) — Борзенковым В.А. (г. Москва) и Буяновым Е.В. (г. С.-Петербург). Принцип их работы состоял в сравнении очертаний окрестных гор и косогоров. Аналогичным способом в 2010 г. группа С. Семяшкина нашла еще одно МП, на котором поставила палатку и провела ряд экспериментов. В 2011 г. научную лепту в процесс поиска внес заокеанский ученый Тимур Воскобойников (г. Новосибирск — г. Чикаго). В своих трудах он использовал аэрокосмическую съемку НАСА. В 2012 г. масса новейших снимков склона из экспедиции Фонда Памяти (авторы фото Д. Козырев и А. Кошкин) позволила применить и новый метод — сравнение взаимного расположения МП и камней на склоне. По этой, весьма скрупулезной, методике в «палаточном городке» появились еще два места — МП от «Волкера» (г. Москва) и МП-18.10 от А. Константинова (г. Чебоксары).

Такой разброс предполагаемых МП был связан с тем, что, по сути, определялось не само место палатки, а точка объектива, запечатлевшего кадры в 1959 году. При этом точность расположения МП напрямую зависела от «переменных» данных, установить которые было уже невозможно, как то:

- толщина снега под ногами фотографа в 1959 году,
- его положение во время съемки,
- расстояние до МП,
- степень трансфокации объектива.

Метод вертикалей

Устранить этот принципиальный недостаток поисков удалось лишь в 2013 году. Уральский специалист

фотовизуализации Игорь Б. (г. Екатеринбург) предложил «старый добрый метод направляющих», где за основу расчетов берутся равноудаленные объекты, попадающие на кадр в одну вертикаль.

Например:

1. Левая вертикаль Л1-Л11

На этом кадре в одну вертикаль попали:

- точка сопряжения «дальних» гор (отрогов),
- излом косогора в «средней» части склона,
- угол площадки, на которой лежат вещи, извлеченные из палатки,
- край брезента (это демонтированная и перенесенная поисковиками палатка).

2. Одна из правых вертикалей, в частности, ПЗ-ПЗ3. В нее «вписались»:

- один из останцев высоты 905,
- камень ПЗ в средней части склона,
- край брезента.

Далее, путем геометрических построений, вычисляется само МП:

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Саша КАН (псевдоним)

Настоящее имя Александр Кошкин. Год рождения — 1957. Окончил мехфак УПИ в 1980 г. Работал на радиозаводе. В 90-е годы — предприниматель. Туризм занимался в 80-е годы.

▼ Левая направляющая. Здесь зеленой точкой отмечен условный вход в палатку. Фото 3

На месте палатки Дятловцев

▲ Правая направляющая. В нижней части схемы она пересекает левую. Фото 4

— палатка находилась между верхней и нижней группой людей на приведенных снимках,

— ее левый передний угол — это воткнутая лыжная палка.

Теперь, для практического поиска МП, «достаточно»:

а) взобраться на склон в район «палаточного городка»,

б) найти нужные ориентиры,

в) протянуть канаты вдоль левой и правой направляющих (в пределах «городка»),

г) от точки их пересечения отмерить отрезки, в соответствии с пропорциями объектов фотографий, сделанных в 1959 году,

д) на месте «втыка» лыжной палки установить метку,

е) от метки (это угол дятловской палатки, см. выше) — протянуть контур МП.

Таким образом, можно определить НЕ места фотографа-1959, а места конкретных объектов его съемки.

▶ Фиолетовый шнур — это отвес, по которому и сверялись точки. Находить нужные ориентиры во мгле удавалось только с помощью бинокля. Фото 6

▶ Неустойчивая видимость позволила твердо «совместить» только направляющую «П1-П11» Фото 7

Полевые испытания метода Игоря Б.

1. По фото из «Автономки Саши КАНа» (28.07–3.08.2013) получилось примерно так (см. фото 6, 7).

Кроме того, новое МП оказалось еще и в пределах границ МП-18.10, определенного по совершенно другой технологии!

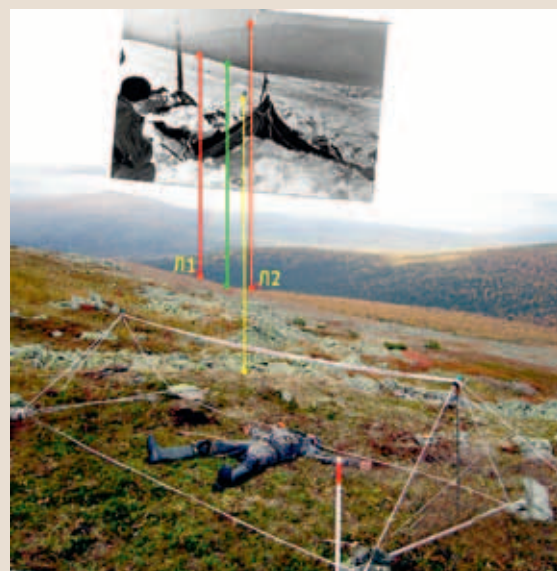
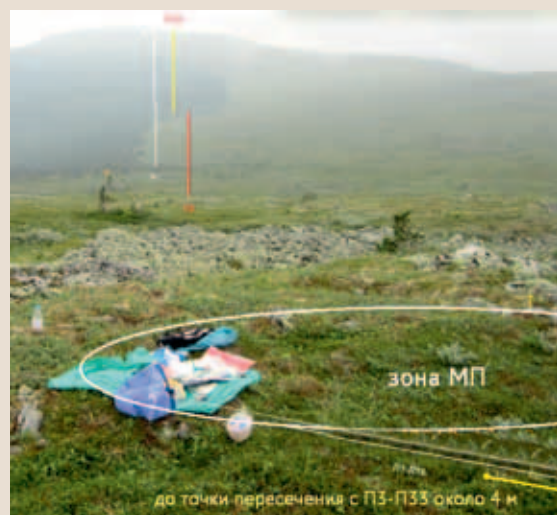
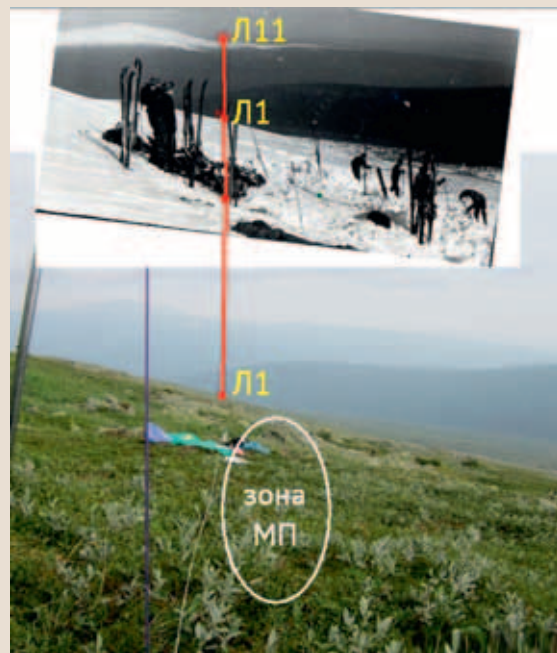
Таким образом, авторство расчета истинного МП по праву принадлежит сразу двум теоретикам ДТ — А. Константинову и Игорю Б.

2. По результатам работы второй (10.09–18.09.2013) экспедиции Саши КАНа (Д. Козырев, Е. Панфилов, А. Кошкин) автору метода (Игорю Б.) удалось уточнить истинное МП следующим образом (см. фото 8, 9).

3. Дополнительным подтверждением истинности найденного МП явилась кучная находка пред-

◀ Фото 5

▶ Уточнение МП. Каркас палатки должен быть повернут по часовой стрелке. Фото 9

метов в интервале 0–7 метров ниже «резаного» ската палатки.

При этом других металлических предметов в радиусе 20–25 метров вокруг МП обнаружено не было.

Вообще, по итогам всех предыдущих экспедиций на Перевал ближайшие находки (пуля и котелок от А. Алексеенкова, в экспедиции Фонда Памяти 2013 года) были обнаружены только в 150–200 метрах от МП-18.10 (в сторону Отогрена, т.е. за пределами отрезка «Лабаз – Палатка»). Поэтому принадлежность найденных пули

и котелка, видимо, следует отнести к лицам посторонним.

О наших двух экспедициях-2013

1. «Автономка Саша КАНа».

Это был мой первый одиночный поход. Продолжительность — 5 суток. Две ночевки на трассе «Ауспия — Перевал». Одна ночевка на склоне (фото 12).

Дважды устраивал ночлег в районе кедра. Вплоть до утра 3 августа — дождь, сыкоть, туман. За все время костер разжигал лишь трижды. Как правило, кипятил банку воды

▲ Фото 14

◀ Стоянка на склоне, под МП, когда я упорно ждал «просвета погоды». Фото 12

на таблетке сухого горючего и заливал китайскую лапшу. Носки удавалось просушить только в спальнике, не снимая с ног!

А вообще, одиночные походы хоть и несколько жутковаты, но все же имеют ряд преимуществ, главный из которых — мобильность. Например, ни с кем не нужно согласовывать график пути, распределение груза, режим питания и сна. Ровно по окончании моей «научной» программы в районе Останца вдруг приземлился винтокрылый агрегат! За все пять моих экспедиций на Перевал это случилось впервые. Учитывая, что моя версия ДТ, основанная на рассказе виновника трагедии (см. «УС», №1, 2013), называется «Вертолетно-бытовая схема (ВБС)» — этот прилет оказался просто знаком свыше.

Еще более удивительно, что в машине нашлось место и для меня!

По прибытии в Екатеринбург в ходе форумных дебатов неожиданно выяснилось, что перед ДТ-сообществом встала срочная, не ме-

нее важная задача. А именно, поиск новых артефактов трагедии, которые бы не только подтвердили истинность расположения МП, но и, возможно, пролили бы свет на сам сценарий драмы на Перевале. Срочность заключалась в том, что открытому мемориальному месту неизменно грозило скорое нашествие частных любителей раритетов — так называемых «черных копателей».

2. Вторая, внеплановая экспедиция (10–18 сентября 2013 г.)

График похода:

- как обычно, двое суток пешим ходом (25 км) по тайге до Перевала,
- сутки на Отроге на МП,
- двое суток — Кедр-Ручей,
- радиальные выходы на гору Холатчахль и высоту 905 (Дмитрий и Евгений),
- снова МП — 1 день,
- обратный переход вдоль реки Ауспи.

На этот раз погода была более благосклонной, но все же:

- по утрам вода в посуде покрывалась коркой льда,
- за первые шесть дней нам не встретилось в тайге ни единой живой души, что несколько угнетало,
- особо беспокоили большие и малые медвежьи следы на всем протяжении

▲ Слева направо: Александр Кошкин (г. Екатеринбург), Дмитрий Козырев (г. Челябинск), Евгений Панфилов (г. Южноуральск). Фото 15

► Современные находки на МП. Фото 16

► Все артефакты обнаружены в интервале 0–7 метров от «резаного» ската дятловской палатки. Фото 17

нии маршрута. Поэтому приходилось идти и постоянно греметь котелками.

По прибытии на склон пришлось вновь протянуть направляющие и очертить контур палатки. В итоге наш каркас все же не совпал на полуметра с фактическим расположением. Горизонт в кадре выравнивался за счет отвеса, который все время качался от ветра.

На этом же месте и заночевали.

Находки на МП

Местность вокруг МП была просканирована металлодетектором в радиусе 15–20 метров. На скалистых участках мелкие предметы практически не «прозванивались».

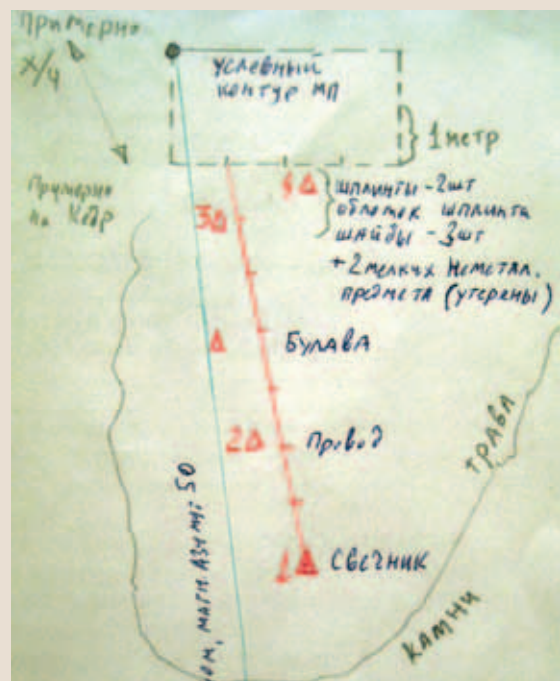
Всего найдено девять металлических предметов.

По результатам последующего форумного обсуждения можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Шпильки и шайбы использовались туристами-лыжниками как запчасти для крепления колец на лыжных палках. Эти предметы могли принадлежать как дятловцам (например, выпали из карманов при экстренном покидании палатки), так и поисковикам.

2. Аналогичные рассуждения касаются и алюминиевого провода (длина около 60 см, сечение — 2 мм, ПВХ-оплетка покрыта как бы вешней сажей, концы провода откусены кусачками, один конец загнут).

3. Погнутая игла булавки (в дальнейшем она отвалилась у нас

при упаковке) может указывать на непреднамеренное ее расстегивание. Далее — выпадение из ткани, при резких движениях. Каким образом это произошло, назначение и принадлежность булавки — неизвестны.

4. А вот принадлежность подвешенного палаточного свечника, с большой долей вероятности, можно отнести именно к группе Дятлова. Поисковики подобные предметы в карманах не носили. Их лагерь располагался в 2 км от МП.

Местные охотники-манси эти предметы не использовали

Другие результаты двух экспедиций 2013 года

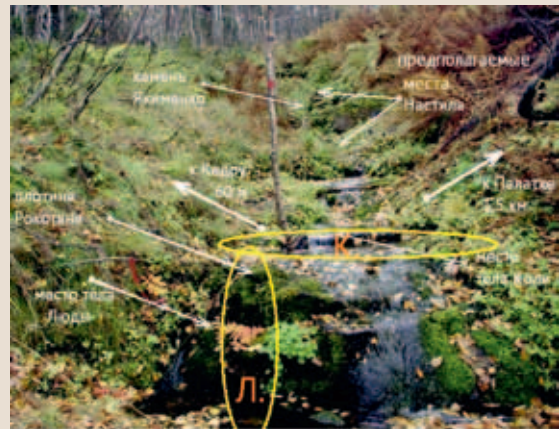
1. Подтверждение места обнаружения «последней четверки погибших» в ручье (по В. Якимен-

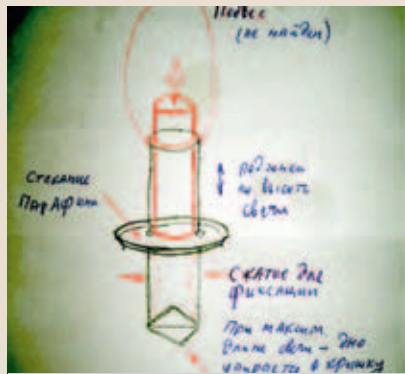

▶ Принцип работы свечника. Фото 22

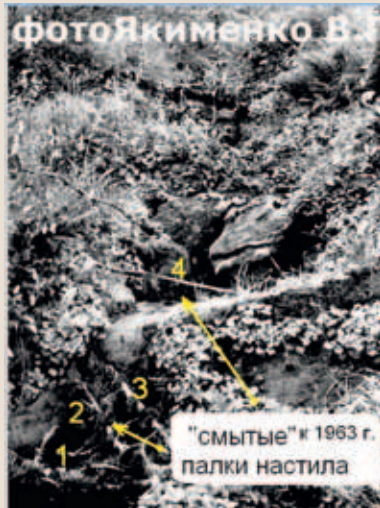
▲ Красная метка на шесте — это 1 метр от основания. Расстояние между камнем Якименко, Р4 по КАНу (экспедиция 2011 года), и плотиной Рокотяна (экспедиция 2009 года) около 11 метров. Фото 23

▼ Лыжная палка 20 века. Фото 18

▲ Столь замысловатая проволочная конструкция запросто могла зацепиться за одежду при срочной эвакуации туристов. Фото 21

▶ Предполагаемое место настила по Якименко/Алексеевскому. Удивительно, но за полвека не изменилась даже конфигурация растений близ камня Якименко! Фото 27

▲ Остатки лыж для волокуш и кривые березы на месте выемки трупов. Фото В. Якименко, август 1963 года

Встречный ветер

ко, Л. Рокотяну, А. Алексеевскому, см. фото 23). Теперь общую компоновку нижнего района трагедии можно представить примерно так (фото 24).

2. Адаптация ракурсов фотографии, сделанной в 1959 году к современному рельефу местности.

3. Поиск артефактов в районе «Кедр-Ручей». При наземном и подводном сканировании прибором Garrett ACE 250 металлических предметов в данной зоне не найдено. Скорее всего, все крупные предметы в этой зоне были извлечены ранее, в экспедиции Фонда Памяти в 2009 году. [7]

▲ На фото 1959 г. выемка трупов, форма рельефа и кривизна берез почти совпали с фотографиями экспедиции 2013 года (см. красные и желтые точки). Фото 29

IR ЛУЧШАЯ ВЫСТАВКА РОССИИ 2012-2013 гг.
по тематике «Досуг, охота и рыбалка» во всех номинациях*

* в соответствии с Общероссийскими рейтингами выставок 2012-2013 года, составленными ТПП РФ и РСПП

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА РУСИ

35 МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

26 ФЕВРАЛЯ-2 МАРТА 2014 г.,
ВВЦ, ПАВИЛЬОНЫ 75, 69

ОРГАНИЗАТОР:

РУССКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ
КОМПАНИЯ «ЭКСПОДЭКЗАМ»

+7 (499) 181-44-76

+7 (495) 258-87-46

www.hunting-expo.ru

hunter@expo-design.ru

реклама

▼ Подъем из оврага тела Золотарева. В правой руке полковник Ортюков держит записную книжку, вынутую из руки Золотарева. Из материалов уголовного дела

Записная книжка

Иллюстрации предоставлены автором

В журнале «УС» (№1, за январь 2013 г.) опубликована статья В. М. Аскинадзи «Письмо другу». В ней есть строчки, поразившие меня. Аскинадзи пишет: «Когда мы доставали тела ребят, у Золотарева в одной руке была записная книжка, а в другой — карандаш. Ортюков как сумасшедший бросился к ней, а потом резко сник, ничего не обнаружив...». Позже, в июне 2013 года на встрече, организованной Фондом памяти группы Дятлова, Владимир Михайлович пояснил: «Записная книжка была вывернута чистой стороной наружу», и еще: «Этот момент так поразил меня, что впечатался в памяти на всю жизнь».

Золотарев

Сказанное Владимиром Михайловичем перевернуло в моем сознании представление о событиях последнего часа дятловской трагедии.

Ибо, если Золотарев держал в руках раскрытую записную книжку и карандаш, а не Колевагов, считавшийся самым дееспособным в их последний час, то, значит, Золотарев в это время был более дееспособен физически, более устойчив психологически, более активен в сложившейся обстановке, не отягчен болью поломанных ребер.

И этому, я считаю, есть объяснение...

Золотарев значительно старше. Он участник Великой Отечественной войны. Он испытал тяготы и ужасы войны, видел изуродованные взрывами тела людей, крики и стоны умирающих товарищей, не терялся в критической ситуации (известен факт — он со своим отделением под обстрелом врага отре-

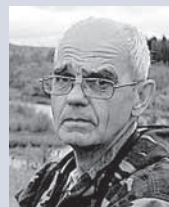
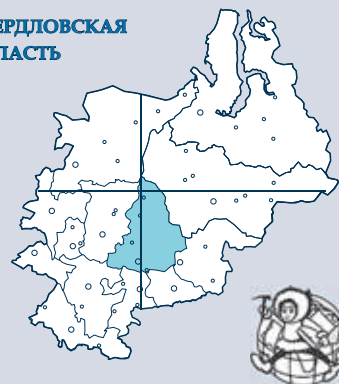
монтировал поврежденный понтонный мост через реку Одер, восстановил переправу, за что был награжден орденом «Красная Звезда» — весьма высокой наградой для сержанта). К тому же он был тепло одет. И еще... он знал солдатскую заповедь: «Помни о погибших, заботься о живых».

Но по порядку...

Два следа в стороне. Чьи?

В статье «Размышление над протоколами следствия» («Уральский следопыт», №1, 2012 г.) автор В. Кудрявцев напомнил нам строчки из протокола допроса участника поисковых работ капитана Чернышова. Чернышов заявил, что метрах в двадцати от основной группы следов (6–7 пар) просматривались две пары следов, которые шли параллельно основной группе следов, и метров через 60–80 они сошлись с основной группой следов. Это чрезвычайно важное свидетельство. Это зна-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валентин Якименко

Родился в 1940 г. Выпускник Энергофака УПИ 1962 г. Сотрудник НПО «Уралэлектротяжмаш». Участник поиска дятловцев в 1959 году.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.

1. Фамилия, имя и отчество Золотарев Семён Алексеевич
2. Военное звание Сей-сержант 3. Должность, часть Командир отделения 1-го бат-на 13 мех. полк. мот. армия Александра Невского полка ТМТ
- Предоставляется к ордену Красной Звезды
4. Год рожд. 1921 5. Национальность русский 6. Партидность Чл. В. П. 1939/41
7. Участие в гражданской войне, последующих боях и боях по защите СССР в Отечественной войне (где, когда) Участков в боях на Дону и Сибирском фронте. При освобождении Зап. областей Белоруссии. При взятии в плен города Пружаны и Помирани в составе 3-го Удар. формирования Кав. корпуса при 2-й АР в 1942 г. ранен и контужен в Сибирском фронте - на линии
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне ранен и контужен в Сибирском фронте - на линии
9. С какого времени в Красной Армии В Кр. Ар. с 1941 г.
10. Каким РВН призван Удобинским РВК Владимирского края
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) За участие в боях под г. Сталинградом награжден медалью "За оборону Сталинграда"
12. Постоянный домашний адрес награжденного и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Старший сержант Золотарев С.А. под артиллерийскими и минометными огнем противника перевел с раскатым 9 часов. в ночь с 21 на 22 апреля 1946 г. понтонный с верхним стросником на один 50 м. паром. Прибыв на место сбросил паром, и Золотарев быстро и умело сбил собираясь паром. Противник начал обстреливать это место из орудий, минометов и пулеметов. Был ранен один боец, но сй. серж. Золотарев не прекратил работу, а сам занял место вышедшего из строя бойца и своим примером бесстрашием вдохновил бойцов на стойкий выдерживать за-дачи. Этим же вечером было перебито два прогона и насти.

В штаб 300 в то же время писано верхнее стросние отразби-того паром, тогда ж. Золотарев по кове в воде дошел до него. Круз Корнев без приказания пошел за сй. сержантом Золотаревым и вместе с ним пригнали прогона к собирающему парому.

Задача была выполнена в срок и паром был введен в линию моста, что обеспечило своевременный прогон грузов и людей на противонакопительный берег.

За участие Командир отделения 1-го батальона 13-го мех. полка мот. армии Александр Невского полка ТМТ Золотарев Семён Алексеевич награжден орденом Красной Звезды.

КОМАНДИР 13 ИСТОП. ПОНТ. ПОСТОВ,
СР.А. АЛЕКС. НЕВСКОГО ПОЛКА ТМТ
ПОЛПОЛКОВНИК

Иванов (И.И.)

"26" Января 1946 г.

▲ Наградной лист Золотарева.
Копия предоставлена
Е. В. Буяновым

чит, что в момент ЧП, когда дятловцы резали палатку и выбегали из нее, двое были вне палатки. Естественно, если они вечером, уже в темноте, вышли из палатки (скорее всего, по естественной нужде), то эти двое были одетыми и, уходя, взяли с собой фонарик.

Уверен, остальным дятловцам было не до фонарика. Стремительно, в панике, покидая палатку, они меньше всего думали о нем. Слишком много тому свидетельств (оброненные у палатки тапки, шапочки, куртка, не одетый валенок и т.д.), одурманенные стрессовой ситуацией, они о чем не думали, интуитивно стремясь быстрее покинуть это место.

Кто же был одет лучше среди найденных дятловцев? Это Тибо и Золотарев. (Приятели, родственные души. На походных фотографиях они часто вместе, и чувствуется их обоюдная симпатия.)

На ногах у обоих теплая обувь, теплые шапки на головах, теплые куртки, в кармане куртки Тибо — теплые варежки. Разительное отличие от одежды остальных, точнее от отсутствия теплой одежды и обуви у остальных.

В кармане Золотарева свернутая газета (запомним эту деталь).

Напрашивается вывод: от палатки Тибо и Золотарев уходили здоровыми.

И еще одно соображение — два следа соединились с другими, а наяву догнали ли Тибо и Золотарев других дятловцев? Прояснить это позволяют события на третьей каменной гряде.

Третья каменная гряда

Вся группа (вместе или порознь) бежала вниз. В районе третьей гряды, точнее несколько выше, они попали на участок ледоската. (Впервые о нем напомнил С.Н. Согрин, «Уральский следопыт», декабрь 2010 г.) Я видел это место зимой 1959 г. и несколько раз летом. Летом здесь горное болото, здесь сочится вода, здесь начинается, пока маленьким ручейком, один из истоков реки Лозьвы. Зимой, пока морозы слабые, вода просачивается на поверхность, пропитывает снег, разливается по склону и застывает, образуя местами шероховатую поверхность, как крупнозернистое наждачное полотно, местами отшлифованную ветром и снежной крупной гладкую, наклонную ледяную поверхность (во время поисковых работ мы обходили стороной такие участки, потому что даже в валенках, двигаясь осторожно, идти по ним было очень скользко). На этих наледях-ледоскатах виднелись торчащие изо льда камни осьшей (курумников).

Вот на это место выскочили дятловцы. Падали, катились по склону, вылетали на шероховатый лед, билась о камни. Практически у всех лица,

руки в ссадинах, царапинах, мелких ранах. Но одни отделались легкими травмами, поднялись и побежали дальше. Другие при падении травмировались страшнее: ударились головой, спиной об лед и камни (Рустем и Зина), у Коли Тибо — пролом черепа с потерей сознания.

Исторически считалось, что на этом месте сильно травмировались Тибо, Золотарев и Дубинина, менее сильно — Колмогорова и Слободин. Группа, помогая травмированным, спустилась к кедру, одни разжигали костер, Зина, Рустем и Игорь отправились назад к палатке за медикаментами и теплыми вещами.

Теперь, когда стали доступны материалы уголовного дела, мы знаем, что это не так.

Анализируя травмы Зины и Рустема, я пришел к выводу, что с их тяжелыми травмами головы, а у Зины еще был поврежден и позвоночник, они не могли активно двигаться, травматический шок привел к потере сознания еще на пути к кедру, падению, а дальше ветер и мороз сделали свое дело. В. Кудрявцев в статье «Размышления над протоколами следствия» («Уральский следопыт», январь 2012 г.) весьма оригинально доказал, что они не были у кедре. Он рассмотрел содержимое их карманов, увидел там весьма много горючего материала (бумага, деньги, документы, расческа и даже коробок спичек), столь необходимые для разжигания костра. Все это не было востребовано, следовательно, **Зина и Рустем у кедре не были**. У третьей гряды поисковики нашли фонарик, который в момент его потери светил. Я считаю, что с зажженным фонариком шли Тибо и Золотарев. Потеря его у третьей гряды свидетельствует, что именно здесь с ними, точнее с Тибо, произошло ЧП.

Из протокола допроса судмедэксперта Возрожденного (Уголовное дело, стр. 436):

«Вопрос: Как долго жил Тибо после получения травмы? Мог ли передвигаться самостоятельно, разговаривать и т.п.

Ответ: После указанной травмы Тибо находился в состоянии тяжелой контузии головного мозга, т.е. был в бессознательном состоянии. Передвижение его было затруднено, и в последующее время он передвигаться не мог».

Но рядом был Золотарев...

Были ли Кривонищенко, Дорошенко и Дятлов вместе с ними?

Я не допускаю мысли, что они, будучи рядом с ранеными, не помогли бы им. Не такие это ребята. Общее мировосприятие, воспитанное в их семьях, а также опыт туристских походов, где бывали и весьма сложные ситуации, выработали у них «чувство локтя», чувство заботы о больных, раненых, слабых.

Скорее всего, группа разделилась еще значительно раньше ледоската у третьей гряды, и потому первые не видели падения товарищей, не слышали в вое ветра их криков о помощи. А когда обнаружили их отсутствие, скорее всего, решили: быстрее добраться до леса и разжечь сигнальный костер, ибо искать в темноте на этом огромном пространстве заблудившихся почти бессмысленно.

Доказать, что все вышли к кедру не одновременно, более того, со значительным отставанием по времени, можно, опять-таки используя метод В. Кудрявцева — исследуя содержимое карманов последней четверки, а также состояние одежды:

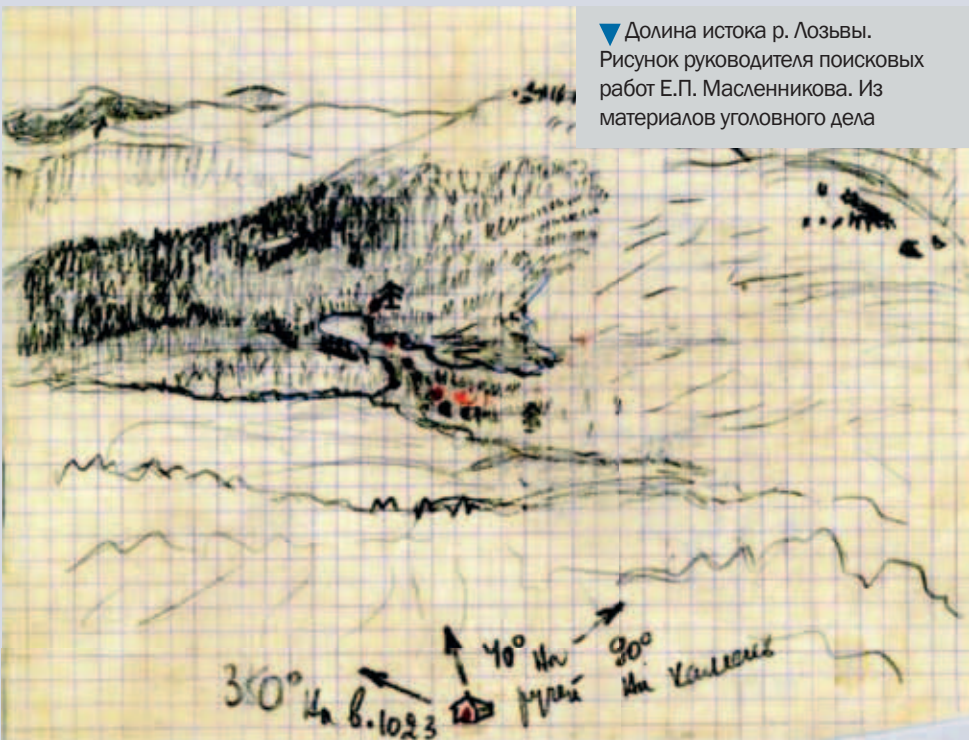
Золотарев — В заднем кармане комбинезона свернутая газета, в верхнем кармане расческа, в кармане спортивных брюк кусочки газеты.

Тибо — В левом кармане меховой куртки две свернутые бумажки, расческа.

Дубинина — Содержимое карманов в акте судмедэкспертизы не упомянуто. Но в нем есть: «На трупе одеты хлопчат-

▼ Н. Тибо, Л. Дубинина, С. Золотарев и З. Колмогорова

▼ Долина истока р. Лозьвы. Рисунок руководителя поисковых работ Е.П. Масленникова. Из материалов уголовного дела

бумажные брюки... Брюки сильно рваные и местами обожжены.

Левая нога — область частично голени и стопы завернута в серый шерстяной обожженный лоскут из кофты с рукавом. На левой ноге одет новый шерстяной коричневый носок. На обеих ногах хлопчатобумажные синие рваные носки. Под ними серые рваные носки».

Колеватов — Левый рукав куртки с верхней стороны имеет дефекты ткани..., края ткани в указанном месте обожжены. В левом кармане ковбойки кусочек оберточной бумаги, упаковка от пакета с лекарством. В правом кармане брюк коробка спичек. ...На ногах шерстяные носки грязные, белые, домашней вязки с участками обожжения.

И здесь материалы, годные для разжигания костра, не востребованы.

А значит:

1. Последние четверо выходили к кедру, когда костер уже горел.

2. Следовательно, они значительно отстали по времени от первых (Кривошиченко, Дорошенко и Дятлова).

3. Первыми вышли к кедру Колеватов и Дубинина. Они пытались греться у костра (свидетельство тому — обожженные брюки Люды, рукав куртки и носки Колеватова).

4. Золотарев с Тибо вышли к костру позже (следов ожога на их одежде нет).

5. Поскольку Тибо, получив травму, был без сознания, нести, волочить по снегу его мог только Золотарев. Естественно, Золотарев с Тибо двигались медленно.

6. На третьей гряде и дальше Золотарев был здоров и дееспособен.

Был ли Дятлов у костра

Это можно выяснить из анализа актов исследования трупов Колмогоровой и Дятлова:

Колмогорова — на лице «... множество ссадин различной формы и величины под сухими, бурого цвета корками, выступающими над поверхностью кожи, размерами от 6x2 см до ... x1 см и меньше». (Уголовное дело, стр. 127–134)

Дятлов — «... в области лба на лобных буграх мелкие ссадины темно-красного цвета, в области левой надбровной дуги ссадина буро-красного цвета, ... на верхних веках мелкие ссадины буро-красного цвета, ... в области обеих скул ссадины буро-красного цвета под сухой коркой размером 3x1,5x1 см, 3x0,5 см слева, а справа мелкие ссадины. Губы покрыты запекшейся кровью, ... в области левой щеки мелкие ссадины».

Там же «На правой ноге одет шерстяной белый носок, под ним хлопчатобумажные коричневого цвета носки, на левой ноге хлопчатобумажный носок коричневого цвета, типа гольф». (Уголовное дело, стр. 120–126)

и протокола осмотра места происшествия от 27 февраля 1959 года. (Уг. дело, стр. 3–10):

Колмогорова — «... Лицо в крови. На спине около пояса выступила кровь».

Дятлов — «... На лице и под подбородком наледь».

Из этих документов можно заключить следующее. При идентичности повреждений на лицах обоих лиц Колмогоровой в крови, кровью окрашен снег, а у Дятлова только наледь на лице,

т.е. кровь на лице уже запеклась (такое может быть при воздействии тепла костра). К тому же в его карманах не обнаружено ничего горючего.

Я считаю: Дятлов вышел к кедру, участвовал в разжигании костра, некоторое время (непродолжительное, потому что не успел сильно замерзнуть — на одежде нет следов ожогов) был у костра. Но, беспокоясь об отставших, чувствуя неладное, Игорь Дятлов пошел им навстречу, прекрасно понимая, какой смертельной опасности подвергает себя, идя навстречу ветру и морозу, идя в одних носках, без шапки и рукавиц.

У кедра

Исторически считалось, что, придя к кедру, дятловцы разожгли костер, нарезали верхушки молодых пихт и берез, использовали их для костра и настила. Однако уже тогда некоторые поисковики (турист и альпинист Г. Атнаки) заявляли, что такой большой объем работы у кедра дятловцам полурядетым, находящимся в стрессовом состоянии, был непосилен. Это дало повод некоторым считать, что у костра были посторонние.

Но следов посторонних ни поисковики, ни следователи не обнаружили.

Я считаю, место у кедра — постоянно посещаемое место отдыха и ночлега охотника-манси. В статье «Костер у кедра» («Уральский следопыт», май

▼ Кедр. Фото В. Якименко. Август 1963 г.

2012 г.) я обосновал свои доводы. Я считаю, что дятловцы, спускаясь к лесу, вышли на след лыжни охотника-манси, по следам которого они двигались два предыдущих дня. След вывел их к кедру. Здесь они увидели кострище, немного дров, кедровых сучьев и настил из вершинок молодых пихт и берез. Дятловцы сумели разжечь костер. Игорь ушел искать отставших. Два Юры (Кривонищенко и Дорошенко) остались поддерживать сигнальный костер. Дров было мало. Искать их в темноте полураздетым и без обуви было практически невозможно, к тому же мороз и ветер быстро вымораживали тело. Они полезли на кедр.

Обследуя место происшествия и трупы Кривонищенко и Дорошенко, следователи отметили в протоколах: «Лица, руки и ноги обожжены; глубокие ссадины, порезы по телу, рукам и ногам; раны на пальцах, на лице. Пена на лице Дорошенко. Следы кожи на сучьях кедра».

Понятно было — в поисках дров для костра они полезли на кедр, прыгали или висели на ветках, сорвались, полетели вниз, цепляясь телом о сучья кедра. Упали, дополнительно ударились о мерзлую землю (снега в этом месте совсем мало), и ... отключилось сознание от контузии и травматического шока. В беспомощности расслабились, уснули... навсегда.

Дубинина и Колеватов вышли к кедру. Вышли уже после смерти Кривонищенко и Дорошенко. Основание для такого утверждения — положение тел.

Из материалов следствия явствует, что они лежат рядом, на расстоянии одного метра от костра, и лежат в позе отдыхающего человека.

Если бы оба Юры были еще живы, их бы Саша и Люда тормошили, подтащили к костру. Этих действий не видно.

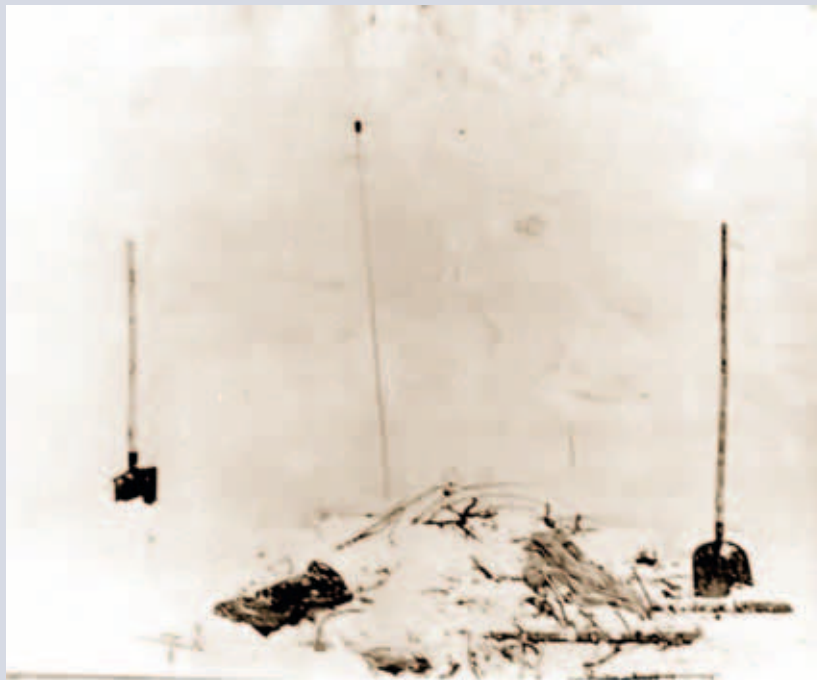
Я считаю, потрясение увиденным и сковывающий их холод с ледяным ветром вызвали у Саши и Люды депрессию (тоскливое, подавленное настроение). Они жалась к костру, пытаясь согреть руки и ноги. Обожжены огнем брюки Люды, обожжены рукав куртки и носки Саши. Они не пытались искать дрова, чтоб разжечь сильный огонь, а дрова были рядом — в 2-2,5 м от кедра лежали обломленные Юрами сучья кедра.

К костру с Тибо на плечах вышел Золотарев.

И... радость встречи живых и растерянность и горечь при виде мертвых.

Ребята, с которыми час назад весело читали Боевой листок «Вечерний Отортен», мертвы.

Но Золотарев старше. Ему 23 года было в 45-м (как им сейчас в 59-м),

▲ Настил. Из материалов уголовного дела. 5 мая 1959 г.

и за плечами три года войны. Сколько ужаса, сколько смертей он видел! Сегодня этим троим живым он был как старший брат, как отец. И первым делом он озаботился ногами Люды — сквозь порванные на каменных осыпях носки виднелись голые пальцы. Семен нашел в кармане шерстяной носок (нашелся только один), срезал с мертвых штаны, шерстяную кофту и обернул ими ноги Люды. Но оставаться здесь было нельзя — слишком продуваемое место и дров мало. Он пошел искать более теплое место.

Овраг

Метрах в 50 от кедра он вышел в овраг.

Сюда с горного склона ветер сдувает снег, постепенно заполняя овраг. В начале марта 59 года весь овраг был заполнен снегом, двухметровые зонды-щупы не доставали до дна, поэтому тогда поисковикам обнаружить тела последних четверых не удалось. Но это после февральских снегопадов. (Подтверждение, что они были и значительные — Зину и Рустема нашли под слоем снега.) Часть снега ветер снес вниз и уложил его в оврагах, кустах и на опушке леса. Причем в оврагах ветер укладывал снег не покрывалом, а подобно тому, как в пустыне ветер наматывает песчаные дюны, т.е. на подветренном склоне оврага наматается сугроб* (надым) с крутой, почти вертикальной стенкой. По мере поступления новой порции снега сугроб нарастает, как бы движется к другому склону оврага, постепенно заполняя его весь. На фото А. Алексеевкова от середины марта 2013 г. хорошо виден такой сугроб-надым в овраге

в том месте, где нашли последних четверых. Необходимо иметь в виду, что снегоотложение в данном месте в настоящее время сильно изменилось из-за разрастания растительности на левом берегу оврага.

Здесь, в овраге, было тихо и даже теплее — массив снега излучал тепло, накопленное за предыдущие довольно теплые дни.

Они стали готовить место для четверых, Семен выгреб ногами в стенке сугроба небольшую нишу, Люда и Саша перенесли от костра настил из пихтовых и березовых вершинок. Они не заметили, что у костра под слоем плотного снега лежит слой лапника — мягких пихтовых веток — любимая подстилка таежных охотников и туристов. (Кстати, еще одно подтверждение, что у кедра останавливался для ночлега охотник-манси.) А подстилка нужна. Золотарев срезал с мертвых одежду и ею выстелил четыре места (*четыре места — доказательство, что в этот момент все четверо были живы*).

Они переместились на настил.

Когда же и где получил травму Золотарев

До кедра он, несомненно, был здоров, поскольку, кроме него, транспортировать Коллю Тибо было некому.

Колеватов, если даже он был рядом, транспортировать двоих: и Тибо, и Золотарева — физически не мог. Так что вывод однозначен — Тибо нести, тащить, вложить мог только Золотарев, и, следовательно, он был здоров.

Несомненно, именно Золотарев в районе кедра искал более защищенное от ветра место (он был тепло одет и на ногах у него были теплые бурки). В это время он тоже получил травму не мог.

Так где же получил травму Золотарев?

Из протокола допроса судмедэксперта Возрожденного (Уголовное дело, стр. 436):

«Вопрос: Как можно объяснить происхождение повреждений у Дубининой и Золотарева? Можно ли их объяснить одной причиной?»

Ответ: Я считаю, что характер повреждений у Дубининой и Золотарева — множественный перелом ребер: у Дубининой двусторонний и симметричный, у Золотарева — односторонний, а также кровоизлияние в сердечную мышцу, как у Дубининой, так и у Золотарева, с кровоизлиянием в плевральные полости, свидетельствуют о их прижизненности и являются результатом воздействия большой силы, приблизительно такой, какая была применена в отношении Тибо. Указанные повреждения, а именно при такой картине и без нарушения целостности мягких тканей грудной клетки, очень похожи на травму, возникшую при воздушной взрывной волне.

Вопрос: Сколько времени могли жить Дубинина и Золотарев?

Ответ: Смерть Дубининой наступила через 10–20 минут после получения

травмы. Она могла быть в сознании... У Дубининой положение осложнилось травматическим шоком, вызванным двусторонним переломом ребер с последующим внутренним кровоизлиянием в плевральные полости. Золотарев мог жить дольше».

Следователь и судмедэксперт подталкивают нас к выводу — травмы они получили в одном месте и практически одновременно.

Есть письмо от Гали из Сайгона (Вьетнам), в котором приводится ее разговор с известным травматологом из Москвы. Выдержку из этого письма мне прислал В.М. Аскинадзи.

Такие переломы ребер (имеется в виду Золотарев и Дубинина) «... в простой жизни встречаются крайне редко... при подобных травмах у них был максимум час на выживание. А сознание они потеряли в течение первых пяти минут». Я спросила, а можно ли их было как-то переносить? Он сказал, что «тащить волоком по земле или на носилках можно хоть 20 км, если есть силы (сами они идти или сидеть на скрепленных руках точно бы не могли), но первое же неловкое движение или неровность поверхности тут же бы вызывали резкое ухудшение, так что через несколько десятков метров это были бы уже трупы»...

Я считаю, единственное место, где они могли получить травмы, — это овраг и то место, где их нашли. Что же произошло там? Разгадка в рельефе оврага. На дне оврага, в ложе ручья, находится много крупных каменных глыб и плит, образующих пороги, уступы. Летом по ним водопадами скатывается вода, зимой камни обледеневают, ложе ручья превращается в такой же ледоскат, что и возле третьей гряды, только еще более крутой.

Я считаю, здесь они получили травмы. И случилось это после устройства настила.

Что же произошло дальше? Почему они оказались в нескольких метрах ниже по ручью? Эти вопросы не дают покоя всем исследователям дягловской трагедии все эти годы.

Я считаю, единственное логичное объяснение происшедшего на настиле — обвал свеженаметенного слоя сугроба, не успевшего уплотниться.

Они смогли выкарабкаться из снежного плена и стали искать новое убежище. Сдвинулись вниз по оврагу на несколько метров.

Дальнейшее я представляю себе так. Они не стали трогать снежную сте-

ну, решили расположиться несколько в стороне от нее. Золотарев стал расчищать от снега место для четверых (настила теперь не будет, нужно чистить до земли. Возможно, они надеялись перенести сюда костер от кедр). Показался лед замерзшего ручья, обледеневшие камни, торчащие из льда. Люда отступила на шаг, чтоб не мешать ему и... рухнула вниз.

Новейшими исследованиями достаточно точно определено место, где обнаружили четверых. В этом месте ручей натывается на каменную плиту и скатывается с нее водопадом. Плита практически вертикальна. Высота ее около 1 метра. Считаю, соскользнув по обледенелой плите вниз, Люда грудью и подбородком ударилась об ее край, вскрикнула. Золотарев резко повернулся, соскользнул и упал на плоский камень, выступающий над поверхностью льда.

(Именно здесь, если бы он упал рядом с Людой, пытаясь помочь ей и соскользнув по плите, сам он, получив смертельную рану, выбраться бы не смог, Колеватов, поспешив на помощь, первым делом помог бы Люде. Таким образом, можно определенно говорить, что он упал там, где его нашли. Нашли лежащим на правом боку, именно на этом боку поломаны его ребра.)

Колеватов пытался помочь им, но любое шевеление тела вызывало острую боль. Они попросили не трогать их. Люда вытянула перед собой руки, положила на них голову и затихла. И Семен, и Саша понимали, что это конец. И здесь Золотарев попросил Сашу достать записную книжку и карандаш. Единственное, что он еще мог и, как он считал, должен сделать, — это сообщить нам о случившемся. **УС**

P.S.

Мы не знаем, написал ли Золотарев что-то или не успел (отключилось сознание от травматического шока). Полковник Ортюков, руководитель последней поисковой группы, не дал посмотреть записную книжку другим поисковикам. Она не фигурирует в материалах уголовного дела. Ее не передавали родным и друзьям Золотарева. Где она? Может быть, действительно, есть еще одна папка, где хранится она и другие документы, которых явно не достает.

Но во всяком случае записная книжка в руке Золотарева — явное свидетельство, что никаких криминальных дел (нападение браконьеров, расправа с невольными свидетелями секретных испытаний, происки разведок и прочие страсти) там не было. Убийцы обязательно бы убрали записную книжку.

◀ Проталина в овраге — место, где нашли последних четверых. Фото А. Алексеенкова, март 2013 г.

Интурмаркет – начало сезона туристских выставок

Фото предоставлены
Центром развития туризма
Свердловской области

«Уральский следопыт»
вновь приступает к участию
в выставочном марафоне.

Он стартует с московских
международных выставок
таких как «Охота. Рыбалка.
Отдых», «Охота и рыболовство
на Руси», «Московское
Боут Шоу» и продолжается
в уральских и сибирских
центрах.

Однако ежегодная Междуна-
родная выставка «Интурмаркет» –
ключевое весеннее событие для ту-
ристической индустрии России.
Ежегодно в ней принимают участие
более тысячи ведущих компаний

и национальных представительств
в сфере туризма из почти полуто-
роста стран и регионов мира. Под-
водя итог прошедшего 2013 года,

необходимо отметить, что имен-
но на Интурмаркете удастся в ко-
роткий промежуток времени пооб-
щаться с руководителями туринду-

Встречный ветер

стрии, органов власти и непосредственно туристами со всех регионов Урала и Западной Сибири. Расставляются акценты на направления в туризме Уральского региона в наступившем году. Так, Челябинская область заявила о стремительном развитии «метеоритного» направления, презентовались комплексные маршруты вокруг Чебркуля с демонстрацией образцов инопланетного вещества. Коллеги из Ямало-ненецкого автономного округа и Республики Коми усилили этнический блок для посетите-

лей Крайнего Севера. Здесь и снегоходные туры, и поездки на оленьих упряжках в обустроенные селения коренных народов. На выставке удалось обстоятельно побеседовать с членами Русского географического общества как Исполнительной дирекции, так и представителями региональных отделений. После таких встреч появились новые темы и авторы журнала. Следом читатели журнала открывают для себя ранее малоизвестные просторы для путешествий, формируют межрегиональные маршруты. Новый толчок получила концепция «Большой Урал», позволяющая обмениваться информацией и согласовывать проведение меро-

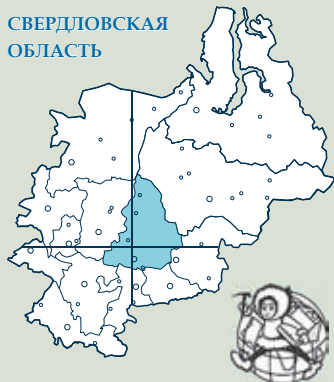
приятий событийного туризма соседних областей. Гостям Урало-Сибирского региона становится легче ориентироваться в многообразии достопримечательностей, планировать свой отдых или экспедиционную деятельность.

На «Интурмаркете-2014» Уральский следопыт больше внимания уделил Приуралью, чтобы восполнить в текущем году недостаток информации о сегодняшних туристических предложениях Оренбуржья, Пермского края и Башкортостана.

До встречи на выставке! **VC**

Где-то в уральской глубинке

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Марина Рукавичникова

Встречный ветер

Встретить своего коллегу, который приезжает на работу на велосипеде, можно сейчас, к счастью, очень часто. Вот и в нашей компании тоже есть такой человек. Знакомьтесь — Дмитрий Артемьев, инженер по охране труда. Его должностная обязанность — охранять жизнь сотрудников, обеспечивая им комфортные и, главное, безопасные условия труда. Но, как и у всех нас, у него есть свое хобби — велосипедный туризм.

Познать новое

«Я — велотурист, моя цель — увидеть как можно больше интересных и красивых мест, а не намотать километры. Но чем длиннее преодолеваешь дистанцию — тем больше нового и интересного видишь. Поэтому приходится за день проезжать 100–200 км. Стараюсь выбирать дороги с твердым покрытием, но если до интересных и красивых мест нужно ехать по грунту или идти пешком — я только «за», — так начинает свой не первый уже отчет заядлый велотурист.

Он окончил военное училище и, отслужив в силовых структурах 20 лет, в звании майора вышел на пенсию. Специальность себе выбрал осознан-

но, с учетом своих интересов. Став «вольным человеком», Артемьев работал на ТЭЦ и в строительных организациях. На работе борется с несоответствиями и пытается сделать мир и себя лучше, ведь все, что ни делается, — к дождю, считает он.

В свободное время Дмитрий занимается туризмом. И на велосипеде уже исколесил (и не по одному разу) практически всю Свердловскую и Челябинскую области. Есть у него желание заняться и кое-чем посерьезней, только времени на это нужно слишком много.

Помимо туризма велосипедного, ему очень нравится водный и конный. Но доступнее всего, конечно, первый.

Дмитрий выбирает поездки, которые занимают не более одной

недели. Когда у него созревает план где-нибудь побывать, — а случается это тогда, когда кто-то расскажет или где-то сам прочитает — через Интернет сообщает о планируемом выезде, и тогда набирается группа, где он, случается, становится руководителем.

— Как правило, набирается от трех до 10 человек. В основном это люди в возрасте после 35 лет. Молодым людям, — размышляет Дмитрий, — сегодня менее интересен этот вид туризма. Они предпочитают сноуборды, мотоциклы и многое другое, только не велосипедный туризм.... А может, просто мы поздно начинаем ценить красоту мира и понимать, что живем всего-то один раз, поэтому нужно дерзать. *Carpe diem!*

Человек-путешественник

В походах бывают разные случаи и курьезы. И сам велотурист признается, что люди едут в такие походы с разной целью: одни — побить только им известный рекорд, кто-то «за компанию», есть и такие, которым это просто интересно. К числу последних относится наш рассказчик.

— Есть в велотуризме пять категорий сложности, я прошел три. Люблю увлекательные и с небольшой долей риска интересные поездки. Если бы у меня была возможность, я бы жил в горах или в лесу, в добротном сделанном домике, но только не в палатке! — смеется он.

Что ж скажешь: прагматичен, умен, сконцентрирован и знает толк в походах. За своим железным конем

следит исправно: буквально холит его и лелеет.

Один из выездов за пределы города состоялся летом 2010 года. Как признается сам Дмитрий, планы для того похода были наполеоновские — побывать и осмотреть хотелось многое: и Нижнеиргинскую дубраву, и Черное озеро в карстовом провале глубиной 40 м, и знаменитое фермерское хозяйство Николая Мулланурова, в котором особой популярностью у туристов пользуются страусы и верблюды, и город Красноуфимск, и пещеру со скалами у поселка Сарана, и Арти, и Михайловск, и Нижние Серги. Желаний было много, но получилось не все.

В дороге ехал и отдыхал, смотрел по сторонам, фотографировал инте-

ресные пейзажи... Как красива Свердловская область!

День у туриста распланирован по-военному: подъем в 6.30 утра, зарядка, завтрак. И питание у него особенное: на завтрак хлопья «5 злаков» с изюмом, залитые кипятком со щепоткой соли, без сахара. На перекусы — куриная голень в вакуумной упаковке (и вкусно, и легко усваивается, и жару терпит), колбаса варено-копченая. А на ужин — горяченькое — суп с колбасой и хлеб. Пить в жару путешественник советует горячий чай с лимоном и небольшим количеством сахара. Путешествуя большой компанией, обед иногда превращается в дружеское застолье:

— Мужчины занялись костром, дамы — столом, я — глинтвейном. На решетку для барбекю помещается ровно 24 стандартных сосиски, поэтому больше 24-х человек в походно-

выходной день (ПВД) брать не стоит, — шутит Дмитрий. — Стол был накрыт белоснежной скатертью, выставлен саксонский фарфор и богемский хрусталь. Глинтвейн был приготовлен из Бордо 1978 года. Окончательное знакомство состоялось за распитием глинтвейна, поеданием сосисок и других вкусностей. Разговор перемежался шутками-прибаутками. Оказалось, что большинство — опытные разноплановые туристы, но вело- — меньшинство, которое клятвенно обещало исправиться и в дальнейшем все выходные проводить на велосипеде и как можно дальше от дома!

Ехать приходилось по-разному.

— Ноги по утрам не болели, — удивляется велотурист. — Или привык уже, или мазь на основе скипидара для улучшения кровообращения помогла, даже шея и плечи перестали болеть.

Увалы Предуралья

Путь, который рассказчик назвал «Увалами Предуралья», пролегал через Ачит, Быково и Балаши Пермского края к Нижнеиргинской дубраве. Первую часть путешествия проехал быстро, заночевал в Быково. По дороге не попалось ни одного ручья, поэтому и воды пришлось набрать в придорожном кафе. Готовил пищу на горелке, купленной специально для таких походов.

С утра Дмитрий начал искать ту самую Нижнеиргинскую дубраву, которая располагалась у одноименного села. Это уникальный памятник природы, самое восточное место естественного произрастания дуба. На удивление, местные жители и не слышали о такой. Но нашелся один мужичок, который не только рассказал, где она находится почти отчаявшемуся путнику,

но и нарисовал схему проезда. Добраться до дубравы оказалось непросто: она расположилась меж двух гор, и добраться туда на колесах не было никакой возможности. Поэтому наш путешественник пошел пешком, ведя железного коня в «поводу». И не зря сходил — местность представилась весьма живописной, аж дух захватило!

Далее маршрут Дмитрия пролегал через Красноуфимск, но по дороге он завернул в села Чатлык и Лебязье, где взял напрокат настоящую лошадку и доехал до Черного озера. Вода была уже прохладной, но путник не отказал себе в удовольствии искупаться. В местном пруду водица оказалась теплее.

Возвратившись на прежнюю дорогу в Красноуфимск, он собирался посетить фермерское хозяйство Николая Мулланурова, но сбился с курса и при-

ехал в Красноуфимск. Посмотреть город и хозяйство не удалось, но зато побывал в поселке Сарана. Встал на ночевку, подвел итог дня, и вышло: 9 часов в пути, проехал 130 км!

С утра занимался поиском пещеры и скал на реке Уфа. По дороге на Натальинск заметил плохо потушенный лесной пожар и потушил его окончательно. Поехал по асфальту до Арты. Город оказался приятным и чистым. Примечательно, что на пруду в Артях сохранился завод, построенный на плотине 225 лет назад. Артинский завод — уникальное и старейшее предприятие не только Урала, но и России. Он остается единственным в стране производителем кос и иного сельскохозяйственного инвентаря. Косы, произведенные этим ветераном сельхозоборудования, пользуются спросом и в России, и за рубежом.

На этом увлекательное путешествие закончилось: пришлось отправляться в обратный путь. Уже дома, работая с фотоматериалом, он зафиксировал в отчетах все, что успел увидеть в дороге и осмыслить то, на что не обратил внимания ранее.

Благодаря фотографиям таких людей мы можем убедиться, насколько красива наша уральская природа, узнать, что есть еще самобытные поселения, где люди не пользуются новомодными технологиями, но живут в гармонии с природой. Именно такие путешественники не раз доказали нашему обществу, приученному к западным красотах и турецким берегам, что путешествовать надо в глубинку — сердце нашей страны! И начинать следует с собственного края. Ведь, как правило, интересное всегда перед нами — стоит только присмотреться. **У**

▼ Озеро Большое Балбанты. Октябрь

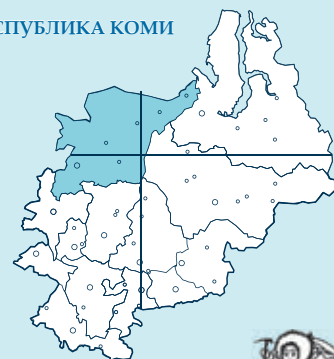
Балбанью — река ИДОЛОВ

Иллюстрации
предоставлены
автором

▲ «Прошлогодний снег» в верховьях Балбанью лежит до августа

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 10 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география Уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

«Балбанью — настоящая бушующая стихия, живой организм, у которого свои планы, буквально на все. Тут есть только мнение реки, медведей, волков, росомых и других местных жителей. А люди — так, заходящие гости».

(из отчета украинских туристов)

Река Балбанью — одна из самых известных на Приполярном Урале в среде туристов-водников. Эта небольшая (немногом более полусотни километров), но необыкновенно живописная и интересная речка берет начало вблизи горы Народной — высшей точки всего Уральского хребта, течет среди высоких гор и впадает в Кожим — приток Усы.

По своему имени, происходящему от расположенных по берегам причудливых скал, Балбанью явля-

ется «родной сестрой» получившего сейчас широкую известность плато Маньпупунер-Болваноиз. В словаре Даля «болван» — «истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог». В Приуралье «болванами» называли одинокие камни-останцы, похожие на фигуры людей; у древних народов такие каменные идолы считались священными и часто служили местами жертвоприношений. Название Балбанью является калькой с более древнего, ненецкого имени реки — Хай-яга

(от ненецкого хае, хэ — идол, яха — река), и манси Ялпынг-я — «священная река».

Кстати, у Балбанью есть «сестра-близнец» — речка с таким же названием на другой, восточной стороне Уральского хребта. Тоже непростая, с древним именем Ялпынг-я (на языке манси — «священная река»). По верховьям этих рек проходили древние «чрезкаменные» пути из Европы в Сибирь.

В верхней части, на пути из высоких гор в широкую троговую долину, Балбанью образует несколько неболь-

Старухой имело древнюю историю и было «обжито» кочевниками очень давно — упоминания о чуме сохранились в записях и рисунках еще с середины 19 века.

Этнограф Татьяна Дмитриевна Слинкина в своей книге «Мансийская топонимика Урала» записала со слов стариков-оленьеводов, что когда-то у манси здесь был «храм под открытым небом» — сакральный природный комплекс, включающий горы Старик, Старуха и Еркусей, а также низовья долины Деля-Гладь, по которой протекает речка Сюразь-рузь. Проход между Стариком и Старухой

назывался Долиной Предков. Этот район считался у манси священной землей (ялпынг ма); здесь запрещалось пить воду из священных озер, плевать и испражняться на землю; территория была запретна для женщин — им нельзя было при проезде слезать на землю с нарты или лодки, лицо следовало прикрывать платком. Вообще у манси, как и других кочевых народов, всегда было принято в дикой природе, особенно в горах, вести себя сдержанно — «быть гостем». Здесь не полагалось громко кричать, петь, устраивать пляски, вести себя высокомерно и вызывающе; запрещалось

▶ Еркусей — Шаман-гора

ших, но очень красивых озер — Верхнее, Малое и Большое Балбанты (коми ты — озеро). На языке народа манси, когда-то кочевавшего здесь, их названия звучат как Ялпынг-Гаях-Тур — «Озеро в истоке Священной реки», Мань-Ялпынг-Тур — «Малое Священное озеро», и Яны-Ялпынг-Тур — «Большое Священное озеро».

На берегу Малого Балбанты, у подножия горы Старухи, до 2009 года располагалась летняя стоянка оленеводов из поселка Саранпауль, которые приходят сюда, в верховьях Балбанью, на летние пастбища, осенью откочевывая обратно в Тюменскую область. Стойбище под

▲ Чум под горой Старухой

также нарушать что-то в дикой природе — копать землю, рубить деревья, рвать цветы и травы, и даже дробить камни... Считалось, что после смерти человека одна из душ реинкарнируется в одном из потомков — т.е. человек, духовно рождаясь заново, несет «багаж» добра и греха из прошлой жизни; поэтому при нарушении табу грех за проступок переходит к близким нарушителя — родителям или детям.

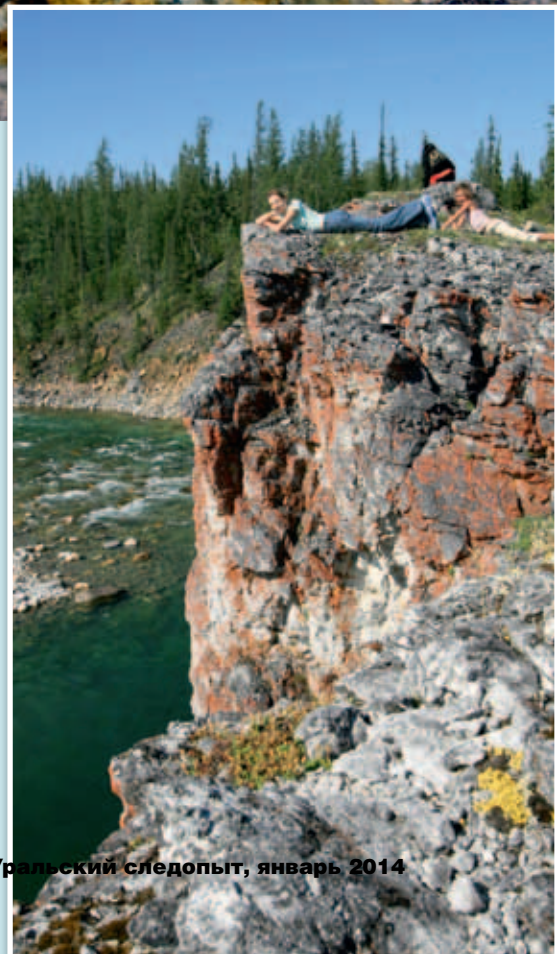
Именно в этом районе, на горе Сура-из, в 1927 г. оленеводом П. Терентьевым были переданы геологам первые кристаллы горного хрусталя. Эта находка через полвека позволила развернуть здесь добычу кварца, который используется сегодня в радиоэлектронной, военной, космической промышленности. Кварцевые штольни можно видеть на склоне горы Баркова, у подножия которой, на берегу озера Большого Балбанты, расположена база Желанная — конечная точка дороги из Инты в горы. Домики Желанной расположились у подножия горы Баркова, между горными ручьями Травянистым и Каменистым. Тропы вдоль ручьев ведут вверх, на просторное (2 на 5 км) плато горы Баркова, с которого открываются прекрасные виды на хребты Малдынырд и Санаиз, долину Балбанью, массивы Карпинского и Народной.

Несомненное украшение долины Балбанью — каровое озеро Грубепендиты, расположенное напротив Желанной. Зеленовато-бирюзовое озеро лежит в глубоком каре хребта Малдынырд, окруженном с трех сторон с отвесными трехсотметровыми стенами;

▼ Вода в Балбанью — изумрудного цвета

▲ Ручьи-притоки Балбанью, стекающие с хребта Малдынырд — источники «живой воды»

► Скалы Балбанью

глубина его, несмотря на небольшие размеры, достигает 21 м. Вид с хребта Малдынырд на долину Балбанью — с озером Грубепендиты на среднем плане, священной горы Еркусей напротив и массивом Народной вдаль широко растражирован у туристов.

Одно из самых интересных мест не только на Балбанью, но и на всем Урале — это Еркусей, или Шаман-гора, известная с древних времен всем оленеводам побережья: здесь находилось межродовое святилище. Название горы переводится с ненецкого как «святой хранитель, хозяин»; манси и коми-ижемцы словом «йир, йирком» называли кровавое жертвоприношение (когда забивали жерт-

венное животное); традиция приносить здесь в жертву оленя сохранилась до XXI века.

До создания Национального парка «Югыд ва» на Балбанью находились два заказника, вошедшие позже в состав парка. В 1978 году в верховьях реки был создан ботанический заказник «Балбанью», занимавший долину реки и прилегающие участки горных тундр и голцов. Здесь охранялись редкие виды растений — ветреница пермская, родиола розовая и четырехчленная, новосиверсия ледниковая и другие. Склоны хребта Малдынырд занимал Малдынский комплексный заказник, сохранявший высокогор-

ные экосистемы, ледники и озера, животный и растительный мир гор. В заказник входили ледник Малды — один из крупнейших на Урале, и самая высокая точка хребта — гора Варсанюфьевой, высотой 1539 м. Сейчас эта территория входит в заповедную зону Национального парка, задача которой — сохранение контрольных эталонов природных сообществ: здесь разрешены только научные исследования.

В 6 км выше Санавожа в Балбанью впадает справа речка Пелингичей, а чуть ниже — Малая Каталамбио. Напротив ее устья по левому берегу Балбанью находится памятник природы «Гроты Балбанью» — живописные сложенные скалы, в которых промыты два ряда живописных гротов.

В 6 км ниже Пеленгичей расположена база Санавож, построенная в конце 70-х годов золотопромышленной артелью Вадима Туманова «Печора», разработавшей в верховьях Кожима рассыпное золото. С 2000 года база принадлежит Национальному парку: здесь останавливаются туристы — на выходные, перед сплавом, после горного похода. На базе есть связь, здесь можно обогреться и обсушиться в ненастную погоду, оставить сплавное снаряжение на время горной части путешествия, заказать баню, получить информацию по району.

От базы Санавож (в высокую воду — от Гротов) начинается водный сплав по Балбанью, оцениваемый на 3 категорию сложности. На коротком — всего 6 километров — участке до устья идет целый каскад порогов, прижимов и бочек, бурных перекатов — один за другим, практически без передышки. Вода изумрудного «ледникового» цвета, отвесные скалы по берегам, многометровые ямы под скалами, бурные волны и огромные валуны в русле — все это делает маршрут незабываемым.

В низовьях Балбанью находят два интереснейших памятника — не только природных, но и историко-культурных. Перед устьем Балбанью на левом берегу стоит первый «каменный идол» Старик-хозяин; археологами подтверждено, что в эпоху палеолита здесь было жертвенное место. Второй истукан — тридцатиметровая «Каменная баба» — расположен на берегу Кожима в километре ниже устья Балбанью. Оба камня, напоминающие силуэты людей, словно «наблывают» за рекой; как не вспомнить поверья тех же ненцев и манси, согласно которым у каждой реки был свой дух — «хозяин», а район устья считался сакральным...

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

VII международная выставка катеров и яхт Московское Боут Шоу

11-16 марта 2014 года
МВЦ «Крокус Экспо», III павильон

VII International Exhibition of Boats and Yachts Moscow Boat Show

March 11-16, 2014, Crocus Expo IEC, Pavilion 3

Организатор / Organizer КРОКУС ЭКСПО
Международный выставочный центр

+7 (495) 223-42-10 | boat2008@crocus-off.ru | www.mosboatshow.ru

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

январь 2014

Аэлита

50 Законы Вселенной

ВЛАДИСЛАВ ЛЕНЦЕВ

Свидание с Шивой

50

59 Законы Вселенной

ВИТАЛИЙ ФОМЕНКО

Выбор

59

66 Законы Вселенной

КОНСТАНТИН ЧИХУНОВ

Ценный экземпляр

66

73 Повод для улыбки

МИЛА КОУЛ

Три женщины Андрея Андреевича **73**

81 Повод для улыбки

МАРИНА ТИШАНСКАЯ

Такая досада

81

Свидание с Шивой

Однажды возникнув, эта мысль уже не давала ему покоя, стучала в голове, как набат: «Все, что бы они ни делали, повторяется». Артур Кларк, «Свидание с Рамой»

Рано или поздно это должно было случиться — люди должны были найти Чудовище.

Немолодой уже доктор антропологии Эрих фон Дрейк вместе с командой археологов обнаружил следы древних предков людей на краю пустыни Калахари. Много недель скрупулезные европейцы сантиметр за сантиметром продвигались в глубину естественной пещеры, давно исчезнувшей под маской пустыни.

В сентябре, когда в родном Гейдельбергском университете доктора фон Дрейка уже начался академический год, а на Южно-Африканском плато заду-

Владислав Ленцев (псевдоним)

Родился в 1986 году в Балаклаве (Крым). Окончил филологический факультет МГУ, но вскоре с головой ушел в журналистику. Работал на нескольких проектах украинского национального ТВ, редактировал киевскую русскоязычную газету. Фантастику начал писать в 6 классе. До более серьезного писательства дорос только недавно, когда отважился поучаствовать в первом конкурсе. Занял несколько призовых мест на сетевых конкурсах. Отдает предпочтение содержательной фантастике с научными и социальными элементами, в духе старых мастеров, стараясь писать простым, современным языком. Пока что пишет рассказы, но уже задумывается о крупной форме.

ли сильные ветры, искатели наткнулись на пещерную камеру с окаменевшими останками. Несколько дней содержимое очищали от налета времени лазерами, и лишь неделю спустя Эрих фон Дрейк в защитном костюме переступил порог своей сокровищницы.

Первые три скелета лежали прямо у входа, ногами внутрь пещеры, на расстоянии вытянутой руки друг от друга — типичные палеоантропы, или гейдельбергские люди. Рост не более полутора метров, судя по всему, мужчины — рядом нашлись каменные наконечники копий. Однако это совсем не походило на захоронение — не могли же мертвых просто свалить в ряд на полу.

Как ни благоговел доктор фон Дрейк от вида своих предков, его тянуло в глубину пещеры — туда, где покоился четвертый скелет. Сканирование этих

останков дало противоречивые данные, что списали на сильные помехи от неглубоких залежей металлов. Однако доктора фон Дрейка не покидало предчувствие значительной находки.

Антрополог подкрутил настройки ультразвукового сонарного визора и подошел к четвертому скелету. Десять долгих минут доктор фон Дрейк не издавал ни единого звука, а его коллеги изучали изображение. Слов не нашлось и у них.

Это было Чудовище. Оно лежало на правом боку — двухметровое, явно прямоходящее существо с четырьмя руками. Коленные чашечки были вывернуты назад, а к ним прижат внушительных размеров хвост. Венчал скелет череп с тремя глазницами, формой походивший на голову богомола.

Розыгрыш? Безлюдье пустыни Калахари говорило само за себя: некому тут мистифицировать. Саму пещеру удалось найти лишь благодаря новому археологическому спутнику, который запустили год назад.

Однако скелет Чудовища в духе фантазмагорических грез Лавкрафта был реальным. И доктору фон Дрейку ничего не оставалось, кроме как до поры до времени скрыть эту находку. Воображение людей науки с легкостью нарисовало им заголовки «желтых» публикаций в прессе: «Монстр Калахари: за что мы платим этим яйцеголовым?» и тому подобные. Чудовище компрометировало их одним своим существованием.

Спустя две недели напряженной работы ученые собрались в главном полевом корпусе экспедиции. Доктор фон Дрейк в неярком свете ламп казался воплощением доктора Франкенштейна: глаза горят, нордическое лицо с выдающимся подбородком сковано спазмом долгих размышлений, каштановые с проседью волосы расхристаны, а черный костюм-

тройка, надетый по случаю, явно отсылает к 19-му веку — однако электронная доска позади сразу же возвращает в 21-й.

— Итак, что мы знаем о Чудовище... — нервно заговорил антрополог. — Увы, мне придется начать с того, чего мы не знаем. Во-первых, — он ткнул рукой в доску, и на ней появилось изображение нереального скелета, — мы не смогли сопоставить его ни с одним известным видом животных. Оно не похоже ни на что. Должно быть, продукт сильной мутации. Во-вторых, мы не знаем, как Чудовище оказалось в этой пещере. Радиоуглеродный анализ человеческих останков показал возраст в пятьсот тридцать тысяч лет, а останков существа — четыре с половиной миллиона лет. И, тем не менее, наши предки явно встретились с ним в одной временной точке, в этой пещере.

Доктор фон Дрейк сменил картинку.

— Интересно, что в стене, всего в каком-то метре от Чудовища, есть некая структура, напоминающая капсулу. В базальтовом монолите выделяется окаменевшая расщелина с рваными краями. Внутренняя ее часть гладкая, просматривается оболочка, похоже, органическая. Что это такое — неизвестно, но размеры капсулы таковы, что Чудовище могло бы в ней уместиться. Непонятно и другое: что именно произошло в пещере?

— Палеоантропы нашли Чудовище, оно убило их, а они — его, — предложил кто-то.

— Хорошо, — кивнул доктор фон Дрейк, хмурясь. — На всех найденных скелетах повреждений нет. Каменные копыта остались при своих хозяевах, а Чудовище тем более безоружно. И вот вопрос, — фон Дрейк вывел на доску панорамное изображение пещеры, — между скелетами людей и Чудовища семь с половиной метров. И если мы допустим, что у су-

щества был какой-то орган для столь дальней атаки, то как люди убили его?

Повисла тишина. Доктор фон Дрейк вздохнул.

— Я бы не принимал гипотезу о сражении всерьез, если бы у меня были другие. Но в ее пользу говорит еще и то, что во всех окрестных камерах пещеры, безусловно, ранее обитаемых, мы нашли следы лишь нескольких захоронений. Много утвари, предметов, останки животных — но всего шесть-семь могил. Значит, люди жили здесь какое-то не очень продолжительное время, а потом нашли Чудовище. Оно убило трех воинов и погубило само, но люди рассудили, что отсюда лучше убраться, и даже не забрали с собой вещи.

Доктор фон Дрейк выдержал паузу, надеясь услышать идеи, но идей не было. Он устало продолжил:

— Поймите, коллеги, мы тут можем придумать что угодно, но давайте все-таки оставаться в пределах «твердой» науки. Прежде чем обнародовать находку, нам жизненно необходимо представить настоящую гипотезу, иначе нас поднимут на смех... Сейчас выпитесь хорошенько, а завтра утром соберемся снова и обсудим все.

Зашелестели ноги, занялись негромкие разговоры — ученые расходились по полевым коттеджам. Доктор фон Дрейк выключил доску, закрыл глаза и взялся массировать виски. Голова гудела и наполнилась мыслями, как закипающий чайник — пузырьками воздуха.

— Эрих, — мягко прозвучал около его уха знакомый голос. Антрополог вздрогнул и увидел перед собой профессора Хьюго Стейнмана из Лондонского королевского общества, — у меня есть одна идея. Мы можем сохранить все в тайне и при этом получить ответы.

— Я весь внимание, — оживился фон Дрейк.

— Нам надо обсудить это наедине, — заговорщицки сощурился рыжебородый Стейнман и кивнул в сторону кабинета.

Через несколько дней Хьюго Стейнман появился в кардиффской квартире своего давнего друга, сравнительно молодого биолога с индийскими корнями Калидаса Айзли. Черные брови на смуглом лице поползли вверх, когда вслед за небольшим футляром Стейнман протянул ему фотографию калахарского скелета.

Так Чудовище нашло новый способ прийти в наш мир.

Калидас Айзли встретил Эриха фон Дрейка на кардиффском вокзале дождливым ноябрьским днем. Ученые любезно раскланялись, и худощавый Айзли в черном дождевике пригласил в свое авто мерзнувшего в бежевом пиджачном костюме фон Дрейка.

— Я очень рад наконец встретиться с вами, доктор, — белоснежно улыбнулся Айзли в зеркало заднего вида, выруливая со стоянки. — Шива — это нечто грандиозное.

— Шива? — удивленно переспросил фон Дрейк и даже перестал вытирать платком промокшие волосы.

— Да, простите, — смутился Айзли. — Самое интересное, что такое прозвище ему дал даже не я. Но эти четыре руки и третий глаз...

— Боюсь спросить, — с тревогой заговорил фон Дрейк, — насколько далеко вы продвинулись? Я, право, имею очень смутное представление о вашей работе, хотя профессор Стейнман так расписывал современные возможности...

— Я генетик. Возглавляю научный центр Вооруженных Сил Его Величества неподалеку от Кардиффа, — видя смущение фон Дрейка через то же зеркало, Айзли добавил: — Нет, нет, мы не выращиваем там супер-

солдат или что там еще можно подумать. И, я уверяю вас, Шиву нам удалось сохранить в тайне, вне протоколов. Я прежде всего ученый, а не военный.

Они миновали центр города и поехали сквозь серые спальные районы. Айзли продолжил:

— Я безумно хочу удовлетворить ваше любопытство, но поверьте мне, словами это описать сложно. Очень скоро вы увидите Шиву, и, я надеюсь, он сам все прояснит. Я жду этого так же, как и вы.

Эрих фон Дрейк, несмотря на всю свою выдержку, неприлично вытаращил глаза:

— Сам все прояснит?!

Айзли нахмурился, как индийское божество, вырванное из нирваны.

— Вы же знаете, что Шива хорошо сохранился. Мы смогли извлечь из фрагмента кости молекулы белков и ДНК. Профессор Стейнман знал, что в нашем распоряжении есть чудесный компьютерный симулятор онтогенеза. Достаточно оцифровать структуру ДНК, и программа в точности реконструирует организм.

— Доктор Айзли, где была ваша программа раньше? — не выдержал фон Дрейк и всплеснул руками. — Это был бы прорыв в антропологии...

— Военные... — сухо отрезал Айзли. — Программу создавали для наших генных исследований — чтобы не тратить попусту ресурсы и время. С геномами модифицированных животных сбоев не было никогда, но вот Шива... Мы три раза запускали симуляцию, и три раза она выдавала нам разные результаты! Понимаете, из одного ДНК мы реконструировали три совершенно непохожих организма, и ни один из них не напоминал этот скелет! Благодаря вашему Шиве наша генетика уже трещит по швам...

За окном замелькали деревенские домики.

— Мы пошли дальше и рискнули имплантировать ДНК Шивы в живую клетку. Больше вмешательства

не потребовалось, только питательная среда. Помните старую добрую овечку Долли? Чтобы ее клонировать, Вилмуту и Кэмпбеллу пришлось много лет мучить матушку-природу и извести уйму биоматериала. Шива же развился без нашей помощи и... Вы все увидите сами.

Оставшуюся часть пути доктор фон Дрейк мысленно кусал себе локти и пытался вообразить, во что выльется его свидание с Шивой.

Роль клетки выполняла просторная комната с прозрачными стенами. Но Шивы не было видно — пышные кусты в приземистых кадках закрывали обзор. Доктор Айзли пояснил:

— Шиве потребовались комфортные условия. Следуя его второй просьбе, я пригласил сюда вас — он захотел увидеть того, кто нашел его. Мы пытались схитрить — вызывали разных сотрудников, но он всякий раз разоблачал их. С кем-либо из нас он говорить отказался. Думаю, он телепат.

Фон Дрейк не успел переварить услышанное, как вдруг из зарослей за стеклом появился сутулый человечек. Нагой, ростом не более полутора метров, с густым волосяным покровом бурого цвета, покатым лбом и крупными чертами лица — типичный предок homo sapiens и изрядный уродец.

Но тут над его надбровными дугами раскрылся большой третий глаз с дивным изумрудным зрачком. Фон Дрейк не мог издать ни звука, совершенно сраженный этим зрелищем. Тем временем человечек заговорил, и динамики ретранслировали:

— Это вы нашли меня?

Речь была английской, но голос — варварским, лающим. Фон Дрейку припомнился Булгаков, но он удержался от ассоциативного дрейфа и взял себя в руки.

— Я, — кивнул доктор фон Дрейк и побледнел.

Шива широко улыбнулся, обнажив отчетливые клыки, и устроился в позе лотоса прямо на полу. Лапа тропического куста легла ему на голову, листочки вплелись в короткие темные волосы. В этом было что-то мифологическое.

— Извините меня за этот орган, — он торжественно моргнул третьим глазом, — но я не мог от него отказаться, как бы ни хотел походить на вас.

Доктор фон Дрейк отошел чуть в сторону, выискивая у Шивы былой хвост, но его не было. Шива просверлил гостя меньшими глазами и покачал головой:

— Это я, не сомневайтесь. Вас наверняка смутила та, прежняя форма, но я могу принимать множество их.

— Вы... прилетели к нам откуда-то?

Шива, нелепый трехглазый палеоантроп, посмотрел на рослого немецкого аристократа с нескрываемым снисхождением.

— Мы с вами не только дети одной планеты, но и слуги одного стремления, — загадочно изрек он. — Я очень благодарен за реанимацию, хотя ваши мастера живой материи — полные невежды. Для регенерации я использовал форму ваших предков из той пещеры. Я мог бы принять форму любого из вас, но вы вполне разумные существа, и это было бы не совсем прилично. Тем более что вы позволили мне завершить свое исследование.

У доктора фон Дрейка было столько вопросов, что он растерялся. Как Шива оказался в пещере? Как он меняет формы? Как ему удалось сохранить память? Он... ученый?

Палеоантроп за стеной снисходительно улыбнулся, как учитель улыбается любопытству юного ученика.

— Вы узнаете все и тем самым окажете мне очень большую услугу. Однако слов недостаточно. Вы увидите.

Демонически сверкнул третий глаз, фон Дрейк невольно сфокусировался на нем и вдруг провалился в какой-то темный, липкий туннель — его захватили странные тактильные ощущения. Переход был таким неожиданным, что антрополог даже не вскрикнул — и уже через мгновение он был в другом месте.

Он увидел зеленоватый свет и обнаружил себя выбирающимся из какого-то плотного кокона. Одна нога коснулась пола, потом другая, потом хвост... это была та самая пещера. Он выпрямился в полный рост и размял конечности — шея и все четыре руки немного хрустнули, как после долгого сна.

И тут у выхода появились они — люди. Испуганные, с копьями наизготове они отрывисто кричали что-то. Легким усилием воли он парализовал их. Это было так же естественно, как кивнуть головой — фон Дрейк поразился, сколь тесно его сознание переплелось с сознанием Шивы. И в то же время это было не совсем сознание — что-то более основательное и древнее.

Палеоантропы застыли у прохода, а Чудовище-Шива изучало их, чтобы принять тот же облик.

И тут его взорвала боль. В голове что-то лопнуло, он схватился верхними руками за череп, но мука нарастала. Старый дефект дал о себе знать, понял он, и сосуды стали рваться один за другим. Консервация ослабила его защиту, а он, глупец, поторопился и не дал себе времени восстановиться. Отчаянная попытка регенерировать, красная пелена, холод, онемение... Тело не подчинилось ему.

Шива фон Дрейк рухнул на пол, взревел, как медведь, и затрясся в конвульсиях. Последней мыслью было: остановить распад! только бы не рассыпаться в прах!.. Все кончилось. Разумеется, палеоантропы так и остались парализованными — их ждала медленная и мучительная смерть.

Фон Дрейк снова оказался в своем теле и упал на колени, хватая ртом воздух. Доктор Айзли помог ему подняться, с тревогой заглянул в глаза.

— Все хорошо, — наконец вымолвил антрополог и, выпрямившись, решительно посмотрел на Шиву. — Я хочу знать все.

— Я должен предупредить вас. То, что я покажу, изменит вас раз и навсегда. Вы уверены?

Фон Дрейк кивнул:

— Именно за этим я здесь.

— Хорошо, — Шива запустил руку в листья над своей головой и сорвал маленький плод, похожий на фасолину, затем опустил его в приемник для пищи и сказал:

— Это катализатор. Разум каждого из вас чересчур индивидуалистичен и отвергает слишком глубокое слияние. Надо отключить защиту. Съешьте этот плод. Не бойтесь, это безопасно.

Доктор Айзли опасливо покачал головой, но фон Дрейк решил. Он подошел к стене, взял фасолину и быстро разжевал ее. На вкус плод был горьким, по языку растекалась едкая теплая масса. Преодолевая рвотные позывы, антрополог проглотил кашицу.

Шива медитативно прикрыл два глаза и распахнул зеленый портал третьего. Фон Дрейк теперь не просто провалился — а полностью растворился в нем.

Миллионы лет назад на Земле была совсем другая цивилизация, и Эрих фон Дрейк оказался в самом ее сердце. Толпы фантазмагорических существ, не похожих друг на друга, но, несомненно, разумных, бродили по исполинскому городу, где дома тоже были живыми и росли из земли. Существа были объаты страстью — они искали удовольствия, боли или утонченного их сочетания. Экстатические трансформации, суициды с регенерацией, переплетения и деления тел — все это фон Дрейк увидел за пульсирующими

перегородками домов-грибов и прямо на освещенных люминесцентными железами-фонарями улицах.

— Мы были великой расой, — раздался в голове другой, мелодичный голос Шивы. — Мы умели подчинять природу, создавать замки из живой материи и изменять самих себя до бесконечности.

Эти слова лишь обобщали знание, которое и так широкой рекой лилось в сознание фон Дрейка. Генная инженерия людей — детская забава. Эти существа смогли без единого искусственного орудия труда развить высочайшую культуру, но их всемогущество внезапно обернулось вырождением. Город вдруг стал сморщиваться и увядать, точно исполинский цветок.

— Я один из последних жителей Манарры, — так Шива называл свой мир. — Наши тела отказались служить нам, и мы гибли тысячами, миллионами. Я, как и многие, пытался найти выход, спасение для своей расы. Я придумал лишь временное решение, но было уже слишком поздно. Я заключил себя в эту капсулу, надеясь пронести свое знание в будущее или же научиться мудрости у наших преемников.

Люминесцентный город померк. Мрак длился так долго, что фон Дрейк уже начал терять себя в нем. И свет появился снова.

Он обнаружил себя взбирающим на футуристический пейзаж с вершины высокой скалы. Блестящие здания из металла и стекла стучались в небо, между ними сновали летающие машины с электрическими огнями — все как из воображаемого будущего — но чуждое, не человеческое.

— Я проснулся спустя полтора миллиона лет и застал это — удивительную цивилизацию, которая подчинила себе неживую материю.

— Это мы? — спросил фон Дрейк, неожиданно поняв, что у него тоже есть голос.

— Вы прекрасно знаете, что нет, — уличил его Шива. — Ближайший аналог в вашей классификации — муравьеды.

И фон Дрейк увидел этих существ — вытянутые морды, прищуренные глаза, длинные прямоходящие тела в разноцветных одеждах. И тут его ослепила вспышка.

— Я решил, что они нашли секрет вечной цивилизации, но ошибся, — на фоне города вырос огромный ядерный гриб, а здания разлетелись осколками, как игрушечные. — Они уничтожили себя и изуродовали наш мир. И я снова укрылся в капсуле.

Следующее видение не удивило фон Дрейка — тот же самый живой город, что и в начале. Или нет? Дома тоже росли из земли, в них копошились существа, но отличие было разительным, хотя и неуловимым.

— Так я открыл циклы жизни, — мрачно произнес Шива. — Одна цивилизация всегда сменяет другую. Подобные вам разрушают жизнь, загрязняют ее радиацией и ядами и погибают сами.

Дрейк хотел было возразить, но прикусил язык. Доказывать, что человечество не склонно к самоуничтожению, было бессмысленно. Тем временем Шива жонглировал удивительными образами:

— Мы же рождаемся в этой радиации, перерабатывая ваши отходы. Планета очищается. И подобно тому, как вы поднимаетесь над природой, создавая орудия труда, мы постепенно подчиняем себе собственные гены. На охоту ваш человек идет с дубинкой или копьем, а наш просто выращивает себе нужный орган.

— Но как? Почему эволюция делает для вас исключение? — удивился фон Дрейк.

— Эволюция, — Шива усмехнулся. — Вы находите случайные окаменелые скелеты и строите на них свои

теории. Постепенный отбор случайных мутаций... Всегда есть существа, которые подчиняются этим законам. Но как вы закрыли глаза на то, что им не подчинились вы сами? — Шива представил взору фон Дрейка современного человека и ряд его обезьяноподобных предков — прямо как таблица из университета, только приматы на этой картинке были живыми, дышащими. — Никакая естественная эволюция не создаст мозг, сложный настолько, чтобы разработать саму эту теорию. Я покажу вам, как все происходит на самом деле.

Шива вернул видения живого города и нашел в нем нечто похожее на лабораторию.

— Когда наша цивилизация достигает расцвета, лучшие умы начинают экспериментировать над немногими выжившими низшими существами из вашей эпохи — их гены столь же примитивны. Так и было: мы пытались постичь загадочный процесс медленной эволюции. Мы недоумевали: зачем она нужна, если есть наша изменчивая ДНК? Наши ученые исследовали эти неподатливые, статичные гены со множеством ошибок и создали тысячи новых видов, и среди них — предков следующих властителей Земли. Когда мы исчезли, планета досталась им, а они, вымирая в свою очередь, сделали возможной жизнь созданий вроде нас. И это суть колеса жизни.

— Шива, я хочу верить вам, но... — фон Дрейк замялся. — Все живые существа оставляют окаменелости, однако мы никогда не находили никого из вас. Даже если мы просто плохо искали, я все равно не понимаю, как в пределах одной биосферы могут чередоваться сами химические закономерности, механизмы в ДНК. Это невозможно.

Шива проявился поверх умопомрачительных образов, и его третий глаз засветился синим огнем.

— Право на сомнение — роскошь, которую я не знал так долго... — он с грустью покачал голо-

вой. — Сейчас и вы ее лишитесь. Чтобы ответить, я покажу, что будет после вас. Это проекция, основанная на моем знании.

Фон Дрейк увидел величавый Лондон — и его сразу же поглотила ядерная вспышка.

— Мои расчеты достаточно точны. Смотрите.

И фон Дрейк увидел их. Муравьев. Они росли под жестким облучением, захватывали выжженные пустоши и постепенно обретали разум — коллективный. Они объединялись в огромные конгломераты, муравейники возвышались над руинами прежних городов, а матки производили детей, способных поглощать все что угодно. От людей не осталось даже полиэтиленового праха...

— Вы думаете, что все знаете о ДНК. Вы уверены, что радиация просто разрушает молекулы жизни. Так и происходит — но только в малых масштабах. Когда же вся жизнь на планете корчится под огромными дозами облучения, в генах одного или нескольких видов происходит энергетический переход. Ваш язык так примитивен... В какой-то момент нуклеотиды и их цепочки словно бы ионизируются и становятся подвижными.

Фон Дрейк нырнул внутрь муравьиной матки и уже наблюдал ДНК-спирали. Их сегменты находились в постоянном движении! Нуклеотиды и аминокислоты ежесекундно перестраивались, будто гости вечеринки, которые ходят от одного знакомого к другому и ведут непринужденные беседы. Отдельные сложные последовательности то и дело выхватывались и изолировались, их место занимали другие. Молекула ДНК точно разговаривала сама с собой, подмечая особенно удачные или интересные фразы.

— Это фантастика! — выпалил фон Дрейк, и его выдернуло из муравьиной королевы.

Теперь он наблюдал за тем, как она создает все новые формы детей. Проекция ускорялась, и в конце концов фон Дрейк увидел всемогущих инженеров живой материи. Живые дома, фабрики, невероятно разнообразные существа.

— И все же я не понимаю, почему от вас не осталось следов! — воскликнул ученый.

На центральной площади живого города появился огромный Шива и, точно Кинг-Конг, облокотился на самую высокую башню.

— Простите, для меня это самоочевидная вещь. Дело в том, что наша ДНК очень нестабильна — в этом ее сила, но вместе с тем и проклятие. Обладающий ей организм не умирает — он перерождается. Память сохраняется в нуклеотидных цепочках. Отмершая, потерявшая гибкость материя все время перерабатывается — именно поэтому вы сможете найти только кости обычных животных, не затронутых этой мутацией. Их мы создали предостаточно и ограждали от своей изменчивости, считая ее признаком избранности, как вы считаете исключительными свои умения и разум... Но это было именно проклятие.

Живая башня вдруг покосилась, и Шива отпустил ее. Исполинское здание рухнуло, вокруг закопошились существа.

— Они падали и разлагались, — Шива с тоской смотрел на панику, охватившую город. — Ошибки в генах, одна за другой. Механизм, который мы почитали безупречным, стал давать сбои безо всяких видимых причин. Мы проклинали природу, пытались понять... безуспешно. Сначала мы принимали уродливые формы, а потом просто рассыпались в прах. Может ли поменять прах?

— Как же спаслись вы?

— Я сумел замедлить разрушительные процессы в своих клетках, но помочь кому-то другому уже

не успел. Я бы прожил около года и умер точно так же, как они, если бы не консервирующая капсула. Я и мои коллеги создавали эту технологию десятилетиями, и мне пришлось испытать ее, чтобы отсрочить свою смерть и попытаться найти ответы. Я нашел их и теперь счастлив поделиться ими с вами.

Шива вернул фон Дрейка в реальность, и она оказалась доктору призрачной.

— Но зачем все это? — устало спросил он. — Зачем природа делает нас такими и смотрит, как мы убиваем себя?

— Это величайшая тайна, — сказал Шива. — Но исследования вашего народа дали мне ответ.

Он выдержал небольшую паузу.

— То небесное тело, что убило гигантских ящеров и почти всю жизнь шестьдесят пять миллионов лет назад, — астероид. Мы догадывались о чем-то таком, но никогда особенно не интересовались. В этом ваши ученые превзошли нас. Понимаете, природа должна была ответить на угрозу. Следующий астероид мог полностью стереть жизнь с лица Земли. И наш с вами разум — лишь ее средство самозащиты. Однако любая цивилизация изнашивается и саморазрушается. Мне неизвестно, сколько попыток было с тех пор. Может, мы были первыми в цикле, а может, десятими. Ясно одно: природа нашла идеальное и достаточно простое решение, как и всегда...

— Вы переживете любой конец света благодаря изменчивости, а мы сможем уничтожить опасный астероид благодаря технологиям, — закончил фон Дрейк за него.

— О да. Биологическая примитивность и смертность толкают к прогрессу так же хорошо, как и наша ДНК...

Шива улыбнулся и прикрыл третий глаз.

— Я безмерно счастлив, что поделился знанием. Теперь этот груз и ваш тоже.

— Но это не конец! — горячо воскликнул фон Дрейк. — И вы, и мы — все равно так или иначе погибем! Неужели нельзя это остановить?

— Природу не переиграешь. Даже если бы я нашел средство от генной деградации для своей расы, я был бы не вправе его применять. Вы, в свою очередь, можете быть тысячу раз против ядерной войны, но именно для этого вы созданы. Наша смерть нужна вам так же, как ваша — нам. Противиться бесполезно, цикл должен продолжаться — во имя жизни. И здесь я с вами прощаюсь. Время истекло.

С этими словами Шива закрыл глаза и... рассыпался в прах. На полу у подножия кустов выросла бурая кучка.

— Мы можем снова оживить его, — глухо сказал доктор Айзли.

Эрих фон Дрейк покачал заметно побелевшей головой.

— Не стоит.

— А как же скелет?

— Думаю, он много даст генетике. Но в остальное никто не поверит... Да и какой в этом смысл?

Мудрость блестящего ума Шивы не оставляла ни сомнений, ни надежд. Не дождавшись ответа, Эрих фон Дрейк развернулся и зашагал прочь.

Ученый, так стремившийся к знанию, ощущал полное свое поражение. Какие бы победы и почести ни готовило ему будущее, на протяжении многих и многих лет ему не избавиться от чувства, что главное позади.

Он больше не смог служить науке. Однажды возникнув, эта мысль уже не давала ему покоя, стучала в голову, как набат: «Все, что бы они ни делали, повторяется». **У**

Виталий Фоменко

Родился в 1977 году в г. Мерефа, Харьковский район, Украина. Закончил школу в 1994 году, потом учился в Харьковском университете радиозлектроники (ХТУРЭ), где в 1999 году получил диплом инженера-системотехника. После окончания института работал в различных технических компаниях, в настоящее время — копирайтер. Писать начал два года тому назад, написал десяток рассказов. Из достижений: 2012 год — финалист конкурсов «Тысячелетний Феникс», «Черная ряса, золотые погоны»; 2013 год — победитель конкурса «Фантастическое допущение».

Выбор

Вьюн протиснулся сквозь куст терна, колючие ветки неохотно расступились перед плавными движениями охотника. Широкие листья папоротника ушли в стороны, как двери вагона метро, в двухстах шагах виднеется деревянный частокол скита. По золоченой крыше колокольни бегают яркие зайчики мартовского солнца. В прошлый раз охотника прислали в июне — на блестящие крыши смотреть было невозможно, да и передвигаться по лесу днем в летние месяцы — самоубийство для слабых охотников. То ли дело ранней весной: зимней слякоти нет, солнышко печет...

«Вот и пришли!», — подумал Вьюн, сильнее сканируя местность. Часто, очень часто попадались охотники вот так, на границе леса, когда жилье и защита братьев рядом, но от стены деревьев отделяется размытый контур зверя, и взгляд на дом оказывается последним... То было давно, Вьюн мальцом бегал, но зато сей-

час! «Токо суньтесь, гады! — охотник злобно ругнулся, вспоминая тысячи смертей, в голове щелкнуло, по лесу ударило шагов на полста вглубь, с веток сбило мелкую живность, ближайшие осыпались поломанными кулками. — Не нравится? Ну ничего, привыкайте!».

Сопровождавший Вьюна последние шагов пятьсот луч внимания от общины староверов окрасился темным. Вьюн машинально отгородился от внешнего воздействия, губы насвистывают простой мотив, тело легко движется по кочковатой земле, обходя ямы и ловушки. Минута — и охотник возле ворот в два человеческих роста из просмоленных бревен, в правом углу калитка. Вьюн бухнул в бревно кулаком, басовито загудело. «Что за игры, ведь полчаса, как меня учуяли, открыли б заранее, — охотник шумно выдохнул, — дикари, и живут в глуши, и сами...». Окончить мысль не дал здоровый старовер, высунувший в калитку мохнатую ряху.

— Кто таков будешь и по какому делу? — прорычала бородатая голова привратника.

— И снова комедия, ети вас налево! — Вьюн плюнул на густую траву перед оградой. — Вот на хрена, ты мне скажи, каждый раз спрашиваете? Третий раз к вам топаю, чувствуете меня за километр, и все равно какая-нибудь еросина пытаться начинает!

Эмоциональный монолог на привратника впечатления не произвел, он пуше прежнего проревел:

— Ты! Кто таков будешь? Щас собак спущу!

— Погоди ты, что за люди, собак... — Вьюн подбрался, оглядываясь, — собаки ваши — это нечто... Вьюн я, посланник княжеский, ну то есть от Семена Новгородского, к старосте пришел с грамотой, ясно?

— Жди! — бросил бородач, калитка захлопнулась, шагах в пяти глухо рыкнул пес.

— Я подожду, — прошептал Вьюн, — ишь ты, собаками меня пугать... хотя такими собаками кого хошь напугать можно...

Бывшие некогда волкодавами, староверовские собаки нынче походили на постройневших медведей, на тех медведей, какими они были до волны изменений. От теперешних медведей удирал любой из охотников, благо, пятиметровые топтыгины нрава остались довольно мирного, да и конкурентов в лесу у них нет.

— Кто тут к нам пожаловал? — калитку открыл глава общины, худощавый старец с окладистой бородой. — А-а, ты, Вьюнок, с чем к нам, с добром али как?

— Да что вы все переспрашиваете, — Вьюн скривился, как от укуса комара, — уж вы-то, Варфанасий, давно меня учуяли, я почувствовал, как вы общинную энергию направляете... если бы захотел, то скрылся, как зверь в буреломе, — хрен бы нашли!

Старец мягко улыбнулся, повел неторопливо рукой в сторону, в глазах блеснуло.

— Не суетись, отрок, мы люди мирные, живем спокойно... Но порядок любим! Али запомнил, Вьюнок?

— Да помню я, — отмахнулся Вьюн, — и какой я вам отрок, какой Вьюнок, чтоб его! Тридцатник недавно праздновал!

Варфанасий вошел внутрь, махнул призывно гостю.

— Пошли отдохнешь с дороги, баньку затопили уже, после молвишь, что Семен передает...

Вьюн оживился, потер ладони:

— Во, так бы и сразу, эх, жаль, вы тут девок не приответствуете свободных... да шуткую, святой отец, не надо зыркать...

Старец на «святого» крякнул, но смолчал. Глава общины провел гостя мимо трех бревенчатых строений, низких, но так основательно построенных, что, кажется, и свора медведей ничего с ними не сделает. По дороге никого не встретили, только возле бани предстал низкий, огромный в плечах мужчина. Он коротко поклонился, прогудел нечто в том духе, что баня готова, и только сканированием Вьюн почувствовал движение мужика — так быстро тот растворился в тени зданий.

— Интересный у вас тут народ, монахи, послушники или как вы сейчас называется? Раньше местные ребята иначе выглядели... — Вьюн попробовал удерживать истопника в поле сканирования, но тщетно, через пять шагов аура общины поглотила уходящую фигуру, только отец Варфанасий выделяется ярким спокойным огнем, но он и так рядом стоит...

— Общинниками можешь звать, или как удобно — братья не обидятся... Пошли уже париться, али забоялся? — Варфанасий лукаво улыбнулся.

— Пойдем, пойдем, — спокойно ответил охотник. — Я вроде вопрос задал...

— Про братьев? Что тебе сказать? — улыбка сошла с лица старца. — Ты же ведаешь, мир меняется, ну и мы помаленьку, как разумеем, меняемся...

Вьюн замер, как охотничий зверь, медленно спросил:

— Это как же, как разумеете? Вы научились управлять мутациями? — Вьюн как спросил, так и остался стоять с открытым ртом. — Никому раньше не удавалось управлять процессом, все время спонтанные скачки, насколько я знаю...

— Знаешь... снимай портки да дуй в парную, а то остудим, на пороге теревеневши... Ничем мы не управляем, а меняемся иногда, волею Господа, — Варфанасий перекрестился двумя перстами. — И не расспрашивай, мне самому мало что ведомо в том...

— Ага, ну да, если главе общины мало ведомо, то кому... — Вьюн замолчал, завидя нахмуренные брови старца. — Лады, хорош болтать, будем париться...

А дальше жара, пар, веники, ароматные травы... Хлестал тихо мычащего Вьюна сам глава, как парень ни отнекивался. Поработал старец знатно — из парной Вьюн выползал по стеночке, Варфанасий в предбаннике сожалеюще сказал:

— Эх, не до бани нынче, а то разогреться и не успел... А ты что, Вьюнок, такой вялый? Али не в охотку банька?

— Да не, благодарствую, вот только почему не позвали банщика? Неловко как-то...

— Да что ж такого? Я же не царь и не президент, я — общинник, токмо чуть старше и опытнее иных... А оставлять тебя с другими братьями, скажу откровенно, опасуюсь...

Варфанасия прервал вошедший квадратноплечий общинник с подносом в руках. Поднос был так огромен, что на нем свободно разместилась масса вещей: жбан кваса, тарелочки с соленьями, горшок каши. От каши поднимается дымок, слышно запах гречки и шкварок. Вьюн не смог подавить журчание в животе, глотнул полный рот слюны.

— Ого, сколько всего, а это что?

Общинник достал посуду из резного шкафчика, поклонился, и вновь Вьюн проводил взглядом молчаливо ушедшего мужчину. Ответил разливающий квас старец:

— Грибочки маринованные, здесь ягоды разные, брусника, черника, малина... пробовали — есть можно, а некоторые еще и вкусно... Ну, гречка такой же и осталась, сало свиное, тоже почти как раньше, свинки только подросли, — Варфанасий улыбнулся.

— Ага, видал я ваших свинок — впечатляют больше, чем собачки... Ну, знаю, вы спиртного не пьете, давайте квасу за удачу!

— Не верю я в нее, давай лучше за успешную встречу...

— Нашу? — не понял Вьюн.

— Да наша и так уже успешная... — Варфанасий взгляделся в собеседника. — Скорее да... Та встреча, на которую ты меня пришел пригласить!

— Хм, дык я же ничего не сказал про... откуда? — спросил Вьюн.

— Да не психуй, отрок, твои собратья-гонцы посетили другие скиты, вот от соседних общин и знаю...

— А-а, так вы общаетесь друг с другом? Дык до ближайшего скита верст с полста, и лес буреломный, никак меня обойти не могли...

— Я и не сказал, что кто-либо приходил...

— А как же? — Вьюн тряхнул головой.

— С Божьей помощью и с нашим усердием! — непонятно ответил старец. — Переночуешь, а завтра в путь-дорогу двинемся! Все, отдыхай, говорю! — Варфанасий повел ладонью, Вьюн почувствовал, как глаза закрываются, его взяли под руки дюжие общинники, и заснул.

Давно Вьюн не спал так крепко, с тех пор, как последний раз посещал скит, не этот, но эффект тот

же — спокойный сон без постоянного сканирования обстановки. Настроение с утра лучше некуда: «Может, я такой нервный от недосыпания? Остаться бы здесь... спокойно, тихо, птичий крик не раздражает...». Охотник встряхнулся, просторную комнату сотряс решительный выдох. «Эх ты, охотник, пока здесь отдыхаешь, в лагере за тебя другие оборону держат, пора!».

На пороге избы ждет Варфанасий, поднимающееся солнышко подсветило седые волосы старца, рядом пара общинников неизменно квадратноплечевого вида. Суровые братья уставились на Вьюна, но по кивку старца исчезли. Глава, кряхтя, приподнялся с пенечка, поклонился солнцу.

— Готов в путь, отрок?

— Да завжды! — охотник ввернул непонятное слово, услышанное в Новгороде от пришлого парня. — А мы как, сами?

— А кто тебе нужен, али боязно?

— Да я... я! — Вьюн потерялся в словах.

— Я-я, — перекивил старец, — второй день якаешь, а говоришь, не отрок! Больше тридцати годков, но все туда же, как бы похвалиться, эх, молодежь...

Вьюн покраснел, хоть и не думал, что умеет.

— Ну ладно, пойдете, отец Варфанасий, — тихо произнес, потом еще тише: — Я ж не за себя волнуюсь, за вас... путь-то неблизкий, через самую хашу...

— Дойдем, с Божьей помощью!

Шли ходко, только возле края леса, изломанного вчерашним ударом Вьюна, остановились. Зеленая стена почти восстановилась за ночь, но кое-где виднеются концы веток, белеющие, как переломанные кости, на земле лежат опавшие листья, наполовину поглощенные активной почвой. Сильно пахнет древесиной и жухлой травой. Стрекот, чирикание, слышимые прямо над головой, затихли в этой части леса. Варфанасий прислушался, лицо помрачнело.

— Пойдем отсюда. Быстро!

— А чего такое? — не понял Вьюн, но ускорился.

— Тебя ищут лесные, я прикрою, но чем дальше от скита, тем им легче будет учуять...

— Ну и пусть чуют, — охотник недоуменно глянул на старца, — пусть даже найдут нас, я как вмажу, так и чуять некому будет!

— Снова начинаешь? — Варфанасий ответил совсем не кротким взглядом. — Все никак не надеешься? А если можно без этого, зачем в драку лезть?

Вьюн аж поперхнулся.

— Да как так? Это же звери! А как еще с ними? Увидел — убил!

— Да знаю я вашу философию, но ты ж вроде парень сообразительный, — за пределами скита Варфанасий сменил лексикон, — к чему приведет-то такая конфронтация?

— Ну, к чему... Повыбьем мы их скоро, — опустив глаза, ответил Вьюн.

— Ага, повыбьем, как мух на... варенье, придем, значит, с мухобойкой, и разом усех положим, так?

— Так — не так, а что еще остается? — крикнул парень. — Руки опустить, пусть нас режут, как вы хряков своих?

— Есть иной путь... приспособиться, адаптироваться, научиться жить сообща...

Лицо Вьюна побагровело, глаза налились яростью.

— Это с кем ты жить сообща собрался? Да я тебя, ссу...

Договорить охотник не успел — сухая ладонь старца врезала по щеке, аж звон пошел от старой сосны. Вьюн растерянно глянул на Варфанасия, рука потрогала лицо.

— Это, прощения просим, сорвалось... А как же вы того, я же блок держу всегда... и это...

— Да хватит заикаться, не сдержался я, ругань не люблю, рукоприкладство тоже, но вышло так... А блок твой, ну, не помеха мне, уж прости пенсионера...

— Кого-кого? — Выюн наморщил лоб. — А-а, я понял, типа старик на отдыхе, ну да, ну да...

Снова лес, джунгли средней полосы, привычные лиственные деревья укутаны подобием лиан, бело-красные мухоморы вдруг сменяет неведомый гриб синеватого оттенка, по веткам прыгают, кроме птиц, мелкие животинки, похожие на африканских обезьянок.

— А скажите, отец Варфанасий, раньше ведь не так было?

— Что?

— Ну все, — Выюн повел рукой, — живность другая, травки-кустики только зеленых цветов, и не в разы выше человека, зверье...

— Ты же охотник, неужто не знаешь? Коллеги не поделились, те, кто постарше? — старец указал на полянку справа. — Давай привал сделаем.

Путники расположились под древним дубом, наполовину усохшим, но от этого не менее величественным. Крона дерева раскинулась метров на сорок, накрыв полянку зеленым шатром. Под сенью дуба тихо, чуть слышно шуршание насекомых в траве да желуди хрустят под ногами. Выюн поглядел наверх.

— Солнце садится — пару часов есть, после надо ночлег искать!

— Найдем... Замри! Быстро! — Варфанасий окаменел, схватив парня за плечо. — Идут к нам, учуяли!

— Да пусти ты, — Выюну надоело такое обращение, — что я, совсем уже! Щас подойдут чуть поближе, а то не попаду, размыто все...

Старец не отпустил, наоборот, хватка усилилась, Выюн от боли начал приседать, выворачивая плечо из стального захвата. Просипел тихо:

— Больно же, дай цель возьму — иначе скоро всей кодлой нападут, и я не помогу!

— Чего и опасаясь... вдарит он! — отец Варфанасий отпустил плечо охотника, но задвинул парня за спину. — Стой там смирно, я попробую договориться...

— Да ты чего! — зашипел Выюн, но атаку не начал, плечо болит, и растерянность появилась. — Эх, святой отец, сожрут нас! Договоримся! С кем, со зверьми?

— Вот ты спрашивал, как раньше было?

— Ну?

— Вот и ну, раньше сколько народу жило на планете?

— Знаю, что много, и че?

— И то! — взъярился старец. — А делись они куда, знаешь?

— Ну-у, звери пожрали, куды ж еще?

На краю полянки появились размытые фигуры, Выюн и глазами, и сканированием видел смазанные очертания, непонятно, где лапы, клыки, а где голова, перед незваными гостями воздух плывет, а сканирование показывает пятна по всему периметру поляны. Старец невозмутимо продолжил, хоть и руки его протянулись к лесу открытыми ладонями:

— Звери... тогда зверья дикого, почитай, и не осталось, разве что по зоопаркам, это такие большие клетки, да в заповедниках — еще большие клетки... Некому людей жрать было, сами люди... сами себя...

Десяток плывущих силуэтов медленно приблизился к путникам, шагах в пяти размытость исчезла, будто выключили, звери ходили и на людей, и на животных, некоторые на двух ногах, другие — на четырех. Лица, а чаще — морды, но глаза у всех пришлых одинаково разумные. Разумные и злые. Выюн приго-

товился умереть. «Но не сам, — подумал охотник, — хоть кого из них захвачу!».

— Не стоит! — голос прозвучал тихо, но отчетливо, Вьон оторопел.

— А кто говорит?

— Ты называешь нас зверьми, я один из них...

— Так вы чего, говорить умеете? То есть, я того... Вы разумны?

— Надеюсь, не менее твоего!

Представитель зверей хихикнул, Вьон открыл рот, закрыл, собеседник умолк. Варфанасий повернулся к охотнику, гости медленно, спиной двинулись к лесу, секунда-другая, и силуэты подернулись рябью, а вскоре исчезли. Парню послышалось краткое: «Прощай... надеюсь, увидимся». После ухода зверей... существ... непонятно кого... После их ухода появились звуки, запахи, Вьон медленно, как куль с картошкой, осел на землю. Подошел глава общины, из заплечного мешка вылезла фляга.

— На, глотни... вижу, промял? Ну так держали они тебя от греха подальше, и я чуть помог... Токмо не злись, ты парень резкий, дернулся бы — почитай все! Топать пришлось бы мне одному... А оно нам надо? — Варфанасий улыбнулся. — Давай-давай, выпей!

Вьон глотнул чего-то, горло запекло так, будто осы искушали, только изнутри, однако через минуту полегчало, на небе появились краски, в голове — образы окружающего. Охотник подложил под голову мешок, глянул снизу вверх на старца.

— Может, поясните, чего это было?

— А сам не дотумкал?

— Да мне тумкать тяжело, после вашего варева еще так-сяк, но в целом — погано...

— Приходили за тобой... получилось уладить, хоть и с трудом...

— Так я не понял, кто приходил, и что, это из-за тех веток, что я возле скита посбивал? Так, может, мне теперь комаров не бить и мурах не давить?

— За прошлые твои дела, ты сколько зверья пожег раньше? То-то, а возле скита взяли след... что касается самих пришедших... — Варфанасий, кряхтя, присел рядом, — помнишь, говорили о прошлом до встречи с ними? Вот и ответ — сам видел.

— Звери — бывшие люди? — Вьон слегка смутился. — То есть эти не звери, а как их звать-то?

— Ну-у, они считают себя людьми, как и мы, а звать, да как хошь, хоть и зверьми, они не обидчивые, большей частью... не держи зла в душе — не тронут...

Вьон задумался на минуту, спросил:

— Рассказывают, что грызли они и людей, то есть нас, и друг друга, а вы тут говорите, они, мол, такие разумные, хорошие и пушистые?

— Да все просто, — Варфанасий перекрестился, — остались как раз разумные и пушистые, по их меркам. Те, кто после Волны смог обуздать трансформацию, направить себе на пользу...

— И много таких, обузданных?

— Да уж больше вас на несколько порядков... — Варфанасий быстро глянул на охотника, тот скривил губы, кивнул.

— Понял я, понял оговорочку, еще в ските начал задумываться, — Вьон махнул расслабленно, — иначе как вы так просто общинников меняете, да и сами сильнее стали, я-то помню прошлый мой приход, сколько, годков десять минуло? Слаб еще был, но помню — в первый раз общину посещал, удивился, как вы мирно живете, а мы воюем со всем, что шевелится... Да уж...

Старец вздохнул облегченно, хлопнул Вьона по плечу, тот обернулся с вопросом:

— А скажите, как они с дикими зверьми справились? Тех-то я навидался во как! Здоровые, я и еще пару охотников можем свалить один на один, а так — впятером били, не меньше, и то, когда освоились с этим, ну, — Вьон показал на голову, — а что было после волны? Обычных людей зверь мог сотнями жрать, как «пушистые» справились?

— Да они особо не напрягались, откровенно говоря, — старец пожал плечами, — себя пытались познать, пока дикие и людей и друг дружку убивали... потом, когда разумные освоились, а дикие переключились на них — людей-то всех повыбили, кроме вас, охотников, тут они и включились... Дикие менялись исходя из простых посылов, ну там, пожрать побольше и так далее, все, как на подбор, здоровые махины, когти в локоть длиной, пасть акулья, да ты и сам видел... И сила и слабость одновременно. Разумные — в большинстве метаморфы, хорошо маскируются, могут и на расстоянии врезать, и в ближний бой войти, а когда подобие сети появилось, десять лет тому назад, и вовсе проще стало! Координация, наблюдение и все такое...

— Сеть типа как раньше интернет? — Вьон помотал головой. — Чет я ваще не понимаю, техника же здохла вся! Сложная — так точно, компьютеры, так ведь?

— Правильно, но ты же ведь сам по себе прибор: и сканер, и приемопередатчик?

— Ну так это между своими...

— Так других, отрок, и не осталось, а компьютеры не все издохли — квантовые уцелели, их не так много собрали, как обычных, но с их помощью создали сеть... Хватит языком трепать, пора в путь! До темноты пару верст пройдем!

Отец Варфанасий закинул мешок на плечо, Вьон удивленно проводил старца взглядом. Через мгновение потопал следом. Спутник темп взял хороший, Вьон

полчаса шел молча следом, но вскоре обогнал главу общины, тот спокойно встретил напряженный взгляд.

— Спрашивай, вижу — нейметя!

— Зачем вы мне рассказали? И зачем идете на сход охотников, вы же... вы же...

— Да говори просто: вы чужой, зачем идете к нам?

Вьон задумался, ответил через силу:

— Вроде того...

— А сам как думаешь? — Варфанасий поймал глаза охотника и не отпускал их до конца беседы.

— Со мной, наверное, хотите договориться, переманить...

— И зачем ты мне, значит? Шпионить за охотниками?

— Ну...

— Да просто почувствовал в тебя хорошего человека — будущего общинника, еще в первый твой приход почувал, и решил спасти, не зря ведь?

— Не зря, — глухо сказал Вьон, вспомнив струящиеся фигуры «пушистых» ребят.

— Вот и причина, а что касается остальных твоих коллег... только не кидайся, но охотники исчезают постепенно, знаешь?

Вьон сжал кулаки, рядом звонко треснула ветка, в глазах багровая пелена, но ответил почти спокойно:

— Да, нас все меньше...

— Главы общин идут на ваше собрание с надеждой уговорить хоть часть охотников отвергнуть войну, кто на это еще способен... Люди в том виде, в каком есть — отмирающая ветвь... увы, но на смену пришли другие...

— Я хочу помочь, поговорить с ребятами!

— Справишься? — остро глянул Варфанасий.

— Да!

— Ну что ж, пошли... будущий разумный и пушистый зверь... **УС**

Ценный экземпляр

Ночь еще не закончилась, но тонкая красноватая полоска уже обозначила горизонт. Она будет расти, наливаясь золотом и багрянцем, пока восток не родит новое солнце.

Сегодня Грых встал задолго до рассвета. Его ждала серьезная работа, и подготовиться к ней следовало тщательно. Он как никто другой знал, что от надежной работы оборудования порой зависит не только успех дела, но и сама жизнь. Грых был лучшим в своем деле и еще ни разу не провалил задание. А репутацией своей он дорожил.

Жилище Грыха состояло из шести сквозных помещений, идущих по кругу. Интерьер он подбирал сам.

Диковинные статуэтки богомоллов и животных, выполненные из дерева и редкого камня, были аккуратно расставлены по полочкам и предметам мебели. Стены украшали плетеные ковры. Поверх ковров висели металлические предметы, найденные в пустынных землях.

Предназначение этих древних артефактов было неизвестно, но они неизменно пользовались спросом коллекционеров.

Константин Чихунов

Родился 6 сентября 1973 г. в г. Клинцы Брянской обл. В 1991 г. окончил среднюю школу. В 1999 г. лечебный факультет Смоленской Медицинской Академии. В настоящий момент проживает в г. Гагарине Смоленской области. Писать начал несколько лет назад. Публиковался в «Технике молодежи», «Магии ПК», «Фантастике».

Предметом особой гордости хозяина являлась коллекция холодного оружия, для которой была отведена отдельная комната.

Грых очень любил свой дом и всегда покидал его с неохотой.

Спустившись на улицу, он выгнал из подземного гаража свой вездеход, проверенный еще с вечера. Это была надежная и хорошо защищенная от вредоносных воздействий машина.

Сигарообразная кабина перемещалась при помощи восьми ходильных ног, каждая из которых заканчивалась небольшой гусеницей.

Двигаясь только на гусеницах, вездеход мог развить приличную скорость по ровной дороге. На пересеченной местности можно было включать ходильные опоры. Тогда машина становилась похожа на гигантского паука. Проходимость значительно возрастала в ущерб скорости.

Снаружи дом Грыха представлял собой сферу, покрашенную в зеленый цвет. Сфера висела на высоте четырех ростов Грыха, соединяясь с землей тонкой ножкой

опоры. Через опору проходила лестница и лифт. В качестве материала для строительства богомолы использовали эластичный полимер, который синтезировали из растительных соков.

Грых гордился своим домом. Не многие могли похвастаться отдельным жильем. Большинство богомол жили в сферах на несколько десятков квартир куда меньших размеров. Но Грых мог позволить себе и отдельный дом, и дорогую машину. Дела его шли весьма неплохо.

Он был звероловом. За хорошее вознаграждение Грых отлавливал редких животных и мутантов в Пустынных землях. Зоопарки и частные лица — любители экзотических животных, порой заказывали у него редкие экземпляры и всегда платили хорошо.

На этот раз целью Грыха был прямоходящий — исключительно редкий вид, практически вымерший в Пустынных землях.

Он сел за треугольный штурвал и запустил двигатель.

Машина, слегка постукивая гусеницами, покатила по мощеной улице города богомол, оставляя позади дома спящих граждан. Разные по размерам сферы жилищ, выкрашенные в зеленый, желтый и оранжевый цвета, чуть покачивались на тонких ножках от легкого дуновения ветерка.

Вскоре Грых подъехал к огромной арке ворот — символическому выходу из города.

За поселением богомол простиралась бескрайняя джунгли, вплотную подступающие к нему. Зеленый океан поглотил Грыха.

Рассвет он встретил в дороге.

Большое красное солнце опалило верхушки деревьев и медленно и степенно начало свой подъем вверх.

Богомолы любили бывать в джунглях. Ровный теплый климат, успокаивающий зеленый свет, отсутствие опасных животных — все это делало тропический лес

излюбленным местом отдыха Грыха и его соплеменников. Кроме того, тяга к этим местам сохранилась у богомол в генетической памяти. Их далекие предки произошли именно отсюда.

Три дневных цикла Грых двигался на северо-восток, наслаждаясь путешествием. Он собирал съедобные плоды и охотился на птиц, экономя продукты, — в Пустынных землях пищу взять будет негде.

По ночам Грых отдыхал на траве, глядя в бездонное небо, усыпанное мириадами звезд. Картина будоражила его воображение, подолгу не давая заснуть. Фантазия рисовала далекие миры и удивительные пейзажи чужих планет.

Утром четвертого дня джунгли начали редеть — верный признак приближения Пустынных земель.

После завтрака Грых в последний раз прилег отдохнуть в изумрудно-зеленой траве. Глядя вверх, он наблюдал, как ветер, сильный и быстрый, рвал перья облаков, нанося их белыми мазками на синюю палитру небосвода.

Маленькое насекомое — серый богомол — село на грудь Грыха и посмотрело на небо печальными фасетчатыми глазками.

Обладая мощным, гибким интеллектом, Грых был склонен к анализу и логическим рассуждениям. Он знал, что когда-то от обычных богомол отделилась разумная ветвь.

«Что же произошло много солнечных циклов назад? Какое значимое событие послужило пусковым фактором для зарождения интеллекта у группы избранных, в то время как остальные так и остались рабами своих инстинктов?» — размышлял он.

Последние деревья, большие и корявые, уступили место выжженной солнцем пустыне. Ветер стелил сухой песок над серо-коричневой растрескавшейся землей. Развалины древнего города виднелись слева, но туда нельзя.

Грых посмотрел на индикатор радиоактивности внешнего пространства. Кристалл менял цвет с желтого на опасный фиолетовый.

Корпус вездехода надежно защищал своего хозяина от смертоносных лучей. Да и богомолы, как и все насекомые, были достаточно устойчивы к радиации. Но для всего существовал свой предел.

Грых имел индивидуальный индикатор радиоактивности, закрепленный на теле. Если суммарная доза превысит допустимый предел — богомол будет вынужден прекратить поиски. Грых не был трусом. Просто, как и все его соплеменники, он делал только то, что могло принести пользу виду. Смерти или болезни сильной половозрелой особи Грых допустить не мог.

Впрочем, прямоходящие не селились на зараженных территориях. Нежные тела не могли сопротивляться губительным лучам. Иногда их еще можно было встретить далеко к востоку, где уровень радиации не так высок.

Предстоял неблизкий путь через радиоактивную местность, населенную опасными мутантами.

Через два солнечных цикла прямо по курсу появились развалины крупного города прямоходящих. Грых достиг его к полудню.

Уровень радиации позволял покинуть вездеход, и богомол приступил к поискам.

Помня из предыдущих путешествий, какие твари водятся в Пустынных землях, Грых старался не отходить далеко от машины.

Прямоходящие строили свои жилища прямо на земле. В качестве материалов использовали в основном камень, металл и стекло.

Цивилизация богомолов пошла в свое время по другому пути. Развивались и совершенствовались производства пластика и керамики. Металл богомолы не любили и почти не использовали.

Грых знал, что в относительно недалеком прошлом цивилизация прямоходящих была развита и сильна. Потом она исчезла. Грых не мог понять причин ее гибели, хотя ответ лежал на поверхности. Прямоходящие уничтожили себя сами в результате скоротечной и разрушительной войны. Но сознание Грыха не могло воспринять этот факт.

Все, что делали богомолы, было направлено на сохранение и закрепление вида. Если какое-то изобретение таило в себе хоть малейший намек на возможную опасность в будущем — от него отказывались немедленно и навсегда.

По этой причине разум Грыха не мог принять факта, что разумные существа одного вида сознательно и планомерно способны истреблять себя до полного исчезновения популяции. Природа зеленого богомола даже не допускала мысли о таком варианте.

И Грых все бродил по руинам, надеясь когда-нибудь разгадать тайну гибели прямоходящих.

Внимание богомола привлек предмет, едва видневшийся среди мусора. Сердце Грыха радостно забило, когда перед его глазами предстала прямоугольная пластина белого металла. Одна ее сторона была гладкой, на другой ровными рядами располагались выпуклые знаки письменности прямоходящих.

Ценный артефакт отправился в поясную сумку, а Грых продолжил поиски.

Он делал небольшие переезды, а затем осматривал местность, стараясь не терять вездеход из поля зрения.

Пустынные псы появились как всегда неожиданно. За тоскливым протяжным воем из-за рухнувшего здания выскочила стая из восьми голов.

Огромные черные собаки, очень умные и паразитически быстрые, сокращали расстояние до богомола в считанные секунды.

Грых понял, что не успеет добежать до машины. Сняв с пояса оружие, он отступил на шаг, прижавшись спиной к стене. Встав на задние конечности, он выпрямился во весь свой двухметровый рост, готовый к бою.

Если не считать размеров, внешнестью разумные богомолы мало отличались от своих предков. Мощные передние конечности, снабженные острыми шипами, были идеально приспособлены для захвата и умерщвления жертвы. Грых поднял их перед собой, удерживая оружие в средней паре лап.

Прочный, как броня, хитиновый покров, молниеносная реакция, холодная и расчетливая тактика ведения боя — без эмоций и лишних движений. Все это превращало богомола в серьезного и смертельно опасного противника.

И собаки это знали. Стае уже приходилось встречаться с охотниками за артефактами. Шкуры некоторых псов еще хранили шрамы, оставленные умелыми бойцами.

Не будь стая так голодна, она вряд ли решилась бы на нападение. Но крупный вожак с седыми подпалинами, грозно зарывчав, прыгнул вперед.

Щелкнула лапа-клешня, и собака забилась в захвате, перехваченная поперек.

Еще один пес пошел в атаку. Могучее тело взмыло в воздух, но было остановлено яркой синей искрой, сорвавшейся с оружия богомола. Мутанта выгнуло в судороге, и он упал к ногам Грыха, корчась и скуля. Запахло паленой шерстью.

Собаки замерли в нерешительности, а Грых перехватил вожака двумя лапами и на глазах всей стаи оторвал ему голову.

Затем он перевел оружие на малую мощность, увеличивая зону поражения, и нажал на спуск.

Досталось всем. Визжа и поджав хвосты, стая панически отступала. Это была победа.

Громкий, трескучий победный клич Грыха унесся в небеса.

Через несколько дней погода начала портиться. Небо заволочило свинцовыми облаками, значительно похолодало. Пока обходилось без дождя, но потоки воды могли обрушиться на землю в любую минуту.

Грых не любил дождь. В ненастную погоду портилось настроение и казалось, сам мир вокруг становится унылым и безрадостным.

Но, будучи безнадежным оптимистом, Грых старался не унывать никогда и всегда надеялся на благоприятный исход.

И вскоре удача улыбнулась ему. В песке, возле развалин какого-то здания, он обнаружил след прямоходящего.

Оставалось только выследить и отловить ценный экземпляр.

Обследуя подвальные этажи, Грых столкнулся с колонией кротов-мутантов.

Тупые, вечно голодные и крайне агрессивные животные немедленно напали на него. Полное отсутствие зрения у землероек с лихвой компенсировалось отменным обонянием и слухом.

Отстреливаясь короткими разрядами, богомол отступил на поверхность. Преследовать его при дневном свете твари не решились.

Однажды Грыху удалось увидеть гигантского крылана. Огромный потомок летучей мыши величаво парил в вышине, почти касаясь могучими перепончатыми крыльями низких облаков.

Этот зверь мог разорвать Грыха одним движением. Но, к счастью, он охотился только за летающей добычей.

Крылан являлся редким и ценным зверем. Выследить и отловить его было невероятно тяжело. Но сегодня у Грыха была другая цель.

Прямоходящего он заметил на закате дня. Неуклюжее, грязное существо, одетое в лохмотья, перекусывало крысой, пугливо озираясь по сторонам.

Грых надел на верхние лапы толстые мягкие нарукавники, чтобы ненароком не повредить нежной плоти зверя.

Пригнувшись, он медленно крался к цели. В последний момент жертва увидела богомола и, испуганно вскрикнув, попыталась убежать.

Бросок... и слабое существо забилося в крепких лапах.

Двойная удача! Это была самка. За самку заказчик платил больше. Она могла принести детенышей.

Грых внимательно осмотрел свою добычу. Явных признаков мутаций и физических дефектов не отмечалось. Несомненная удача! Ликованию богомола не было предела.

Ослепленный фортуной, Грых на короткое мгновение потерял бдительность.

Когда черные псы бесшумно окружили охотника, к машине было уже не прорваться. Не менее двадцати собак, рыча и клацая зубами, готовились к атаке.

Пустынные псы, будучи стайными животными, контролировали свою территорию. Они охраняли ее и не пускали туда чужаков. Стая, потрепанная Грыхом, недавно лишилась вожака. Этим воспользовалась стая с сопредельной территории. Подчинив себе соседей, она увеличила площадь охотничьих угодий и количество членов своей семьи. В результате стая только выиграла, став сильнее.

Но это не радовало Грыха. Он мог не выстоять против такой своры.

Отступив к ближайшей стене и положив самку прямоходящего на землю, он встал между ней и собаками.

На этот раз он не стал ждать, пока враги нападут. Смертоносные электрические разряды разрезали сгущающуюся темноту. Но после трех-четырех выстрелов аккумулятор выработал свой ресурс. На перезарядку времени не оставалось. Грых отбросил оружие и надел на лапы длинные и острые керамические ножи. Работая клинками и смертоносными верхними конечностями, Грых не давал собакам приблизиться.

Несколько черных псов были убиты. Но хитрый и осторожный вожак не лез на рожон. А пока он верховодил, стая не смела отступить.

Грых начал терять силы, а псы неумолимо теснили его к стене.

Еще оставался шанс — бросить прямоходящую и попытаться уйти по верху развалин. Вездеход стоял относительно недалеко.

Но прежде Грых решил использовать еще одно средство.

Разумные богомолы, как и их предки, имели крылья. Но при этом нельзя было сказать, что они в полной мере умели ими пользоваться. Это была своего рода расплата за увеличившийся рост и вес. Плохо управляемый полет становился рискованным действием, и в обычной жизни зеленые богомолы крыльями не пользовались.

Итак, Грых решил рискнуть.

Сделав шаг вперед, он прочертил лезвиями ножей несколько широких восьмерок, отгоняя собак. Затем отступил, схватил добычу и расправил крылья.

Как же тяжело дался ему этот короткий перелет! Он сильно ударился о камни. Добычу едва удалось удержать от падения. Но ему удалось вырваться из смертоносного оцепления. Пользуясь замешательством собак, Грых произвел еще несколько

прыжков-перелетов и опустился на крышу вездехода.

Когда псы нагнали его, он уже влезал в машину через верхний люк, предварительно опустив туда свою ношу.

Удача снова была на его стороне.

На рассвете Грых покидал развалины.

Дождь так и не выпал. Серые облака рассеивались, уступая место голубому небу. Проглянуло солнце. Настроение улучшалось.

Грых рассматривал существо, затравленно забившееся в угол грузового отсека.

Как же только нелепо устроены эти прямоходящие! Слабые нижние конечности не способные к длительным переходам, неуклюжие верхние, не умеющие толком ничего ухватить. Нежное, легкоранимое тело. Не удивительно, что они сгнули с лица планеты, уступив место более жизнеспособной расе.

Но экземпляру, пойманному Грыхом, больше не угрожали опасности. Отныне самка прямоходящего будет окружена заботой и вниманием. У нее будет теплый удобный вольер и пищи в достатке. Грых получит заслуженное вознаграждение, а богомолы смогут наблюдать за редким видом животного.

В результате выигрывали все!

Вездеход на полном ходу, в сопровождении облака серой пыли, уходил за границы древнего города.

Уже на окраине внимание Грыха привлекло нечто, ослепительно сверкавшее в лучах восходящего солнца.

Решив, что это не займет много времени, он свернул проверить странное место.

Приблизившись, Грых обнаружил металлическую крышу приземистого сооружения. Проем в одной из стен вел в круто уходящий вниз коридор.

Богомол спустился до места, где проход поворачивал в сторону и, зайдя за поворот, уперся в тупик.

Он хотел уже возвращаться, когда зажужжал какой-то скрытый механизм, и плита перед ним отошла в сторону.

Оказавшись в абсолютно темном помещении, Грых достал из чехла колбу химического фонаря. Когда плита входа встала на прежнее место, ровный голубоватый свет уже освещал комнату с аналогичной дверью в противоположной стене.

Грых приблизился, и плита послушно отошла в сторону. Впереди разгорались тусклые оранжевые лампы, позволяя гостю осмотреть обстановку.

Если не считать толстого слоя пыли, здесь царил полный порядок. Приборы и предметы мебели были одеты в пластиковые чехлы. Создавалось впечатление, что это место покидали без суеты и с расчетом на дальнейшее использование.

Повсюду виднелись надписи на древнем языке прямоходящих. Богомолы пока так и не смогли его расшифровать.

Одна стена была покрыта экранами мониторов. Тот, что находился в центре, выделялся более крупными размерами.

Подойдя ближе, Грых обнаружил пульт с ровными рядами кнопок. Одна из них отличалась цветом, и богомол утопил ее в панель.

Экран ожил, пробежали строчки чужой письменности, уступая место салатовому фону ожидания. Грых нажал первую кнопку в ряду, и на экране начался фильм без звукового сопровождения.

Ролик демонстрировал сцены из жизни богомол. Они ловили насекомых, ели их, летали, спаривались — словом, занимались своими обычными делами.

Видео оказалось коротким, и по окончании Грых нажал вторую кнопку.

На этот раз богомолы сидели в садках из прозрачного пластика. Прямоходящие в белых одеждах, вы-

глядевшие великанами по сравнению с испытуемыми, помещали их в недра каких-то приборов, облучали разноцветными лампочками.

Следующий фильм покорибл Грыха. Прямоходящие вскрывали богомолам головы и туловища, при помощи тонких инструментов копались у них внутри.

Грых пропустил часть кнопок и нажал одну более дальнюю.

На экране появился зеленый богомол, но более крупный, чем из предыдущих серий. К его голове и конечностям тянулись тонкие провода. Прямоходящий протягивал подопытному различные по цвету и форме предметы. Богомол хватал их лапками и сортировал по кучкам.

Странная догадка посетила Грыха, заставляя похолодеть все внутри. Он понял, что находится на пороге раскрытия тайны происхождения своего вида. Но уже не был уверен, что хочет эту тайну знать.

Здравый смысл подсказывал, что нужно бежать отсюда. Бежать со всех шести конечностей, пока страшную и ненужную правду еще можно оставить и похоронить навсегда в этой комнате.

Но лапа помимо воли уже нажимала самую последнюю кнопку, пропуская все остальные.

Зеленый богомол стоял на задних лапах. Ростом он уже почти не отличался от двух прямоходящих, подерживающих его по сторонам. Его подвели к экрану, на котором, очень быстро сменяя друг друга, замелькали картинки.

Грых видел, как в глазах богомола мелькают отражения зрительных образов...

Понадобилось немало времени, чтобы привести мысли в порядок. Экран уже давно погас, а Грых все сидел, шокированный полученной информацией. Он узнал правду, но принять ее был не готов.

Больше всего Грыха угнетало не то, что их вид кто-то создал искусственно. С этим еще можно было смириться. Убило и растоптало его другое. У истоков их популяции стояли жалкие, ничемные существа. С этой мыслью богомол ужиться никак не мог. Под угрозу вставали гордые догматы об исключительности и превосходстве расы зеленых богомолов.

Грых покинул бункер и почти без остановок поехал домой. Все это время он напряженно думал.

Но природа не зря одарила Грыха разумом. Когда гостеприимные джунгли принимали его обратно, он сумел преодолеть противоречия, бушевавшие у него внутри. Не зная, как решить проблему, он изменил свое отношение к ней.

«Ну и что с того, что прямоходящие помогли появиться нам на свет, — рассуждал он. — Они всего лишь дали толчок нашей расе и не более того. Все, что мы имеем сейчас, — исключительно наша заслуга.

Прямоходящие. Где они сейчас?!

Исчезли, стинули без следа, а зеленые богомолы живут и процветают. Разве это не самое убедительное доказательство превосходства нашей расы?».

После этого Грых сразу успокоился, но на всякий случай решил ни с кем не делиться своим открытием.

Дорога домой была явно короче. Настроение неизменно повышалось с каждым дневным циклом.

Когда над вершинами деревьев показались самые высокие сферы родного города, Грых на радостях затянул веселую трескучую песню.

Самка прямоходящего, испуганная его голосом, сжалась и затихла.

Проехав под величественной аркой въездных ворот, Грых с благоговением посмотрел на огромную статую Грумха Великого — родоначальника всей расы разумных богомолов. **✎**

Мила Коул (псевдоним)

Родилась и проживает в Одессе. Окончила в 2003 году Одесский Национальный Политехнический Университет, специальность — программист. Замужем за одесситом. Мама замечательной первоклассницы. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году. Первый рассказ Светланы сразу же занял второе место на одном из сетевых конкурсов, что вдохновило на продолжение творческой деятельности. Ныне уже есть победы на самых серьезных конкурсах и публикации в сборниках.

Три женщины Андрея Андреевича

Настойчиво звонили в дверь. Андрей Андреевич моргнул, пытаясь сообразить, где это он. Когда на глаза попала знакомая рамка с фотографией, понял, что дома. Только почему-то лежит посреди коридора, причем в верхней одежде и обуви. Часовая стрелка приближалась к семи. Смеркалось. Сил встать не было. Повалившись на бок, он заглянул в гостиную. На полу были разбросаны вещи, валялись скомканые простыни, осколки от двух разбитых бокалов — их изящные ножки закатились под диван, где было пыльно и мрачно. Так же, как на душе у Андрея Андреевича. Но почему тело не слушается, он вспомнить не мог. Позвонили снова и для подтверждения настойчивости дважды стукнули кулаком в дверь.

«Что же произошло? Обокрали? Нет. Я вернулся домой раньше обычного. Один. Упал? Вроде нет.

А где Ирочка? Почему она мне не помогла встать? Ира... Ирочка... Вот же тварь!!!».

Бурный поток мыслей прервал очередной стук. Казалось, что теперь бьют ногами. Гулкие звуки адски больно отзывались эхом в голове Андрея, разливаясь горячей волной боли к затылку.

«Она... изменила мне! С мальчишкой! Сам тоже хорош, седина в бороду — бес в ребро. Романтики захотел. Тьфу, мерзость! Деньги ей нужны были твои, Андрюшенька!.. ».

Хотя что можно взять в плане финансового обеспечения с третьего заместителя в совете мэра города, Андрей Андреевич Добриков так и не успел додумать. Дверной звонок залился, как безумный соловей, непрерывной, разрывающей голову трелью.

— Иду, иду... — промямлил Андрей, медленно встал на ноги и открыл дверь.

— Тьфу ты, ну ты! Думал, помер тут, Андреич, испугался уже.

На пороге стоял сосед Семен в спортивных брюках, майке, перепачканной на пузе кетчупом, и тапочках-вьетнамках. Раньше, до развода, Андрей любил проводить один из выходных дней в гараже в компании Семена. Покопаться в старенькой «копейке». А сейчас более-менее разбогател. Сменил старую машину на иномарку среднего класса и предпочитал сдавать ее в сервис. К тому же Андрей сменил жену, а теперь, похоже, она решила сменить его на более «молодую модель».

— Заходи, — мрачно пробормотал Андрей и впустил гостя.

— О-о-о, — протянул Семен, рассматривая беспорядок в комнатах. — Поссорились? Крик стоял, я уж думал полицию вызывать, — продолжил он, проходя следом за хозяином квартиры на кухню. — Ну ничего. Все, что ни делается — все к лучшему!

Андрей безразлично кивнул. Вытащил из холодильника початую бутылку водки, из шкафчика звякнули две рюмочки.

— Людка ругать будет, — непонятно к кому обращаясь, страдальчески протянул Семен — Эх, ладно, раз у человека горе, как не помочь?

Выпили. На столе лежала открытая коробка с конфетами «Рафаэло», только «такие» любила Ирочка. Закусывать водку кокосом — то еще удовольствие, но Андрею было все равно. Не успели они выпить по второй, как в дверь опять позвонили.

«Вернулась? Поняла, дура, что ошиблась... Прощения просить будет. Надо вести себя сурово и непреклонно! Пусть повалится в ногах. Да!» — мысли будто наполнились рассветным солнцем.

Улетучилась тяжесть груза измены и предательства, сердце легко застучало, разгоняя по венам бодрящий градус спирта.

— Что же ты творишь, ирод!? — голос Марьи Филипповны никак не походил на высокий, чуть писклявый голосок Ирочки.

Андрей молчал, тетка наступала. Порог дома она переступить не решилась, но значительным объемом груди нависала над ним.

— Чего над животинкой издеваешься? — выкрикнула она ему в лицо. — Уже который час бедняжка в закрытой машине надрывается, а он дома сидит, водку хлещет! — соседка успела заглянуть за плечо и поучительно зыркнуть на Семена.

«Все Людке расскажу, ирод, и не сомневайся!» — без слов, одним взглядом сообщила Марья Филипповна. Всех мужиков старше двадцати лет она называла иродами и очень любила «накрутить им хвоста». И тут Андрей Андреевич опомнился.

«Точно! Я же хотел Ирочке сюрприз сделать...»

— Масы-и-ик, купи мне Йорика, на поза-а-алуйста.

Воспоминание о голоске Ирочки и ее манере растягивать гласные, изображая при этом губами пышный бантик, вызвало у Андрея Андреевича изжогу в желудке и болезненно-неровный ритм в работе сердца.

«Вот тварь! Я для нее все! И абонементы в фитнес, солярии, и дорогие рестораны, и Новый год в Париже ... и эту вон собачонку купил... А она?!».

Память услужливо показала во всех деталях ту мерзейшую картину, которую он увидел, когда зашел сегодня в дом. Затем был скандал на повышенных тонах. Кто-то из них толкнул его, и он, падая, стукнулся головой о комод.

«Суки! Даже не проверили, жив ли я...».

Андрей Андреевич отодвинул соседку в сторону и молча стал спускаться вниз. Переноску с животным он не планировал оставлять в машине надолго. Собирался под каким-то глупым предлогом выйти на улицу и затем вернуться со словами: «Посмотри, зая, кого я нашел»...

— Посмотри, Андрюшенька, кого зая нашла вместо тебя, — злобно шипел сам на себя Андрей Андреевич, выходя из подъезда. Первым, что он услышал на улице, был громкий и непрерывный сигнал клаксона его же автомобиля.

«Странно, неужели собачонка выбралась из коробки и прыгает по салону. Вот дурная...».

Он поспешил открыть дверь, и тут одновременно произошли два крайне странных события. На руки Андрею Андреевичу бросилась полуголая девица в короткой меховой жилетке и стала неистово целовать. Больше в машине ничего не было. Открытая переноска валялась на полу возле пассажирского сиденья.

— Эй, перестань... те... ты!

Отпихивая незнакомку, решительно запротестовал Андрей. В дверном проеме подъезда, подперев руки в боки, стояла Марья Филипповна. Глаза ее снайперски сканировали происходящее.

«Черт, что она обо мне подумает? А что понарасказывает! Сначала развод с Катей, потом Ирочка, теперь вот эта...».

Девушка не отлипала. Она цепко схватила Андрея под руку и немного пританцовывала рядом.

— Ну-у-у, сколько можно ждать, давай быстрее! — громко произнесла она прямо в ухо Андрея. Голос у нее оказался высоким и мелодичным.

Лицо Андрея Андреевича покраснело, затем побелело и, быстро закрыв на сигнализацию машину, он поспешил домой, за спасительную от про-

жигающего взгляда Марьи Филипповны бронированную дверь.

«Ладно, дома разберусь с ЭТОЙ! Но куда делась собака, вот в чем вопрос? Или Ирка, тварь, надо мной так подшутила? Забрала йорика, а вместо него оставила одну из своих подруг — блядей... Ага!».

Поднимаясь по лестнице, Андрей Андреевич заметил, что красотка босая. Маленькие ноготочки были покрашены ярко-красным лаком. Иногда она перескакивала через две ступеньки, забегала наверх и пристально смотрела ему в глаза.

«Вот так фифа... — оглядев симпатичную фигурку, отметил Андрей. — Даже краше Ирки будет. Хотя ростом ниже вроде. Прическа у нее странная какая-то. Не носят такие уже давно. Помню, жена еще в девяностых пышные волосы подкалывала яркими заколочками. И эта так же...».

Действительно, светлые волосы с редкими темно-коричневыми и рыжими прядями девушка пышно начесала и собрала пестрым бантиком на макушке. Глаза у нее были маленькие, черненькие, словно пуговицы, нос курносый, аккуратный контур в меру пухленьких губок. Андрей Андреевич отметил, что ему такая естественная красота нравится больше, чем искусственная Ирка, которая выпросила у него денег и залила в губы мерзкий силикон.

— Ого, где ты такую красотку нашел?

Семен провел рукой по щеке девушки, та игриво облизала его указательный палец. Андрей слегка опешил от такой сцены.

— Да это все из-за Ирки... — расплывчато ответил он.

— А... Понятно. Дочь меня все просит, чтобы я ей купил такую, но жена, сам понимаешь...

Андрей еле совладал с ползущими на лоб бровями. Никак не ожидал, что у соседа такие вольные нравы в семье.

— Ну ладно, я пойду, чтобы вам не мешать, домой пора... Ты давай не раскисай, Андрюха. И знаешь? Когда тебе это чудо надоест, может, мне ее продашь?

— А Людка?

— А чо Людка? Договорюсь я с ней... как-то.

— Подумаю, — промямлил ошарашенный Андрей и поспешил закрыть дверь за соседом.

— Анрэ, чего так долго?! — возмущенным тоном заявила девица. И, не дожидаясь ответа, ступая на носочках, принялась осматривать квартиру. — Фаг, какой беспорядок! Ай! Я порезалась... Ф-а-а-г! Стекло на полу! Нет, это просто невозможно... У тебя что, некому убраться?

— Вот возьми сама и прибери, — буркнул Андрей и пошел в ванную комнату. Закрыл на защелку дверь, включил горячую воду и впервые за сегодняшний день начал успокаиваться, слушая, как ритмично стучат капли о кафельную плитку.

Когда спустя час он вышел из ванной в теплом облаке пара, его ощутимо кто-то толкнул в плечо.

— Наконец-то!

Девушка с глянцевым журналом в руках юркнула в туалет.

«Наглая какая! Чего не ушла? Непонятно. Видит же, что я на розыгрыши не ведусь. Или... Ирка, тварь, заплатила ей за определенное время?».

Зайдя в комнату, Андрей Андреевич подумал, что прибраться юная фифа все-таки могла в его отсутствие. Ужасный беспорядок! Он тут же вспомнил, кто и как возлежал на этих темно-синих простынях, и спать на большой кровати абсолютно перехотелось. Андрей плюхнулся на ди-

ван в кухне-студии и, укрывшись пледом, быстро уснул. Ему снились черные квадраты.

В полудреме Андрею показалось, будто о бедро трется голая женская нога.

«Ирка... Вернулась таки...».

— Уйди, не хочу тебя видеть, — промямлил он сквозь сон.

— Анрэ, фаг, чего пихаешься?! Я не буду спать на полу, он холодный...

Это была не Ира.

Андрей Андреевич открыл глаза, потянулся за очками, которые положил рядом на тумбочке. Заметил, что за окном только рассвело, и перевел взгляд на ноги. Валетом с ним спала все та же фифа. Перетавив большую часть одеяла на себя, она укрывалась по шею и тихонько посапывала.

— Что за бред? А ну, вставай!

Он толкнул ее ногой.

— Анрэ?! ФАГ! Ты что?! — встрепенулась девушка и села, поджав под себя ноги.

— Проваливай, слышишь! — сказал он громко и решительно.

— Почему, Анрэ? За что?

— Хватит, шутки кончились. Поиграли и до свиданья. Ире передай, пусть забирает вещи и проваливает на все четыре стороны. Видеть ее больше не хочу!

Девушка удивленно хлопала глазами, чуть наклонив голову набок.

«Такая же тупая, как Ирка! Господи, за что мне это!?».

Андрей Андреевич поднялся с кровати и пошел на кухню. Хотелось кофе. Оставив готовый напиток на столе, чтобы тот чуть остыл, он пошел в туалет, а когда вернулся, увидел, что за столом, закинув ногу на ногу, сидит фифа и пьет его кофе.

— Анрэ, моя душа... Я тебя не понимаю.

— Это я вас, дамочка, не понимаю.

Он резко отобрал чашку и выпил содержимое залпом.

— Чего вам от меня надо?!

— Анрэ, как это чего? Я твоя, а ты мой. Мы теперь вместе.

— О-о-отлично, — протянул Андрей. Одну королевну сменил на другую.

«Что-то с возрастом глупеешь, брат. Так и до ма-разма недалеко». Он медленно потянул руку с чашкой к столу и тут же одернул ее. Девушка неожиданно поцеловала его, как прислуга хозяйина! В руку! И с невинным удивлением в глазах смотрела на него.

— Твою мать, — прошептал Андрей Андреевич и пошел в комнату одеваться.

«Бред какой-то...».

То, что фифа последовала за ним, он не удивился.

— Звать-то тебя как? — спросил, доставая из шкафа свежий свитер, а из ящичка носки.

— Бриджит.

Андрей закатил глаза, но девушка этого не увидела.

— Ладно, я на работу, а ты оставайся тут. Можешь все прибрать, не обижусь. Вечером приду — поговорим, — заявил он, надевая ботинки. Внезапно Бриджит упала на колени, зацепилась руками на ремне его брюк и горько заплакала.

— Пожалуйста, только не оставляй меня тут, Анрэ, умоляю. Возьми с собой... Ну пожалуйста-а-а.

В глазах читалась тоска и безграничное страдание. Она была так искренна, что Андрей не сдержался.

— Хорошо, хорошо. Давай со мной, но только одень хотя бы что-то... на ноги. А то осень на дворе как-никак.

Он махнул рукой на стойку с обувью, на которой четыре ряда из пяти занимали Ирочкины туфли на высокой шпильке или платформе.

В офисе Бриджит удалось очень легко сплавить на попечение секретарши. Только завидев рядом с Андреем Андреевичем такую фифу, Вика расплылась в нелепо нежной улыбке, что, признаться честно, никогда не наблюдалось в те дни, когда шеф приводил на работу Ирочку. Бриджит Вике понравилась, и с легким сердцем Андрей Андреевич оставил девочек пить чай.

Рабочий день прошел в обычных заботах. Прерывая один из важных телефонных разговоров, в кабинет вошла секретарша. За ней семенила босиком Бриджит. Туфли она не надела, сказала, что слишком велики.

— Ваш обед, Андрей Андреевич! — объявила Вика и принялась выставлять на стол тарелки. Бриджит была рядом. Запустив палец в пору, она набрала большой комок и отправила его в рот.

«Ну и манеры...» — подумал Андрей.

— Она такая миленькая, — чуть ли не пищала от восторга Вика.

— Да, спасибо, мы тут покушаем, Викуля, — задумчиво сказал Андрей.

— Фаг, Анрэ, мне скучно! — надув обиженно губки, заявила Бриджит, спустя несколько минут, как обед был закончен, и Андрей вернулся к одному важному письму, на которое не успел ответить.

— Я тебя не держу. Ты свободна — делай, что хочешь.

И тут фифа его удивила. Она залезла на стол и стала танцевать. Нельзя сказать, что этот танец

был похож на стриптиз, но, когда смотришь на полуголую девицу снизу вверх, возникают определенные ассоциации... и желания. Андрей Андреевич деликатно кашлянул и уже было открыл рот, чтобы попросить Бриджит перестать, как дверь открылась и вошла Вика.

— Андрей Андреевич, к вам посетите... Ой, Бри-и-и, ты такая класснучая, — неожиданно закончила реплику Вика. Она подала руку фифе, та спрыгнула со стола, и обе стали танцевать, соблазнительно виляя попами.

— Очуметь... — прошептал Андрей, взял со стола салфетку, чтобы протереть вспотевшее лицо.

Стоит сказать, что, куда бы он ни приходил с фифой, его везде встречали радостно и очень дружелюбно. Всеобщая любовь и особенное внимание к спутнице поначалу удивляли Добрикова. «Все-таки полуголая девица... Да, допустим красивая, но это же ненормально!».

Дома Бриджит вела себя вполне обычно для молодой девушки без высшего образования и прочих семейных забот. Она не готовила кушать, с радостью питалась в ресторанах, любила попробовать дорогие вина, не курила, внимательно слушала, когда Андрей читал ей последние новости, и, что самое удивительное, не требовала интимной близости. Но Андрея это устраивало вполне, после тяжелого разрыва с Ирочкой не хотелось никаких близких отношений. Правда, непонятно почему Бриджит не признавала обувь — ни удобные спортивные ботинки, ни изящные туфли на каблуках. Андрею приходилось каждый вечер мыть ей ноги. Для этого он приносил тазик с мыльной пеной в комнату, садился рядом на диван. Бриджит грациозно спускала ножки в воду и затем разрешала промокнуть их полотенцем.

С ней он мог говорить о чем угодно — о разбитом сердце, о разводе, о детях, по которым все-таки скучает, но стена непонимания все больше отделяет их друг от друга.

Бриджит была внимательной и благодарной слушательницей. «Так даже надежнее будет. Она не найдет себе другого, как Ирка!» — думал Андрей. Он почти уже забыл о бывшей, как в один прекрасный день...

— Бридж, я дома! — сообщил Андрей Андреевич, закрывая дверь.

— Ой, какая прелесть...

Это был чужой голос, не Бриджит. Издевка, сарказм и презрение. Ирка!

— Ты общаешься с ней, как с человеком?!

Ирка вышла из гостиной, держа в руках чемодан чуть меньше ее ростом.

«Выгребла все, что я ей дарил... Так и знал!».

— Анрэ, открой! Она заперла меня в ванне! — приглушенный голос Бриджит доносился из ванной комнаты.

— Убирайся, и чтобы больше я тебя не видел! — разъяренно крикнул Ирке Андрей и побежал открывать Бридж.

— Вот придурок! — выругалась Ирка, волоча за собой тяжеленную добычу — компенсацию за три года совместной жизни с нелюбимым мужчиной. — И собака у тебя дурная! Чуть не покусала меня, гадина!

Ирка хлопнула дверью, и с этим звуком что-то словно взорвалось в голове у Андрея Андреевича. Он задержал руку на дверной ручке и не решался нажать на нее.

«Нет, не может быть. Послышалось...».

— Фа-а-аг, Анрэ, прости! Она сильная сучка, она заперла меня! — Бриджит вскочила на него,

как только Андрей решился и открыл дверь. Она неистово целовала в шею, щеки и руки.

«У нее какой-то слишком мокрый язык...».

— Анрэ, фаг! Что она здесь делала! Что забрала?

Бриджит бегала по квартире, проверяя все углы и ящики. Изредка выкрикивала его имя и свое любимое ругательство — фаг! Андрей Андреевич лег на кровать и закрыл лицо руками. Ему было не по себе. К вечеру Бриджит успокоилась. Легла рядом, свернувшись под боком калачиком, и тихо засопела. Андрей боялся раскрыть глаза.

Ночью ему снились собаки. Огромный рыжий сенбернар разговаривал голосом бывшей жены: «Андрюшенька, хочешь борщика?» — спрашивал заботливый голос, в бездонных карих глазах читалась невозможная усталость и отчаяние. Помесь спаниеля с мопсом, Андрей никак не мог вспомнить название породы, но она определенно была похожа на Ирку. И повадками и мерзким голоском. «Маси-и-и-к... Будь котиком!» — пела она. Только Бриджит была настоящей. Она была рядом.

— Анрэ, душа моя, а куда мы пойдем сегодня? — спросила Бриджит с утра.

— Не знаю пока, давай, может, в парке погуляем?

— О да! Я так мечтала об этом! — воскликнула Бридж и запрыгала вокруг него.

«Это будет проверка. Или я сумасшедший, или... Какого хрена или? Просто погуляем в парке. Отвлекусь, дурные мысли уйдут», — успокаивал себя Андрей. Но внутреннее беспокойство подогрела до критического градуса кипения встреча с Марьей Филипповной на лестничной площадке.

— О, Андрей, гулять идете? Вот и правильно, бабье лето на дворе.

— Да, хорошая погодка, — из вежливости ответил Андрей, пропуская Бриджит вперед, как бы защищая от контрольного выстрела из глаз соседки.

— А знаете что, Андрей, я вам сказать хотела, — не отпускала его тетка — Вы как собачку завели, так совсем другим человеком стали — добрым, приветливым. Улыбаетесь часто.

Андрей почувствовал, как похолодели пальцы, и липкие капли пота выступили на спине. Он испугался до чертиков. Показалось, что сейчас делает вдох, а выдохнуть уже не сможет. Бриджит как ни в чем не бывало шла впереди. Мерно колыхались ее шелковистые волосы разных тонов. Спустившись на первый этаж, Андрей почти смог совладать с гулом в ушах, учащенным сердцебиением и отдышкой.

«Сдаешь, старик. Мерещится всякое! Надо отдохнуть... Правильно. Сегодня же куплю тур в Египет, Бридж будет рада».

Опавшие листья узорным ковром застелили парковые дорожки, в свете солнечных лучей желтый цвет казался золотым. Они медленно шли, загребая ногами листья. Бридж брала их в охапку и осыпала сначала себя, а затем его. Андрей был счастлив! Он смеялся, как ребенок. И на душе было так легко и хорошо, что хотелось громко закричать об этом.

Вдалеке он заметил женщину с мальчиком. Они сидели на скамейке и мать — скорее всего, она была именно мамой (внешнее сходство) — громко отчитывала сына.

— Хватит бегать! Я устала, посиди спокойно!

Он не слушался, длинные черные волосы непослушно вертелись в разные стороны, так что лица не было видно. Когда они поравнялись, Андрей услышал, как женщина сказала:

— Вот видишь, люди спокойно гуляют, куда не бегают!

«Люди! Да! Значит, мне все показалось. Почудилось. Заехали ненадолго шарики за ролики с этими сердечными страданиями... Дурак! Бриджит — девушка, а не какая-то собачка. И с головой у меня все в порядке».

Улыбнувшись, он сел рядом на скамейку.

— Вот скажите, как ему объяснить, — тут же обратилась к нему женщина. У нее было приятное лицо. Немного усталые глаза, светло-зеленые, с легкой паутинкой морщинок в уголках, и очень светлая, тонкая кожа. Русые волосы аккуратно собраны назад. Пальто классического кроя прикрывало колени. Андрей тут же покосился на коротенькую шубку Бриджит и ее бесстыже-босые ноги. Стало неудобно.

— Говорю, чтобы не бегал, а ему не сидится, — тем временем продолжала говорить женщина, — Не поспеваю за ним, я не девочка ведь. А ему хочется побеситься, погонять. Вот вы — как свою дрессируете?

Краски мира поплыли перед глазами Андрея Андреевича. Он отлично понимал значение слова дрессировка, но принять его и применить к Бриджит совершенно не мог.

...это не могло быть правдой.

...это рушило все, во что он смог поверить после первого потрясения — измены Ирки.

...это невозможно, потому что это пугающая правда. Чужая, инородная правда, которую не мог принять разум.

Ему показалось, время замедлило ход. Все, на что был сейчас способен Андрей, — просто дышать. Элементарные действия. Вдох — выдох. Всепоглощающая тишина вокруг. Липкий холод под-

ступающей паники. Вдох — выдох. Становится теплее. Спокойней...

Вдох — выдох...

Вот он уже готов спросить себя: Да, Бриджит — собака, а ты, кажись, сошел с ума. И что? Вдох — выдох. От того, как ты ее воспринимаешь, что-то изменится? Нет. Расслабься. Да? Бриджит тебя никогда не предаст — собачья верность надежнее ветреного женского сердца. Это не собака свела тебя с ума. Наоборот. Она вернула к нормальной жизни после трех лет существования в праздном безумии.

Вдох — выдох.

От таких мыслей Андрей Андреевич почувствовал себя почти невесомым, легким. Свободным. И он мог улететь далеко-далеко, куда захочет. Но ему хотелось быть здесь, рядом с ней.

Вдох — выдох. Бриджит!

Он подхватил собаку на руки и прижал, она тут же облизала ему нос.

— Я просто люблю ее, — прошептал он в ответ женщине, — а она чувствует это.

— Это так, — согласилась собеседница, — и я своего люблю, как же иначе. Это честно! — она немного помолчала. — Пусть побегает вместе, вы не против?

Щелкнул карабин, и с ошейника сорвался черный щенок лабрадора. За ним поскакала, задорно лая, Бриджит — рыжий йоркширский терьер.

Андрей Андреевич записал телефон женщины. Через несколько дней он позвонит ей, чтобы назначить свидание.

У них все сложится замечательно, но она так никогда и не узнает, что, гуляя с ней в парке, вместо двух собак Андрей иногда видит двух озорных подростков... **УС**

Такая досада

Марина Тишанская (псевдоним)

Творческий псевдоним двух авторов: Марины Борисовны Балахонцевой (на фото — справа) и Людмилы Борисовны Чихачевой (на фото — слева). Родились в Москве в 60-х годах 20-го века в семье потомственной интеллигенции. Учились в средней школе, а затем в Московском институте электронного машиностроения. Работают в области IT-технологий. Замужем, имеют по двое детей и трех маленьких внуков на двоих. Фантастикой увлекались с юных лет: выросли на произведениях классиков — от Станислава Лема и Рея Брэдбери до братьев Стругацких и Кира Булычева. Мечта стать писателем-фантастом появилась еще в школе, но реализовать себя в этой области всегда казалось недостижимо. Первые рассказы написали для себя и своих родственников. Лет десять назад узнали о портале «Самиздат» для писателей-любителей. Стали публиковаться там и участвовать в конкурсах под псевдонимом Марина Тишанская.

Заказов у нас на этой неделе было много. Купол в системе Альфы Центавра, замена атмосферы возле Сириуса, два астероида в центре Галактики, да еще мужик, которого мы прокатили в выходные.

Мне моя работа очень даже нравится. Отделочник — это, я вам скажу, да! Целыми днями в разъездах, зато над душой никто не стоит. И интересно. Чего только люди не придумывают! Опять же, платят хорошо. Но это я отвлекся.

Я тому мужику обещал в субботу подскочить, но не срослось. У него, собственно, был заказ еще на прошлые выходные, но мы взяли большую работу в системе Веги, всю неделю там ковырялись. Я ему отфонила, как полагается, так, мол, и так, в ту субботу не получилось, но в эту — непременно.

А пилить до него — часа полтора, не меньше. Забрался на другой конец Галактики: НТ* до Дриады-2, потом надо пересечь на местную линию — до временной базы, а оттуда гиперпространственным уже до Селии. Пожалуй, и за полтора не доберешься, часа два уйдет. Да обратно, да там повозиться. А заказ-то грошовый.

Мужик астероид прикупил, денег только на атмосферу осталось. Ну, оболочку ему завезли, атмосферу скомпрессованную. Сложили все аккуратненько. А он возмущается, говорит, жене рожать скоро. Хочет, чтобы ребенок родился в нормальных условиях. И жена об наши коробки спотыкается, того гляди, навернется, ногу сломает.

Ну, мы не звери какие-нибудь. Так что я твердо решил к нему в субботу смотаться. Но не судьба — халтурка подвернулась. Часов до четырех я проколупался, поздно было уже к тому мужику. А в воскресенье я всегда с семьей — это святое. Сам-то я на Земле живу. Сейчас она не каждому по карману, но мне зарплата позволяет. Купил себе участок в Гренландии, купол наладил.

Тепло, зелень. Детали, конечно, на работе по дешевке прихватил. Кое-что вообще даром. Я бы и дома посидел, но дочка хотела коалу. Слетали в Австралию, купили ей эту самую коалу. Кусается, зараза. Оказывается, она ест только эвкалиптовые листья, представляете? Пришлось к Ленке-кладовщице подъезжать, она мне списанные ростки по дешевке сделала. До вечера растил эвкалипты, три штуки. Теперь коала на них сидит и слезать не хочет. Дочка ревет. Ну вот, опять отвлекся.

В понедельник, думаю, надо мужику отфонить. Ждет ведь. Он, видать, интеллигентный очень, ругаться не стал. Я извинился, как полагается, говорю, в выходные никак не получается. Давай в понедельник. Он расстроился, но говорит, ладно. Работа у него ответственная, отпроситься нельзя. Но ради такого дела...

Совсем я к нему собрался — и на тебе! Жалоба поступила с Альфы Центавра, где мы купол ставили, атмосфера у них перегрелась, анемоны завяли. Меня, конечно, туда. Весь день там проторчал, регулировал конвектор. Такая пакость эти конвекторы, себе бы никогда не поставил. Но справился наконец. Надо было по-хорошему мужику отфонить. Но я не стал. Что он, маленький? Не понимает, что рабочий день кончился и никто к нему сегодня не придет? А уже часов в десять шуруин позвонил. Он с Альгаира из командировки сегодня прилетает. Купил там леопардила. Такая гадина пятнистая. Длинная, зато узкая. Ее местные вялят, завернув в соленые водоросли. Закусочка — первый класс! Шуруин ее компресснул на молекулярном уровне, теперь волнуется, не испортится ли от этого вкус. А по мне, под водочку отлично пойдет.

Моя Варюха огурчики засолила — ма-ахонькие, один к одному. Когда шуруин приезжает, она всегда борщ варит. Конечно, мотается человек по командировкам, неделями там сидит, не то что я. Домашнего то хочется.

Ну вот, а сегодня у меня была только растительность в созвездии Волопаса. Я твердо решил — за пару часов там все сделаю и к тому мужику, на астероиде, мотнусь. А тут шуруин позвонил, что уже на Земле, через час у нас будет.

Ладно, думаю. Столько этот мужик ждал, еще денек обойдется. Быстренько свернулся — и в НТ-кабину. Не успел дверь закрыть, как в ней что-то щелкнуло. Смотрю вниз — батюшки мои! Одна нога в созвездии Волопаса, то есть на планете, где я зелень растил, а другая — уже в Гренландии. Конечно, опасности никакой. На то и НТ. Висишь себе вне пространства и времени.

У Варвары моей уже борщ кипит, бутылка в холодильнике инеем подернулась, шуруин леопардила распаковывает, а я здесь. Эх! Взяла меня досада. Звоню в диспетчерскую. Так, мол, и так, поломка на линии, застрял, выручайте. А меня диспетчерша спрашивает, посмотри, какая марка кабины. Она там в левом углу синими буквами светится. Я посмотрел — ВВВ дробь две тысячи пятьдесят восемь. Она захохла. Очень старая кабина, кого я к вам пришло? Я говорю, вы обслуживаете эту линию или не вы? Она отпираться не стала, мы, говорит. Я ей — присылайте тогда мастера. А она объясняет: такая история, у них всего один мастер умеет эти кабины чинить. Но он сейчас в отпуске. У него жена должна скоро рожать.

Догадались уже? Он недавно астероид купил, кучу денег стоит, и заказал себе атмосферу в фирме «Вся Галактика». Вот уже две недели ждет мастера, а тот не летит. Ну, он упертый оказался. Все равно, говорит, жду. Взял отпуск за свой счет, как только мастера дождется, сразу на работу выйдет. Но вы, говорит, не беспокойтесь. Мастер к нему еще вчера обещался, так что, может, он скоро появится.

А я так хотел леопардила попробовать...

*НТ — ноль-транспортировка

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ								73413			
на журнал								(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 2014 г. по месяцам								Колич. компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											
Доставочная карточка											
ПВ		место		литер		на журнал				73413	
										(Индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость		подписки		___руб. ___коп.		Колич. во комплектов					
		перед ресовки		___руб. ___коп.							
на 2014 г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись и читай! Индекс 73413.